

«...Россия — это мое»

Письма Андрея Соболя Владимиру Лидину (1916—1926)

Публикация, подготовка текста,
вступительная статья и примечания В. Хазана

Публикуемые ниже письма Андрея Михайловича Соболя (наст. имя и фам. Израиль Моисеевич Сობель¹; 1888—1926) к его коллеге по творческому цеху и близкому приятелю Владимиру Германовичу Лидину (наст. фам. Гомберг²; 1894—1979), обнимающие десятилетие (с 1916 по 1926 гг.), одно из самых насыщенных драматическими событиями в истории России XX столетия, представляют любопытный во многих отношениях документ эпохи (а возможно, и нескольких эпох сра-

© Публикация, подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Хазана.

© TSQ 41. Summer 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Утверждение, будто бы настоящей фамилией Соболя является Соболев, относится к числу необъяснимых курьезов, см., например, в аннотированном указателе имен к кн.: А. В. Луначарский. *Собрание сочинений в 8-ми томах*, т. 2. М.: Художественная литература, 1964, с. 693 или — более свежий пример: в биографической заметке к статье: О. М. Новикова, «Дневниковые записи (1922—1948)» / Подг. текста и коммент. О. В. Володиной, И. А. Новиков в *кругу писателей-современников*. Орел; Мценск, 2003, с. 209. «Путанье» Андрея Соболя и одного из его ближайший приятелей, литературного и театрального критика Юрия Васильевича Соболева, началось не сегодня, см. статью Ю. Соболева ... *Читая... Слушая* (Эхо, 1923, № 5, с. 24—26), которая, судя по всему, по вине редакции, подписана Ю. Соболев. Но, пожалуй, наиболее курьезным является перестановка подлинной фамилии писателя (если таковой считать Соболев) и его псевдонима Нежданов в указателе имен к книге *Русское зарубежье о Сергее Есенине* (М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007, с. 537; Сост., вступ. ст., коммент., указ. имен Н. Шубникова-Гусевой).

² Не Громберг, см.: Илья Эренбург. *Люди, годы, жизнь*, кн. 6, 7 / Подг. текста, коммент., словарь имен, сост. ил. Б. Я. Фрезинского. М.: Текст, 2005, с. 567.

зу, вместившихся в эти временные рамки). Они интересны прежде всего тем, что проливают свет на многие обстоятельства жизни Соболя (и отчасти его корреспондента) и соответственно помогают глубже понять их автора, этого «еврея с русской душой», если известное определение, которым Вс. Иванов в одном из писем М. Горькому попытался охарактеризовать И. Бабеля, переадресовать Соболю. Как это ни парадоксально, биография последнего, не принадлежащего, конечно, к наиболее ярким *grandes vedettes* русской литературы, но все-таки писателя с именем, относится к явлениям малоизученным, и если не считать нескольких попыток написать относительно полный очерк его «трудов и дней» (среди них прежде всего следует упомянуть диссертацию Д. В. Ганцевой «Андрей Соболев: творческая биография», защищенную в 2001 г. в Уральском университете, Екатеринбург), можно было бы признать, что, кроме сведений самого общего порядка, включая клише, кочующие из одной справочной статьи в другую, имя Соболя принадлежит числу замолчанных и малоизвестных даже специалистам, не говоря о широкой читательской публике. Лучшим подтверждением этому служит тот поразительный факт, что для него не нашлось места в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917», наиболее авторитетном справочном издании последних десятилетий (равно, кстати сказать, как и для Лидина тоже). Из писателя с широкой популярностью, «автора для многих» в первой половине 20-х гг.³ Соболев в наши дни без преувеличения превратился в писателя почти без читателя. При этом нельзя сказать, что бы его «полуизъятие из литературы» произошло «не санкционировано», как бы по наитию, без каких бы то ни было политических усилий со стороны властей предержавших. Историк российской цензуры А. Блюм справедливо отмечает, что

³ Как свидетельствовал, отзываясь на смерть писателя Вал. Катаев, по одной из анкет, распространенных среди читателей газетой *Гудок* в 1925 г., на вопрос о лучшем беллетристе большинство назвали имя Соболя (*Гудок*, 1926, № 131 (1813), 9 июня).

хотя писатель ушел из жизни «добровольно», его произведения затем находились многие десятилетия под подозрением и не печатались. Ряд его книг попал в спецхран, будучи включенным в проскрипционные списки Главлита.⁴

Судя по «интересу» издателей к этой литературной фигуре, «запрет» на Соболя едва ли не снят и поныне. И это при том, что он принадлежит к писателям, которые, как кажется, не нуждаются в «спасительной критике» и которые вызывают вовсе не «некрофилический» интерес узкой группки специалистов.

Имя Соболя, придавшего себя идеологическому самоотракизму, в советские времена лучше было — «по умолчанию» — не тревожить, и Лидин, создавший в поздние 1960-е гг. книгу мемуарных портретов и зарисовок многочисленных писателей, с которыми он встречался на своем жизненном пути, так и поступил: о Соболе промолчал. Книга *Люди и встречи*, как и все вышедшее из-под лидинского пера в советские годы, когда, по выражению автора его некролога в парижской *Русской мысли*, он благоразумно ушел в «спасительную тень»⁵, безусловно, носят по-житейски расчетливый характер. Правда, незадолго до смерти Лидин опубликовал в *Новом мире* еще одну подборку своих мемуаров, в которой, наконец-то, вспомнил о забытом приятеле. В главке *Майским утром* он так рассказывал об их знакомстве:

Майским утром, на рассвете, я возвращался на московском извозчике с молодым человеком, недавно вернувшимся из политической эмиграции, — Константином Михайловичем Черновым. Мы были с ним в гостях у Алексея Ивановича Окулова, тоже недавно вернувшие-

⁴ Арлен Блюм. *Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790—1990: Опыт комментированной антологии.* СПб.: Полиграф, 2011, с. 393.

⁵ И. Шенфельд, «На смерть Владимира Лидина», *Русская мысль*, 1979, № 3285, 6 декабря, с. 13.

гося из эмиграции и пробующего силы в литературе. И Чернов, и Окулов прожили несколько лет в Париже, и у обоих за плечами были тюрьмы, а у Чернова еще и зарентуйская <sic> каторга...

Был тот ранний час, когда улицы еще пустынные, старая чалая лошадь неспешно отстукивала подковами по булыжнику Бутырской улицы с угрюмым кирпичным монолитом Бутырской тюрьмы. Вечер, проведенный в дружеском кругу, весенний поднимавшийся день, видимо, расположили Константина Михайловича к откровенности.

— Откроюсь пока вам одному: мое настоящее имя Андрей Михайлович Соболев. Но сохраните пока это в тайне.⁶

И хотя мемуарист за давностью лет путает времена и перемещает это знакомство в послефевральскую эпоху, когда «в России действовало Временное правительство» (на самом деле оно состоялось раньше более, чем на год: первое соболевское письмо датировано 24 февраля 1916 г.), само по себе его свидетельство крайне важно для идентификации ряда событий, о которых повествуют публикуемые ниже письма.

Значительную лауну в построении биографии Соболева представляет тот период, когда он, осужденный в 1906 г. за революционную деятельность, приговоренный к каторге и отбывавший ее в тяжелейших условиях построения «колесухи» (Амурской колесной дороги) и Зерентуя, сбежал в конце 1908 г. с поселения и оказался за границей. Жил в Швейцарии, в Париже, в прибрежном итальянском городке Кави ди Лаванья, который упомянут в письме № 11, см. также прим. 1 к п. № 27.

Политэмиграция Соболева (назовем ее так), фактически не описанная, представляет предмет отдельного исследования, в данной же публикации речь идет о периоде, охватывающем его жизнь после нелегального возвращения в Россию до — буквально — конечного часа (последнее из публикуемых пи-

⁶ Вл. Лидин, «Страницы полдня», *Новый мир*, 1978, № 5, с. 98.

сем написано 6 июня 1926 г., за короткое время до самоубийства, произошедшего в ночь с 6 на 7 июня). В сохранных Лидиным письмах Соболя отражены по существу все значительные этапы жизни последнего в течение данного десятилетия: литературная деятельность до произошедших в стране революционных сдвигов и катаклизмов; отъезд на Кавказский фронт; возвращение в послефевральскую Москву; деятельность в роли помощника комиссара Временного правительства; бегство из большевистской столицы на юг; чекистский застенок в Одессе; смирение с собственной судьбой и участием и неожиданное, поразившее его друзей, ушедших в эмиграцию, превращение вчерашнего истового оппозиционера большевистского *coup d'état* в советского «инженера человеческих душ», секретаря Всероссийского писательского союза; несколько «неудачных» попыток самоубийства и, наконец, «точка пули в конце» мятущегося, неуравновешенно-взвинченного, обладавшего хрупкой душевной организацией и страдавшего гиперповышенной чувствительностью, но честного, бесстрашного человека и талантливого писателя.

Письма Соболя Лидину представляют собой немалый интерес не только для реконструкции биографии их автора самой по себе, но и как поучительные фрагменты российской истории вообще. После тайного проникновения в Россию Соболя, с одной стороны, соблюдая все законы конспирации, жил под чужим именем, с другой же, как можно убедиться, читая приводимый ниже эпистолярый, его нелегальность имела достаточно относительные границы и заключала в себе вполне легальное передвижение и участие в литературно-общественной жизни. Небезынтересна та часть писем Соболя, которая связана с его участием в деятельности Всероссийского земского союза, отправлявшего на фронты Первой мировой войны дружины санитаров для помощи больным и раненым солдатам (организация перевязочных пунктов, работа в военных лазаретах и полевых госпиталях, вопросы питания и пр.), работников различного рода тыловых профессий (банно-прачечные команды, ремонтно-починочные мастерские, служба

провианта, фуража и пр.). В конце 1916 — начале 1917 г., сменив предыдущего Константина Михайловича Чернова на Александра Александровича Трояновского и будучи под этим именем зачисленным в одну из таких команд, в 7-й полевой врачебно-питательный отряд, Соболев попадает на Кавказский фронт, откуда и написана часть его писем Лидину. Мы не знаем в точности (и из писем это — в силу объяснимых обстоятельств военной цензуры — с достаточной ясностью не вытекает), в чем конкретно состояли обязанности Соболева, но скорей всего он занимался ревизией и контролем за пунктами солдатского питания и гигиеническим комплексом. Находясь в местах горно-экзотических, отмеченных не только на карте военных действий — Карс, Эрзерум и пр., — но и занесенных в копилку русской литературы (*Путешествие в Эрзерум* Пушкина), Соболев не жалеет поэтических красок, описывая среду своего обитания. Позднее Эрзерум будет упомянут в его рассказе *Горбатый*, где по прихоти вроде бы причудливой фантазии, зачастую опирающейся на картины, хранящиеся в подсознательной памяти писателя, погибнет брат героя-рассказчика, отец его горбатой племянницы Шурочки...

Несколько писем Соболева Лидину приходится на ту драматическую пору, когда, назначенный помощником комиссара 12-й армии, он был одним из тех, кто противостоял стихии развала, превращения войска в аморфную, неуправляемую массу, когда солдаты отказывались выполнять приказы офицеров и микроб большевистской пропаганды разъедал остатки стремительно рушившегося порядка и дисциплины. «Уговаривающий комиссар» Соболев видел в этом начало конца — смертный приговор, который Россия выносила самой себе.

Я ехал, надеясь, что мне удастся переубедить, уговорить, — рассказывал Соболев в одном из своих очерков-корреспонденций 1917 г., которые он подрядился писать в эсеровскую газету *Воля народа*, — но все мои попытки увещевания ни к чему не привели. Я увидел, что необходимы самые энергичные меры. Я знал, что если не заставить эту дивизию подчиниться — ближайшие

последуют ее примеру. <...> Передо мной была такая дилемма: или окончательное разложение армии и перемена всей стратегической обстановки в гибельную сторону или решительные меры. Я выбрал второе.⁷

Впрочем, решительность таких, как Соболев, была уже излишней, и в том же очерке он предупреждал:

Приближается грозная развязка, и то, что она принесет стране и революции, должно быть ясно всякому, даже ослепшим в дыму партийной свары.

Сегодня у нас почти нет армии — завтра ее совсем не будет.⁸

В будущем он опишет эти трагические дни в повести *Салон-вагон* (1922), преобразившись в комиссара Гилярова, которому так же было не суждено сдержать развал армии и крушение России, как это не удалось сделать комиссару Соболеву.

Одним из самых узловых вопросов соболевской биографии был и остается вопрос оприятии им, убежденным антибольшевиком, советского режима, о «подписанном контракте», основным выражением которого с его стороны стало опубликованное в *Правде* (1923, № 207, 14 сентября, с. 4) *Открытое письмо*, главным острием обращенное к писателям, пытавшимся отыскать в борьбе двух России, условно говоря, «красной» и «белой», некий третий путь, или к таким, кто вообще отмахивался от поиска какой-либо идентификации и с теми, и с другими, и с третьими. В этой связи крайне важный и значимый характер приобретают те его письма Лидину, что написаны из одесской чекистской тюрьмы (№№ 34—36), куда Соболев попал в конце февраля — начале марта 1921 г., демонстративным образом проявив свое антилояльное отношение к новой власти. В особенности интересно то из них (от 29 мая), в котором он по-своему, по-соболевски, тихо, но

⁷ Андрей Соболев, «Письма с фронта», *Воля Народа*, 1917, № 147, 18 октября, с. 2.

⁸ Там же.

упрямо и настойчиво протестует против попыток своих друзей, вызванных благими намерениями, ходатайствовать пред «сильными мира сего» об его освобождении. Вообще, советская эволюция Соболя — явление, несмотря на всю свою внешнюю очевидность, в высшей степени обманчивое, и характер его «приспособляемости» к правящему режиму — вариант «сдачи и гибели советского интеллигента» — равно далек и от примитивных схем «идеологической перековки» вчерашнего «врага революции» в «кающегося попутчика», и от плутоватого сервилизма, демагогически принимающего условия новой жизни из сугубо материального расчета, и от морали затаившейся «контры», не сумевшей отыскать более удачливых жизненных выборов и решений. Образ вольного или невольного двурушничества столь очевиден в соболевских текстах, что здесь нет нужды строить гипотетические догадки относительно того, жил ли он в согласии с самим собой или ощущал чувство некоей раздвоенности на официально-фасадное и тайное существование. Это походило на тот дом, что описан в его рассказе *Китайские тени* (1924), одной своей стороной выходявший вовне, наружу, «к комиссарам всяким, к разным податным, муниобразным, соцстрахным со всякими отчислениями и анкетами, рыжим пятиэтажным четырехугольником на любое лояльное прочтение», а с другой — выглядящий спрятавшимся в глубине двора, льнущим «сереньким пятном, бедным, комочком незаметным, подслеповатыми, с бельмами-окошечками, к низенькому сарайчику...»⁹

Не стараясь поставить в этом сложном вопросе все точки над *i*, заметим только, что для анализа того, что можно было бы назвать соболевским «хождением в Каноссу», как и в случае с любым интеллигентом близкой ему судьбы, морально, психологически или идеологически мобилизованным на службу новым режимом, необходим всесторонний учет многообразных исторических и личных обстоятельств. В какой-то мере

⁹ Андрей Соболев. *Собрание сочинений <в 4-х томах>*, т. IV. М.; Л.: Земля и фабрика, 1927, с. 6 (http://imwerden.de/pdf/sobol_kitajskie_teni_1927_text.pdf).

письма Соболя Лидину служат выполнению этой задачи, см. также представляющее в данном смысле особый интерес письмо Соболя А. Н. Толстому от 27 июня 1922 г., которое приведено в прим. 6 к письму № 37).

История советского Соболя — и данная публикация, как кажется, свидетельствует об этом достаточно красноречиво — носит весьма сложный и неоднозначный характер: именно на лучшие годы его творчества парадоксальным образом приходится в особенности трудный и вязкий период душевной болезни — череды депрессий, тесно связанных, помимо прочего, с моральным и политическим разочарованием в социалистической реальности. Несмотря на то, что он в это время много пишет, является секретарем Всероссийского писательского союза, ездит по стране, один внутренний кризис сменяет другой, приступы тоски и усталости становятся все нестерпимее, и избавление от преследующей душевной боли, когда читаешь его искренние и отчасти даже навязчивые признания, представляется несбыточным миражом. Временные облегчения наступали при резкой смене примелькавшихся декораций и затверженных ролей, когда умевший и радоваться и удивляться писатель находил себя в непривычной обстановке, но через очень короткое время эта первая вспышка эмоций в нем погасала и сменялась обычным настроением тоски и тревоги, пока в конце концов не наступил давно предожидаемый конец.

И еще одну небезытересную сторону, связанную с публикуемыми письмами стоит отметить: они как бы дают протяженное представление о том, что Соболев позиционировал себя в своем роде не как «чистый» писатель или, скажем акуратней, не только как писатель, или еще точнее: как кто-то + человек пишущий. Его подвижное тело постоянно требовало действия — как в смысле физическом, так и социальном. В начале жизненного пути революционный деятель, пусть и не особенно крупного масштаба, затем политкаторжанин, позднее — эмигрант, когда он тесным образом сошелся с эсерами-террористами, еще позже работник Земсоюза, помощник комиссара Временного правительства, а творчество — писа-

тельское, журналистское — возникало как бы попутно, параллельно, по воле необязательным и расчисленным с какой-либо строгостью алгоритмам, если вообще, как сказал бы Ж. Деррида, мучила «тревога письма» и наступал непредсказуемый миг вдохновенной охоты творить. И только за несколько лет до смерти, уже в советском качестве, он, как кажется, обрел статус «профессионального писателя». При всем том, что главным делом жизни Соболя, его *métier*, разумеется, является литературная деятельность, персональный мир, в котором он каждодневно обитал, был (подчеркнем это вновь — до нескольких последних лет жизни) изначально «иной», не связанный прямо с собственно писательским ремеслом, — образы, замыслы, писания возникают в нем как функция других занятий, дел и отношений, становящихся «партитурами» будущих литературных текстов. Поэтому, представляя «писателем» (его любимое выражение), Соболев как бы продолжает играть другие социальные роли, перенося их «по инерции» в литературную профессию. Явление это, помимо всего прочего, любопытно с точки зрения стилистических особенностей соболевской прозы, которая до нынешнего времени остается должным образом неисследованной.

Несколько слов о той стороне отношений Соболя и Лидиной, которые, будучи тесно связаны с историческими обстоятельствами, в каковые была поставлена послереволюционная русская литература, остались за пределами публикуемых ниже писем.

23 мая 1922 г. датировано письмо Соболя редактору издававшейся в Берлине *Новой русской книги* А. С. Яценко, в котором он благодарил его за присланные номера журнала и писал:

Я бы охотно предложил Вам свои услуги для работы в Вашем журнале, но не знаю, какого рода вещи Вам более желанны.¹⁰

¹⁰ Hoover Institution Archives (Stanford University), b. 126, f. 40.

По всей видимости, именно в ответ на это письмо Яценко заказал у Соболя автобиографическую справку, которая была получена и помещена в июньском номере журнала под рубрикой *Писатели о себе*.¹¹

Получив этот номер *Новой русской книги*, Соболев писал Яценко 18 августа 1922 г.:

Многоуважаемый Александр Семенович,
только что получил № 6 *Книги* — большое Вам спасибо.

В ответ на Вашу просьбу о присылке материала для *Книги* посылаю Вам статью небольшую о писателе Вл. Лидине — об одном из наиболее интересных в современной русской литературе. К сожалению, одна из — и при этом самая значительная — вещь только частями опубликована, за границей о ней не знают и потому для первой статьи своей я и взял ее.

Я Вам вместе с своей автобиографией послал и автобиографию Лидина, которую я у него взял. Но оказывается он не предполагал, что она будет в таком виде опубликована. Потому я попрошу Вас задержать ее печатанием, а на днях я у него возьму другую и пришлю Вам.

Вещь его, о которой я пишу, называется *Ночи и дни*. Это эпопея — вся русская революция, война и т. д.

Я буду рад, если моя статья о нем пойдет в сл<едующий> № Вашей *Книги*.

Я бы хотел видеть ее напечатанной за моей сокращенной подписью, ибо ведь я не критик, и статьи свои редкие на литерат<урные> темы я всегда подписываю не полным именем.

Примите мое уважение

А. Соболев¹²

Яценко в точности исполнил просьбу Соболя: рецензия на несколько повестей Лидина, объединенных первоначально-

¹¹ См.: Андрей Соболев. «Писатели о себе». Новая русская книга. 1922. № 6, с. 38—40; справка датирована 29 июня 1922; другой автобиографический материал, помещенный в той же рубрике, касался А. Яковлева.

¹² Hoover Institution Archives (Stanford University), b. 126, f. 40.

условным замыслом в единую книгу, названную *Ночи и дни*, под которым она никогда не появлялась (т. е. отзыв в известном смысле представлял неосуществившееся предприятие), была опубликована в августовском номере *Новой русской книги* (подписана А. С.).¹³

Есть разные судьбы и разные облики писателей, — говорилось в рецензии Соболя. — Есть писатели, которые говорят о себе больше, чем говорят о них другие и которые пишут больше о себе, чем для других. Вл. Лидин не принадлежит к числу шумящих писателей. Его творчество отъединено и углублено; он переживает и пережил сложнейшие писательские кризисы, из которых вышел обновленным и полным сил. Среди современных русских писателей он один из наиболее значительных и глубоких. Но о нем знают только по старым его книгам, от которых он давно ушел.¹⁴

И, заключая рецензию, по своей обычной привычке, полнее всего проявившейся в его письмах, по нескольку раз повторять-выпячивать одну и ту же мысль, Соболев вновь подчеркивал:

Лидин, примеченный по ранним своим книгам, ждет теперь признания и оценки — новый, порвавший с прежним. И если раньше он сильно грешил статичностью, лирическим пессимизмом, был под влиянием, то теперь, несомненно, он стоит на широкой дороге, стано-

¹³ В том же номере — в рубрике *Писатели о себе* — была напечатана лидинская автобиография (с. 38—39), начинавшаяся весьма примечательно: «Родился в Москве в 1918 году, как и все, для кого Россия — раздумье и вера». По поводу *Ночей и дней* автор выражал крепкую уверенность, что «крупнее этой вещи» не напишет ничего: «судьба же ее пока — лежать и ждать своего часа» (там же, с. 39).

¹⁴ А<ндрей> С<оболь> <рецензия на: Вл. Лидин. *Ночи и дни*. Москва, 1922>, *Новая русская книга*, 1922, № 8, с. 14.

вась уже явлением не только художественным, но и общественным.¹⁵

Помимо внешней задачи представить читателю «обновленного» писателя, Соболев, судя по всему, руководила другая, не менее, а возможно, даже более важная: отвести от приятеля грозивший ему удар высылки из страны или, по крайней мере, сыграть усиливающую роль такого громоотвода. Не исключено, что Соболев знал о том, что имя Лидина попало в «проскрипционные списки», готовившиеся или бывшие уже готовыми к весне — лету 1922 г., на основании которых происходила высылка из страны неудобной интеллигенции, чьи взгляды не совпадали с большевистским идеологическим курсом. Известно, что Л. Троцкий обращался к А. К. Воронскому, прося сообщить его мнение о политических настроениях Лидина. Похоже, что данная критиком «объективка» сыграла в своем роде роль «охранной грамоты» и уберегла писателя от принудительной эмиграции.

Лидин состоит членом Правления Всероссийского союза писателей, — отвечал Троцкому Воронский. — К определенным литературным группировкам тоже не принадлежит. Год тому назад боялся участвовать в советских изданиях. Теперь идет охотно. В литературном направлении замечается тоже перемена: советский быт

¹⁵ Там же, с. 15. Из всех книг о революции, написанных к тому времени, Соболев, как он признается в той же рецензии, отдавал предпочтение только двум — *Мирской чаше* М. Пришвина и данной лидинской, ставя ее «на десять голов выше *Голого года* Пильняка», представляющего, по его словам, «сырые отрывки и неряшливое собрание старых рассказов с отрезанными концами и началами» (там же, с. 14—15). Роман Пильняка *Голый год* вышел в 1922 г. тремя изданиями в берлинском издательстве З. Гржебина. В июне 1922 г. его автор писал Лидину из Коломны: «У меня вышел — скверный — *Голый год*, на днях выходит еще том: и тебе и Соболеву — с надписанием, как приеду» (Б. А. Пильняк. *Письма: в 2-х томах* / Сост., подг. текста, предисл. и прим. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010, т. 1, с. 462).

в последних вещах. <...> Раньше писал под Бунина, теперь копирует Пильняка.¹⁶

Следует с особой настойчивостью подчеркнуть, что сама мысль об эмиграции для Соболя была абсолютно неприемлемой. Еврей по рождению, он был подлинным русским патриотом — не в сусально-пряничном, разумеется, смысле этого слова, и даже не в смысле ассимилированного еврея, а в той культурно-психологической интерпретации «родного и вселенского», которая за каждым человеком закрепляет право, помимо любых других идентификаций, включая и национальную, идентифицировать себя с местом рождения и обитания. Москва была центром его человеческой и писательской вселенной, и образ чеховских трех сестер с их обманчиво-иллюзорным «В Москву! В Москву!» моделировал сугубо соболевский взгляд на центростремительные силы судьбы. Он с полным правом мог повторить за поэтессой В. Звягинцевой, с которой был хорошо знаком, слова о Москве: «Замоскворечье в тихом круте / Уныло брошенных мостов — / Моя Венеция, мой Брюгге, / Предел забвения и снов».¹⁷ «И никогда еще так остро не чувствовал, что Россия — это *мое*, как в те минуты, когда слушал о том, что делали люди, на что они руку поднимали», — пишет он в письме Лидину от 7 ноября 1917 (№ 26), усиливая лермонтовской аллюзией силу преступного деяния тех, кто с помраченным сознанием поднялся против святая святых его, Соболя, мира. И таких, почти любовных, признаний Москве можно найти несметное количество в его письмах, да и в художественных текстах, свидетельствующих не только о вполне объяснимых пристрастиях и привязанностях обычного «московского патриота», но и в значительной и решающей степени о неустрашимом из характера Соболя-человека и Соболя-писателя московского, и шире — российского, корневого слоя как наиболее устойчивого и плодонося-

¹⁶ Цит. по кн.: Е. А. Динерштейн. А. К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001, с. 226.

¹⁷ В. Звягинцева. *На мосту*. М., 1922, с. 19.

щего, служащего неким неизменным жизненным основанием, не подверженным происходящим вовне него и внутри причудливым трансформациям и метаморфозам.¹⁸ И здесь как раз и произрастали истоки драмы — между незыблемым, конституированным бытием, укорененным в своей истории и традиции, и им, «человеком прохожим» — пришлым, иноподным (еврейство Соболя, конечно, играло в этом отношении важную роль, но к одному нему все не сводилось). Драма, приведшая к самоизъятию писателя, лишенного состязательного тщеславия, из мира живых.

Любопытно, что в письмах Соболя к Лидину еврейская тема практически отсутствует (отдельные ее вкрапления, типа ласкательно-еврейского обращения к своему корреспонденту: Велвеле или шутливо-задиристых Зисель или Хаим, конечно, погоды не делают). И это при том, что их автор в пору, когда они писались, активно сотрудничал в русско-еврейских органах печати. Ни об одном из своих выступлений в них он, однако, Лидину не сообщает, полностью исключая из данной переписки этот пласт своей жизни, по всей видимости, как малоактуальный для корреспондента. Вниманием обходится, например, даже такое незаурядное для национально мыслящего еврея Соболя событие, как смерть Шолом-Алейхема, которого он хорошо знал лично, которого переводил на русский язык и о котором опубликовал некрологический очерк в русско-еврейском еженедельнике «Новый путь».¹⁹

¹⁸ См. отмеченную М. О. Чудаковой общность (или, по крайней мере, сходство) вчувствования в «московский текст» у Соболя («А в весеннем легком рассвете, всегда, всегда Москва возникает как некое чудесное выражение всех наших затаенных дум и чаяний», рассказ «Китайские тени» (1924)) и О. Мандельштама («Москва — опять Москва. Я говорю ей: «Здравствуй!», «1 января 1924») (Мариэтта Чудакова, «Москва — Петербург/Ленинград и русская беллетристика советского времени», *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* / ed. David M. Bethea <et al.> <in two parts>, part 2. Stanford, 2007, с. 390 (Stanford Slavic Studies, vol. 34)).

¹⁹ См.: Андрей Соболев, «Шолом-Алейхем», *Новый путь*, 1916, № 17, 15 мая, стлб. 6—7.

С точки зрения взаимодействия русской и еврейской культур данный эпистолярный опыт интересен, помимо прочего, своей «конвенциональной договоренностью» между двумя евреями не затрагивать еврейской проблематики вообще или затрагивать ее крайне поверхностно и вести беседу двух русских писателей. Возможно, в этом сказалась инстинктивная «незаинтересованность» Лидина существовать в еврейском мире, в котором реально существовал Соболев, и отвечающая этому известная его «табуированность» со стороны последнего. Из воспоминаний А. В. Бахраха, появившихся уже после смерти Лидина, вытекает, что тот едва ли не страшился своего «разоблачения» как еврея и полностью идентифицировал себя как русский писатель:

Когда-то — в те далекие времена, — писал Бахрах, вспоминая 20-е годы, — Лидин часто бывал за границей — в Берлине, он не раз приходил в организованный Борисом Зайцевым и Осоргиным *Клуб писателей* и охотно встречал своих старых знакомцев «с другого берега». Однажды он принес мне прямо от своего издателя еще свежие *Повести о многих днях*, снабдив книгу ласковой надписью. Я ее сразу прочитал, но ее содержание запомнил, как забыл содержание почти всех других его книг. Они читались не без приятности, но не запоминались.

Когда я с ним познакомился, общие друзья предупредили меня, чтобы, не дай Бог, я не оговорился и не упоминал при нем, что откуда-то знаю его настоящую фамилию. Ее «буржуазное» звучание, очевидно, было ему невтерпех. Неровен час, может быть, именно это его отталкивание и помогло ему прожить долгую жизнь без того, что его псевдоним постоянно раскрывался, как это было привычно для советского быта. Было даже что-то чудесное в том, что ему было ниспослано такое сравнительно благополучное существование, что и в самые черные годы он мог профессорствовать в литературном

институте. Думается, что за это он должен быть прежде всего благодарен своей «умеренности и аккуратности».²⁰

Письма Соболя Лидину печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ — №№ 1—26 (от 24.II.1916 до 7.XI.1917): ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 960; №№ 27—58 (от 25.I.1919 до 6.VI.1926): там же, ед. хр. 961. Приношу искреннюю благодарность работникам РГАЛИ, всемерно содействовавшим появлению этой публикации.

№ 1

Москва, 24-го фев<раля> 1916

Дорогой Владимир Германович,
спасибо за открытку — уже совсем было потерял Вас из виду. Так как Вы, бедный, скучаете, а делать я ничего не делаю — то и решил соорудить целое послание. Так вот начинаю.

Вчерашний вторник у Кары-Мурзы прошел совсем бледно.¹ Народу было мало — и больше всего говорилось о гонораре за пьесы и о том, как счастливы г<оспо>да драматурги. Пьеса из индусской жизни будет прочитана недели через две. Иосиф Александрович² установил с точностью до 1/10000, что автор ее сам Епифанский.³ По сему поводу Никандров⁴ уже заранее засучил рукава и решил драться до последнего издыхания. Он почему-то очень настроен против Индии и всего, соприкасающ<егося> с Индией.

Появился у нас на горизонте новый молодой писатель — Алексей Окулов — мой старый знакомый. Кажется, книжку его рассказов издадут *Северные Дни*.⁵

Вышел 1 № *Свобод<ного> Жур<нала>*. Там рассказ Журина, но такой, что ложись и плачь.⁶ Там же и статья Абрамовича о женщине, где черным по белу сказано, что верное слово о женщине молвили сл<едующие> лица: Вейнингер в Герма-

²⁰ Александр Бахрах, „Три встречи“, *Новое русское слово*, 1980, 13 января.

нии, Стриндберг в Швеции и Арцыбашев и Абрамович в России.⁷

В общем номер аховый. Да, третий альманах *Нов<ой> Жизни* появился, но я его еще не видел.⁸ В январской книге *Современного Мира* есть отзыв о Вашей книге. Посылаю его Вам.⁹

1 кн<иги> *Нового* жур<нала> для всех все еще нет в продаже, хотя она уже давным-давно вышла. Получится тут — пришлю Вам экземпляр.¹⁰ В *Ежемесячном Журнале* в статье Рогачевского о Вас ничего нет, а меня он одной рукой погладил, а другой съездил. На языке Миролубова это называется:

— А он очень одобрительно отозвался о вас.¹¹

В декабрьской книжке журнала Архипова (забыл, как он называется) есть Ваш портрет.¹² В одном из *№№ Столицы и усадьбы* о Вас очень благоприятная рецензия.¹³

Ну, а со сборником дело подвигается туго.¹⁴ От Замиралова нет ответа.¹⁵ От Замятина ответ приблизительно такое <sic>: пока ничего готового нет.¹⁶ Иосиф Александрович Матусевич ему вторично написал. Ал. Окулов будет писать для сборника.¹⁷ А я засел было за работу, но вдруг такие холода пошли, что писать не могу: у меня в комнате полярное настроение, печь холодная, как лед — и ничего, ничего не могу делать. Но потеплеет — засяду.¹⁸

Если Григорий Борисович¹⁹ вернется с благоприятными известиями о Боре²⁰ — тогда Иосиф Алек<сандрович> поедет в Петроград — и там уже наберет для сборника.

Во всяком случае унывать не стоит, и держаться за сборник надо крепко. Если он выйдет в сентяб<ре>-октябре — и то хорошо. Надо только начать, а там уж пойдет.

А Вы как живете? По открытке судить трудно, но, видимо, здорово Вас тянет в Москву. Я люблю ее, даже чрезмерно, но сейчас с большим наслаждением поменялся бы с Вами, ибо давно, давно я не был в тех краях.²¹

Минский трамвай лет пять тому назад попал в литературу. Если о нем прекрас<ный> тонко-юмористич<еский> рассказ

Шолома-Алейхема.²² Но Минск еще одним славится — красивыми, молодыми еврейками.

Уже успели в этом убедиться?

Начали уже писать для *Рус<ских> Вестом<остей>*?²³

У нас новость: объявлен просмотр белобилетников.²⁴ Начало 1-го марта.

Ну-с, всего, всего лучшего пока. Сейчас иду к Бому.²⁵ Будет желание — черкните, чему буду рад очень. Не забывайте. Будьте здоровы, веселы и проч. и проч.

Всего, всего хорошего

А<ндрей> С<оболь>

<добавлено рукой Р. С. Бахмутской:²⁶> И мой привет Вам. Р<ахиль> Б<ахмутская>

1. Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1876—1956), адвокат, театровед, библиофил, хозяин литературного салона (жил в доме страхового общества *Россия*, Сретенский пер. 6, кв. 68), где проходили «литературные вторники». Инициатор и автор первого либерального проекта закона о печати (1902). В 1920-е гг. один из руководителей Российского общества друзей книги. См. о нем, в частности, как о библиофиле краткий мемуар В. Лидина «*Сапоги Карла Маркса*» в кн.: В. Г. Лидин. *Друзья мои книги: Заметки книголюба*. М.: Искусство, 1962, с. 106—09.

2. Иосиф Александрович Матусевич (1879—1940), журналист, публицист, художник. Учился в Одесской художественной школе. До революции сотрудник периодических органов юга России (*Южные записки*, *Донская речь*, *Приазовский край*), Киева (*Киевская мысль*), Москвы (газеты *Утро России*, журнал *Рампа и жизнь*) и Петербурга (*Журнал для всех*, *Новый путь* и др.). Один из организаторов и редакторов московского книжного издательства *Северные дни* (1917—22). Член Всероссийского союза писателей с момента его возникновения в 1918 г. и до высылки за границу 23 августа 1922 г. Жил в эмиграции в Берлине. Был соучредителем берлинского Клуба писателей (1922—23), членом и некоторое время секретарем Союза русских писателей и журналистов в Берлине. Сотрудничал в парижских *Последних новостях*, рижской *Сегодня*, берлинских *Днях* и *Руле*, а также в журналах *Воля России*, *Жар-Птица*, *Звено*, *Наш мир*, *Русские записки*, *Современные записки*, *Родное слово*, *Рубеж* и др. Писал портреты и занимался книжной графикой. В кругу друзей именовался Мович, см. в дальнейших письмах Соболя. См. биографическую справку о нем: Калифорнийский альманах (Сан-Франциско, 1934, с. 112).

3. Александр Артамонович Тетерев (псевд. Епифанский), публицист, театр. критик.

4. Николай Никандрович Никандров (наст. фам. Шевцов; 1878—1964), прозаик; входил в круг близких друзей Соболя.

5. Речь идет о сборнике рассказов писателя и в будущем советского партийного деятеля Алексея Ивановича Окулова (1880—1939) *На Амыле-реке* (М.: Северные дни, 1916; переизд. изд-вом «Земля и Фабрика», 1925).

6. В № 1 *Свободного журнала* за 1916 г. был опубликован рассказ поэта, прозаика и лит. критика Александра Ивановича Журина (1878—1930-е гг., по-видимому, был подвергнут репрессиям) *Сокровище благих* (с. 8—12).

7. В статье критика, прозаика, поэта и публициста Николая Яковлевича Абрамовича (1881—1922) *Где женщина* (подписана его псевд. Н. Кадмин) говорилось буквально следующее:

По всей вероятности, вырисовывающийся на плоскости современной жизни облик женщины не только у нас принимает такие черты. В Германии восставал против женщины Вейнингер, в Скандинавии — Стриндберг. Если в России возникла пьеса Арцыбашева *Ревность* и книга автора этих строк *Женщина и мир мужской культуры*, то это надо приписать тем побуждениям, в результате которых являются эти всплески современного сознания (с. 24—5).

8. Литературно-общественный альманах *Новая жизнь* (ред.-изд. С. Семенов) издавался в Москве.

9. Имеется в виду рецензия В.Ф. Переверзева на книгу Лидина *Трынтрава* (М.: Северные дни, 1916) в № 1 журнала *Современный мир* за 1916 г., в которой отмечалось, что «Лидин учится писать у Чехова...», но он «подражает, чтобы выразить себя; здесь подражание сливается с творчеством, потому что ученик и учитель живут одним чувством, сливаются в одном стремлении»; «Он <автор> не большой художник, но все-таки художник, а не словесных дел мастер» (с. 183). Отклик на переверзевские контroversы см.: Борис Г., «В дни итога (О библиографических отделах толстых журналов)», *Журнал журналов*, 1917, № 2, январь, с. 13.

10. В № 1 *Нового журнала для всех* за 1916 был напечатан рассказ Лидина *Святополк окаянный* (с. 11—3).

11. Соболю имеет в виду статью критика Василия Львовича Львова-Рогачевского (наст. фам. Рогачевский; 1873—1930) *Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)*, напечатанную в редактировавшемся и издававшимся В. С. Миролубовым *Ежемесячном журнале* (1916, № 1, январь, стлб. 155—80). Разбирая в ней несколько романов последнего времени и перечисляя их авторов, критик для каждого находил характерный эпитет: «вульгарный Юрий Слезкин (*Ольга Орг*), наблюдательный Р. Григорьев (Р. Г. Лемберг) (*Недавнее*), истерически настроенный Андрей Соболю (*Пыль*), талантливый, чуткий, но слишком тенденциозный мистик Иван Новиков, в романе которого (*Между двух зорь*) на каждой странице виден

“чей-то указующий перст”» (там же, с. 160). О соболевской *Пыли* в этой статье говорилось следующее:

Роман Андрея Соболя *Пыль* рисует еврейскую революционную интеллигенцию. Автор, по-видимому, — еврей, человек глубоко искренний, но измученный жизнью, истерически мнительный, говорит об отношении русской передовой интеллигенции к еврейской и наоборот.

Автор слишком выделяет переживания своих героев, евреев-интеллигентов — их трагедия не в том, что они *чувствуют* себя иностранцами, *пылинками*, которые несет ветер, их трагедия в оторванности от коллектива, от почвы, от родины. И напрасно Андрей Соболев подчеркивает, что у его героев, евреев *поневоле*, насильно отрываемых от горячо любимой ими России, никогда не будет родины. У многих в России такое чувство, что их отрывают от родной земли, превращая русских граждан в человеческую пыль.

Сознание этой *распыленности* и заставило Андрея Соболя закончить его большой роман, где герои-террористы своими мертвыми глазами не видят никакого пути, — безнадежными словами: «И страшно жить».

На ваших глазах своим уныньем, вечным заподозриванием <sic>, страхом перед грядущим заражают окружающие главного героя; те же настроения сообщает автор своим читателям. Своим отрицанием художник только подкрепляет утверждения других. Трагедия его героев, как и трагедия Олечек <героиня романа Ю. Слезкина *Ольга Орг*, о котором речь в статье шла выше> — в одиночестве, в обособленности, в оторванности от коллектива.

В этом романе немало сильных, проникнутых большим лиризмом, хватающих за душу страниц.

Еврей поневоле там, на чужбине, вспоминает о родной России и говорит: «<Ч>ем ярче и светлее здесь, тем сильнее, почти до боли, хочется туда, где тает снег, где прыгают грачи, где по вечерам румянится тихое зимнее небо за дальней рощей» <цитата из *Пыли*>.

Еврей-революционер возвращается в Россию, он плачет — благовест русских церквей. Он чувствует себя частицей огромного целого.

Воющий набат мирового пожара заставил с особенной силой и остротой почувствовать эту кровную связь со страной. Одни почувствовали эту связь с радостью, другие со страхом, но для многих это чувство было неожиданным открытием (там же, с. 164—65).

12. № 12 *Свободного журнала* за 1915 г. открывался портретом Лидина. Журнал редактировал Николай Архипович Архипов (наст. имя и фам. Моисей Лейзерович Бенштейн; 1880 — не ранее 1945), беллетрист, редактор, издатель.

13. Соболев имеет в виду отзыв на книгу Лидина *Трын-трава* в обзорно-информационной рубрике *Столицы и усадьбы* (1916, № 51, 1 февраля, с. 22), в котором говорилось:

Вл. Лидин (*Трын-трава*. Рассказы, изд-во «Северные дни») — новое и несомненное значительное явление в нашей художественной литературе. Это не один из тех бойких литературных пузырей, которые быстро вскакивают на поверхности мутных луж литературной улицы, чтобы через мгновение лопнуть бесследно. У Лидина острое зрение, и в экономно-импрессионистической манере его письма сказалось умение замечать. Давно не встречали мы ни таких точных, твердых, чеканных эпитетов, ни таких описаний природы — мягких, пастельных тонов.

14. Речь идет о 1-м выпуске альманаха *Северные дни* (М., 1917); фактически вышел в ноябре 1916 г., см. в письме Б. Пильняка Н.Н. Ливкину от 9 декабря 1916 г.:

А. Соболев, Вл. Лидин, А. Окулов, Е. Замятин, Н. Никандров, О. Матусевич, Ф. Ласковая, А. Бутягина, я, В. Шишков — мы образовали в Москве альманах *Северные дни*, первая книга, где и я красуюсь, вышла недели две тому (Б. А. Пильняк. *Письма в 2-х томах*, т. 1: 1906—1922 / Сост., подг. текста, предисл. и прим. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. с. 251).

15. А. Замиратов — писатель демократического направления; участия в альманахе не принимал.

16. Е.А. Замятин участия в альманахе не принимал.

17. В *Северных днях* А. Окулов был представлен пьесой *Девушка Гуятун* (с. 69—121).

18. В альманахе была напечатана повесть Соболя *Русалочки* (с. 143—92).

19. Григорий Борисович Городецкий, глава издательства *Северные дни*.

20. Борис Григорьевич Городецкий, сын Г. Б. Городецкого; Соболев посвятил ему свой рассказ *Цыганский барон*, впервые увидевший свет в № 2 *Ежемесячного журнала* за 1916 г. (стлб. 18—28); в соболевском собрании сочинений (т. 1, М.: Земля и Фабрика, 1926—28, с. 62—77) посвящение снято.

21. Лидин в это время был призван на военную службу и находился в Западном крае, где исполнял должность секретаря Всероссийского Земского Союза в Отделе службы связи.

22. Возможно, Соболев имеет в виду книгу рассказов Шолом-Алейхема *Berdichever tramvai*.

23. Корреспонденции Лидина в *Русских ведомостях* не выявлены.

24. Т. е. неспособных нести воинскую службу.

25. Знаменитое литературно-артистическое кафе *Бом* размещалось на Тверской, 37 и принадлежало клоуну Бому (Мечиславу Антоновичу Станевскому [1879—1927]), выступавшему в паре с создавшим этот дуэт клоуном Бимом (Иваном Семеновичем Радунским [1872—1955]); через некоторое время, осенью 1919 г., оно превратится в не менее знаменитое *Стойло Пегаса*.

26. Рахель (Раиса, Рика) Сауловна Бахмутская (1892—1979), жена (в это время — невеста) Соболя, от которой он имел сына Марка (1918—1999), в будущем известного поэта. Соболев познакомился с ней во Французских Альпах (в ту пору она училась литературе в Гренобльском университете). Впоследствии окончила московский медицинский институт. В ноябре 1919 г. они расстались в Крыму, откуда Соболев, оставив ее с сыном, уехал в Одессу (см. прим. 6 к п. № 33). Бахмутская, вместе со своей сестрой Мэри и ее мужем, представителем крупной московской мануфактуры, эмигрировала в Константинополь. Однако в 1922 г. вернулась с сыном в советскую Россию.

№ 2

Москва, 25-го VII¹ 1916

Милый Владимир Германович,
12-ый час ночи — я только что вернулся с дачи — был у знакомых — и вот нашел Ваше письмо, и вчера вечером получил две телеграммы от Вас, одну за другой, и обе одинакового содержания. Хоть убей меня, но я ни черта не понял: почему две телеграммы, причем тут какой-то Бернштейн, кто сей человек, точно так же из Вашего письма — полное непонимание. Но одно понял: надо ждать 26-го. Ну, вот и буду ждать, напишу Вам несколько слов и завалюсь спать. А завтра увидим, что будет. Мне очень, очень хочется ехать к Вам, и я весьма буду разочарован, если все кончится неблагоприятно. Итак, до завтра — ладно. А я с собой привез сегодня 4 № *Ежемесячного журнала* — купил его на Ярославском вокзале. Там Ваш рассказ.² Завтра вышлю Вам. Кроме Вашего рассказа, там еще пьеса Крашенинникова — заглянул в неразрезанные страницы: что-то вроде «йогов»,³ потом Олигер, Шишков и какой-то Траценко.⁴

Карточку Вашу взял, занесу к Вам на квартиру — будьте покойны. Вы просите, милый, новостей. Никаких нет, кроме одной, сногсшибательной. Мович одной ногой стоит уже на спардеке («э» или «е» — не ручаюсь и не знаю, потому извиняюсь!),⁵ а другая подрагивает у Бома: у него в кармане билет от Рыбинска до Астрахани, от Астр<ахани> до Рыбинска, уйма

надежд на «интересные» встречи, новые перчатки, уже не фельдфебельские, и на лице уже фривольная улыбка — предвкушает! О «сухопутных» говорит презрительно и, кажется, уже страдает морской болезнью. Грезит о бурях и небрежно бросает: мы, моряки. Вчера для репетиции поехал к Крынкину: цепляться за мачты после крепкого стакана... чаю.

От Николая <Никандрова> имел два письма: первое из Рыбинска, второе из Обл<асти> Войска Донского. Пишет, что интересно, много народу перевидал, что шумная толкотня, разговоры и проч. О жизни и о «женщинах на пути» пока ни слова, но между строк читаю о бурном пламени в бурной душе. Шлет привет всем. Видно, что действительно уши и глаза его в непрерывном действии. Жаль только, что опять все в подпалубном пространстве, а ему бы очень не мешало заглянуть повыше. Но придет час, и он заглянет. Начал рубашками по выбору Мовича, а кончит визитными карточками. А хороший он, славный, — и дай ему бог и удачи и женщины на пути. Amen!

Теперь об Окулове. У него значительно поправились дела: ночует дома, бывает с нами, а завтра надежда на 1 ½ мес<яца> отпуск. Но все-таки он не особенно доволен — изнуряет и изматывает его ежедневное путешествие в надлежащий пункт. Но получит отпуск — и повеселеет. Завтра узнаю, получил ли. Если получит — тоже, кажется, на Волгу. Юрия Вас<ильевича>⁶ видел всего раз, мало говорил с ним. О его книжке на днях была рецензия в Киев<ской> М<ысли> того же Лирова. Но я не читал, так что не знаю, какова.⁷

Городецкие завтра переезжают на дачу.⁸ Зилова не видел.⁹ На днях Мович и я были у Окулова. Сидели до 12 ч<асов>. Вдруг Алек<сея> Ив<ановича> к телефону: Зилов из Петр<овско->Раз<умовского> звонит, что хочет приехать. И вот в 12 ч<асов> ночи из Петр<овско->Разум<овского> в Марьину Рощу. Мы ушли, его еще не было. Едем трамваем, и вдруг Мович видит: по Бахметьевской плетется Зилов с пакетиком, с портфелем, но не по направлению к Окулову, а от Окулова.

Оказывается, в первом часу ночи приехал, добрался до Бахм<етьевской> и — забыл № дома. И вот снова с пакетиком, с портфелем назад к себе.

Мович хохотал до упаду. Видите, милый Владимир Герм<анович>, какие у нас повести.

Дни стоят чудесные. В Москве гости — англичане. Собираемся махнуть к Кара-Мурзе. Бонч-Томаш<евский> открыл театр: скука зеленая и танцуют и поют какие-то зелено-рыжие юноши и перезрелые девицы.¹⁰ Изредка у Бома появляется Каменский.¹¹ Да, М. Криницкий¹² на днях пришел к Бому и поздоровался за руку с Алек<сеем> Ив<ановичем> Окуловым>. Итак, конфликт закончен. Алек<сей> Ив<анович> говорит, что он не мог не подать руки. Вполне понимаю его.

Мович от Гребен<щикова>¹³ получил согласие. Но письмо его крайне глупо-заносчивое. Я, видите ли, пишет он, хочу знать, с кем я буду рядом; если рядом со мной будет кто-нибудь из лукоморцев¹⁴ — то... Я, видите ли, ничего не имею против таких, как Шмелев, Замятин; правда, это таланты небольшие, но симпатичные. И в таком роде все.

Правда, вполне законно знать, с кем будешь; правда и то, что не вкусно торчать рядом с Липецким или Годиным,¹⁵ но тон-то каков! Это все от Клейнборга.¹⁶ Читит его Клейнборт «сибирским Горьким».¹⁷

Новых книжек журналов пока нет. Вышел *Шиповник*: там повесть Андреева о войне и новый роман Чулкова *Метель*.¹⁸ Скоро выйдет новый роман Локка.¹⁹ А. Койр<анский> переводит один роман, другой — Ляндау²⁰ — словом, Локком стреляют пачками.²¹

В Кружке не был ни разу.²² Чуть-чуть тоскливо. Очень, очень хочется уехать.

Пока всего, всего лучшего. Эх, если б выгорело! В противном случае я куда-нибудь все равно двинусь, хотя надежд мало. Отдал пьесу в цензуру.²³ С пьесой у меня новая история — об этом как-нибудь в другой раз.

Запросил *Современный* Мир о своем рассказе, но откуда ни шороха. Буду ждать апрельской <sic> книжки.²⁴

Значит, возможно, что увидимся. Завтра Мовичу, Окулову и Соболеву передам Ваш привет.

А Вам пока всего, всего хорошего!

Иду спать, глаза слипаются. Я сегодня верст 12 сделал: бродили по лесу.

Завтра вышлю Вам *Ежемесечный Журнал*. Не забывайте меня.

Ваш Андрей

P. S. А адрес Ваш не понял — пишу текстуально. Так и не знаю: кто это мне должен сдел<ать> предл<ожение> о службе и каким порядком.²⁵

1. У Соболя в качестве месяца указан май — V, две римские единицы приписаны не его рукой, и приписаны напрасно: из содержания письма и последующего контекста видно, что автор датировал его верно.

2. В № 4 *Ежемесячного журнала* за 1916 г. был напечатан рассказ Лидина *Болотная трава* (с. 67—78).

3. Имеется в виду пьеса Н. А. Крашенинникова *Слепые мира (Песнь умирающей любви): Средневековая легенда в четырех картинах* (с. 10—38).

4. Отдел беллетристики в этом номере журнала был представлен рассказами Н. Олигера *Золото Сипиона* (с. 39—58), Вяч. Шишкова *Шквал* (с. 59—67) и М. Траценко *Судак и Химка* (с. 78—86).

5. Спардек — верхняя легкая палуба, располагающаяся выше главной палубы; здесь: готов к отплытию.

6. Юрий Васильевич Соболев (1887—1940), литературный и театральный критик. Лидин оставил о нем краткие воспоминания, см.: *Вл. Лидин. Люди и встречи*. М.: Московский рабочий, 1965, с. 207—212.

7. Речь идет о рецензии М. Лирова на книгу Ю. Соболева: *Антон Чехов. Неизданные страницы* (М.: Северные дни, 1916), напечатанной в *Киевской мысли* (1916, № 138, 18 мая, с. 5; подписана инициалами М. Л.). В ней говорилось следующее:

«Для Чехова наступает пора литературного изучения», — таким заявлением начинает г. Юрий Соболев свою обозначенную в заголовке книжку. И г. Соболев как бы один из первых открывает новую еще у нас отрасль литературного знания — отрасль чеховедения. Но г. Соболев как-то своеобразно понял свою задачу чеховеда. Он не исследует путей творчества Чехова, он не изучает любовно текстов и происхождения текстов чеховских

произведений, не вдумывается в те строки и слова Чехова, которые либо имеют хотя бы отдаленное отношение к тому, что мы привыкли называть литературой, либо прибавляют малейшую черту к характеристике великого писателя. Нет! Г. Соболев поступает просто, как сметливый старьевщик, которому случайно удалось приобрести старый костюм с барских плеч: шарит по всем карманам, распарывает подкладку, выворачивает наизнанку — в надежде найти какую-либо забытую монету, соблазнительную записочку для любителей, не оплаченный счет из прачечной и т. п. Все эти мелочи и шутки из *Будильника*, *Развлечения*, *Зрителя* и *Осколков*, которыми Чехов тяготился еще тогда, когда он их вынужден был писать, и о которых он впоследствии вспоминал только с раздражением и досадой, г. Соболев собрал, сопроводил их претенциозно банальными примечаниями и подал, спекулируя на магическую силу слов *Неизданные страницы А. Чехова*. Г. Соболев извлек из «старых брюк» умершего барина решительно все, вплоть до плоских объявлений в две-три строки из разных *Будильников*, *Стрекоз* и т. д. Он пошел еще дальше. Раздобыл разные, решительно ни для кого неинтереснее шутки, которые покойный писатель беззаботно, на ходу, можно сказать, заносил в альбомы своих близких знакомых, уверенный, что эти шутки никогда света не увидят, так как они этого ни в коем случае не заслуживают. Раздобыл — и опубликовал к досаде читателей и с полным отсутствием пиетета к памяти писателя. Опубликованные заметки, занесенные Чеховым в альбом Е. М. Дюковской, все совершенно бессодержательны и часто непристойны, и можно только удивляться г. Соболеву, не постеснявшемуся таким странным образом потревожить прах писателя. Хорошо, что г. Соболеву не приходилось подслушивать разговоров А. П. Чехова в разные рискованные моменты его жизни, а то, чего доброго, мы бы еще и не такие «неизданные страницы» Чехова сподобились бы читать у этого не в меру усердного чеховеда...

8. См. прим. 19 и 20 к предыдущ. письму.

9. Лев Николаевич Зилев (1883—1937), поэт, прозаик, детский писатель.

10. Михаил Михайлович Бонч-Томашевский (1883—?), театральный (кабарежного характера) и кино- (с 1915 г.) режиссер, ученик Вс. Мейерхольда; автор *Книги о танго* (М., 1914). Весной 1916 г. в помещении Современного театра миниатюр открыл новый театр *Мозаика*, а через короткое время еще один кабарежный театр — *Жар-птица*. См. об этом: Л. И. Тихвинская. *Кабаре и театры миниатюр в России. 1908—1917*. М.: Культура, 1995, с. 324, 327—329.

11. Анатолий Павлович Каменский (1876—1941, умер в заключении), прозаик, драматург, киносценарист.

12. Марк Криницкий (наст. имя и фам. Михаил Владимирович Самыгин; 1874—1952), прозаик, литературно-общественный деятель. Один из учредителей (наряду с В. Фриче, В. Шулятиковым, А. Курсинским, П. Кога-

ном и К. Бальмонтом) Кружка любителей западноевропейской литературы (апрель 1894 г.).

13. Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883? 1882?—1964), прозаик, журналист. В альманахе *Северные дни* участия не принимал.

14. Имеются в виду авторы, печатавшиеся в право-патриотическом журнале *Лукоморье* (1914—17; изд. М. А. Суворин).

15. Алексей Владимирович Липецкий (наст. фам. Каменский; 1887—1942), поэт, прозаик; Яков Владимирович (Вульфович) Годин (1887—1964), поэт.

16. Лев (Лейб) Наумович (Нахманович) Клейнборт (1875—1950), литературный критик, публицист, мемуарист.

17. Соболев имеет в виду статью Клейнборта «Беллетристы-самоучки» (*Современный мир*, 1916, № 1, с. 160—78).

18. Речь идет о 25-й книге альманаха *Шиповник* (Пгг., 1916) с повестью Л. Андреева *Иго войны* и романом Г. Чулкова *Метель*.

19. См. прим. 18 к письму № 6.

20. А. Койранскому принадлежит перевод романа Локка *Счастливец* (М.: Северные дни, 1916), а К. Ляндау — *Где любовь* (М.: Северные дни, 1916).

21. Стрелять пачками — широко обиходное в ту эпоху выражение, означающее стрелять залпами с короткими интервалами.

22. Соболев говорит о московском литературном объединении *Молодая Среда* (1910—19), дочернем «филиале» и преемнице старой *Литературной Среды*, возникшей осенью 1899 г. по инициативе Н. Д. Телешова. Познакомившийся с Соболевым на одной из заседаний *Среды* И. А. Белоусов впоследствии вспоминал, несколько ошибаясь в датировке этого знакомства:

С Андреем Соболевым я познакомился в первые годы революции, когда он вернулся в Россию из эмиграции. <...> Это был удивительно мягкий, чуткий и впечатлительный человек (И. А. Белоусов. *Литературная Среда: Воспоминания 1880—1928*. М.: Никитинские субботники, 1928, с. 195—196).

23. Речь идет о пьесе *Они и мы* (окончена 12 сентября 1915 г.), которая 6 июня 1916 г. была допущена к представлению в Петрограде. Прошедший цензуру экземпляр этой пьесы хранится в С.-Петербургской театральной библиотеке (№ 28254). Параллельно с цензурным комитетом Соболев отправил ее М. Горькому, о чем известно из письма последнего М. Ф. Андреевой (до 22 февраля 1916 г.):

Еще читал пьесу Соболева — в ней 6 мужчин и одна женщина. Называется *Они и мы*. Нечто сексуально-психологическое и, конечно, патологическое, но в общем — неясно, для чего нагорожен огород (М. Горький. *Полное собрание сочинений: Письма в 24-х томах*, т. 12. М.: Наука, 2006, с. 22).

24. Повесть *Люди прохожие*, о которой говорит Соболев, была напечатана в сентябрьской книжке журнала *Современный мир* за 1916 г. (с. 3—52).

25. Соболев в это время искал приложения своих сил и более всего стремился попасть на фронт по линии Всероссийского земского союза.

№ 3

Ярославль 2-го <июня 1916¹>

Милый Владимир Германович,
до вчерашнего дня ждал я от Вас ответа на свою телеграмму (я ее послал 22 или 23 <мая>), ждал, ждал — потом еще раз телеграфировал, потом написал — и вот вчера снялся с места: уже не хватило терпения ждать, и решил правильно, что, значит, не выгорело.

Милый Вл<адимир> Гер<манович>, карточку передал, Ежем<есячный> Жур<нал> послал Вам заказным.²

Пока всего, всего хорошего Вам. Здесь пробуду дня 2 и дальше. Куда? — право, сам не знаю, но знаю, что усидеть не могу на месте. Ждите письма. Жаль, что все так кончилось.

Обнимаю

Андрей

1. Написано на почтовой карточке; месяц и год устанавливаются по почтовому штемпелю.

2. См. прим. 2 к предыд. письму.

№ 4

8-го <июня 1916¹>. Волга. Между Казанью и Самарой.

Дорогой Владимир Германович,
я на Волге. Письма мои, надеюсь, дошли. Ждал, ждал Вашей телеграммы, не дождался и укатил. Когда «осяду» — напишу. Всего, всего лучшего.

А<ндрей> С<оболь>

1. Написано на почтовой открытке с видом Волги и озера на Острове у Саратова; месяц и год устанавливаются по почтовому штемпелю.

Шингак-Куль. 14-го VI 1916

К. М. Чернову, ст. Шингак-Куль

Уфим. губ. Сам.-Злат. ж. д.

Село Дурасово. Дача Рябинина

Милый Владимир Германович,

в первых строках моего письма уведомляю Вас, что я жив и здоров, чего и Вам желаю на благо русской литературы, а во вторых строках моего письма уведомляю, что поселился я в степи, в Уфимской губернии — и начинаю писать роман из башкирской жизни, под названием *Пыль степная*.¹ Только что вернулся с рыбной ловли — поймал мало, но зато вдоволь пожарился на солнце, а только что у меня кумыс стрелял, почти шампанского.

У меня уже и друг один есть — Имайка из Балаклы — деревня соседняя — превеликолепный башкир, жулик, каких мало, но занятный, а главное — хорошо говорит по-русски, и он, т<ак> с<казать>, введет меня в башкирскую жизнь, а я, в свою очередь, выведу его. Название рассказа так и будет *Имайка из Балаклы*.²

Из Москвы я двинулся в Ярославль, из Ярославля вверх по Волге в Рыбинск, из Рыбинска дальше вверх — до пристани Волга, а уж оттуда вниз — до Самары. В Самаре пробыл два дня — и пошла плясать губерния: 4 дня ухлопал на поиски укромного уголка, верст 150 сделал на лошадах, то сюда, то туда ездил; поселился было в деревне Чибини, у башкиров, но удрал на следующий день — и вот я тут.

Перед окнами степь, на заднем плане Дема.³ Хорошая река, мельница сбоку. Снял деревенскую избу. В гости приходят телята, куры, свиньи. Хожу босиком и чувствую себя новорожд<енным> младенцем, а так как новорожд<енные> младенцы, как известно, не пишут рассказов, а тем паче пьес — то и я ничего не делаю. Где-то в одной из мозговых извилин шевелится мысль о каком-то сборнике, но я гоню ее (так же, как и мысль

о другом сборнике, куда меня приглашал Гальперин.⁴ Об этом сборнике я писал Вам маленько, но, как всегда, Вы не соизволили ответить<>.>

А теперь вот что, милый Владимир Германович; я вернусь в Москву 20-го августа и прошу Вас приложить все усилия, чтоб в 1—10 сентяб<ря> я мог приехать к Вам в качестве полноценного сотрудника. Голубчик, приложите все Ваше старание и всю Вашу беззаветную любовь ко мне.

О московских ничего не знаю, ведь я выехал 31-го — и с тех пор ни звука о Москве — ведь адреса у меня не было точного, т<ак> что никто и не писал. Мович уехал до меня. Вчера написал Окулову, Соболеву. Про Никандрова тоже не знаю. Но вот вчера в *Сев<ерные> Дни* послал свой адрес для пересылки писем, т<ак> что, возможно, скоро узнаю, где он и что с ним.

А Вы меня не забывайте. Черкните, как и что с Вами, когда намерены в Москву, как работа идет и что вообще нового. Буду рад Вашим письмам. Перед отъездом Окулов и я написали Чапыгину и Бутягиной.⁵ Каков результат — не знаю; ответ получит Окулов.

До следующего письма! Всего Вам светлого! Помните, что я всегда рад Вашим письмам. А пока будьте здоровы, работайте! Окулов засел за роман. Это больше чем хорошо. Никандров привезет с собой 5 томов. Привезите и Вы. И я привезу. Чтó — не знаю, но привезу. Вчера читал новую вещь Арцыбашева — *Раба* — скучно, нудно и досадно.⁶ Плохо одно: у меня газет нет уже 4-ый день не знаю, что творится на божьем свете, но зато Имайка из Балаклы говорил мне, что «победа». Ковыль в степи весь высох — досадно. Но за плетнем пахнет мятой. Ночью в избе поет сверчок. Я говорю хозяйке: это к счастью. А она мне отвечает: какое там к счастью — это от навоза.

Adieu!⁷

1. Задуманный роман Соболев не написал.

2. Такого рассказа у Соболя нет. В Шингак-Куль он работал над повестью *Русалочки*, которая была напечатана в альманахе *Северные дни*, см. прим. 18 к п. № 1.

3. Река Дёма протекает по территории Оренбургской области и Башкирии, левый приток реки Белой.

4. Возможно, имеется в виду Михаил Петрович Гальперин (1882—1944), поэт, переводчик, либреттист. Не представляется возможным установить, о каком сборнике говорит Соболев: вместе их имена ни в одном коллективном издании не встречались.

5. Соболев вновь говорит об авторах, которые были приглашены принять участие в альманахе *Северные дни*: текст прозаика и драматурга Алексея Павловича Чапыгина (1870—1937) в альманахе отсутствует; прозаик Александра Михайловна Бутыгина (1880—1920), падчерица В. В. Розанова, представлена рассказом *Сиреневое платье* (с. 5—18).

6. Повесть *Раба* была опубликована в 18-м выпуске сборника *Земля* (Московское книгоиздательство, 1916).

7. До свиданья (*фр.*).

№ 6

Москва, 11-го <VIII 1916¹>

Милый Влад<имир> Герман<ович>, приехал и нашел Ваше письмо. Рад. Ведь давно о Вас ничего не знаю. Привез я с собой два больших рассказа: один для нашего сборника,² другой отдам в переписку и пошлю, наверное, в *Рус<скую> М<ысль>*.³ Вчера у Городецких на даче читал свой рассказ (тот, что для сб<орника>). Владимир Герм<анович>, голубчик, Вы *должны* во чтобы то ни стало прислать еще рассказик один. Право, должны: ведь не слова же, что мы заинтересованы в сборнике. Юрий Вас<ильевич> Соболев получил на 14 дней отпуск и уехал в Таганрог. Завтра Окулов едет в Сибирь на свои рудники.⁴ Если не привезет оттуда кучу золота — то во всяком случае много интересного. Я написал рассказик, послал его неделю назад в *Совр<ременное> Слово*, и он уже напечатан. 70 руб<лей> получи!⁵ Рассказ для сб<орника> в 2 ¼ л<иста>, а для *Рус<ской> М<ысли>* 2 ¾. Вчера вышел *Ежем<есячный> Жур<нал>* с Вашей *Подагрой*⁶ — прислать Вам? Черкните, и я пришлю.

В лесу медведь повесился — из *Современного Мира* мне предложили половину гонорара вперед. Повесть идет в октябрьской книжке.⁷

Окулов уже около 4 листов написал, весь роман будет в 12.⁸ Приехал из Коктебеля Никандров.⁹ Растолстел неимоверно и очень загадочно изъясняется насчет каких-то новых, сногшибательных новостей из литературного мира. Сейчас засел за работу. От Шишкова мы получили весьма плохой рассказ из сибирской жизни — и благородно возвращен ему, ибо даже совестно за него.¹⁰ И Копылова дала рассказ.¹¹ Вернули — и сегодня бедному Матусевичу здорово попало от нее. Дня через два муж ее поколотит Матусевича на Тверской. Я набрался храбрости и послал свою пьесу Карпову.¹² Получил от него пре-прекрасный отзыв и... совет послать ее в Театрально-Литературный Комитет, с чем и поздравляю себя.¹³

Офелия Ласковая напечатала повесть, и Журнал Журналов отметил: огромный талант.¹⁴

Журин приехал,¹⁵ Алексеевский ушел из *Утра России*.¹⁶ Вот Вам все литературные новости. Да, Койранский приглашен на 12 тысяч в год в Петроград, в новую газету.¹⁷ В Северных Днях набирается Локк,¹⁸ а скоро пойдут «русские». Издается новый сборник, куда Алексей Иванович отдал своего Савву.¹⁹ Звали и меня, я им дал условно рассказ, предназначенный для Русской Мысли — сегодня-завтра узнаю о результате.²⁰ Ну, вот, милый, все литературные новости. Да, пьеса Матусевича идет в начале сезона, принята в Ростове, кажется, и в Киеве, и еще в 5 городах.²¹ Словом, семь городов оспаривают.²²

А вчера, когда мы ехали на дачу (Окулов, Матусевич и я), Матусевичу по дороге попался поп. Матусевич побледнел, сказал, что будет несчастье, а ровно через час произошло следующее: мы поехали на лодках, и Матусевич перевернулся и в воду. Я перепугался за него до смерти, ибо был виновником: мы спорили, кто скорее дойдет. Минут 5 пробыл в воде. Окулов втащил его в лодку. Матусевич вел себя ге-

роем. Ей богу, молодец. Прежде всего бросился спасать бу-
мажник. Потом, конечно, хохотали до упаду, а в результате
насморк у меня, а не у него. Оказалось: он плавает здорово,
и выплыл. Так отныне я остерегаюсь попов.

Постарайтесь приехать. Если не пришлете для сборника —
помните, что Вам не сдобровать. Привет Вам от всех. Пишите,
милый, я очень рад буду. Адрес: Арбат 9, кв. 40 или же *Се-
вер<ные> Дни* — как хотите. Хочется очень поболтать с Вами.

Обнимаю. Всего, всего светлого,

А<ндрей> С<оболь>

P. S. До сих пор никак не могу понять, что означала Ваша
телеграм<ма> и почему тогда ничего не вышло, а хотелось бы
знать.

1. Месяц (неверный — VII) и год проставлены не рукой Соболя; письмо,
что вытекает из контекста, написано 11 августа.

2. См. прим. 2 к п. № 5.

3. Кроме романа *Пыль*, который был напечатан в первых четырех номе-
рах *Русской мысли* за 1915 г., другие произведения Соболя в этом журнале
не появлялись.

4. А. И. Окулов родился в Минусинске в семье золотопромышленника.

5. Речь идет о рассказе *Душит*, напечатанном *Неделе 'Современного слова'*
(1916, № 434, 8 августа, с. 3701—3704; включен в кн.: Андрей Соболев. *На
чужбине*. М.: Северные дни, 1917, с. 29—51).

6. Рассказ Лидина *Подагра* был опубликован в № 5 *Ежемесячного журнала*
за 1916 г. (стлб. 53—60).

7. См. прим. 24 к п. № 2.

8. О романе Окулова, относящегося к этому времени, ничего не извест-
но; по всей видимости, он не был закончен или позднее перерос во что-то
другое.

9. Приезд Никандрова в Коктебель в июне 1916 г. отмечен в кн.:
В. П. Купченко. *Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни
и творчества. 1877—1916*. СПб.: Алетейя, 2002, с. 400.

10. В альманахе *Северные дни* Вяч. Шишков представлен рассказом *Та
сторона* (с. 195—220).

11. Любовь Федоровна Копылова (1885—1936), писательница; ее имя
в альманахе отсутствует.

12. См. прим. 23 к п. № 2. Евтихий Павлович Карпов (1857—1926), театральный режиссер, драматург; главный режиссер Императорского Александринского театра.

13. О сценической судьбе пьесы Соболя *Они и мы* ничего не известно.

14. В отзыве под названием «*Без ревности*» на повесть Ф. Ласковой *Опавшие листья* (Современный мир, 1916, № 5/6, с. 5—27), который принадлежал редактору журнала И. Василевскому (Журнал журналов, 1916, № 31, июль, с. 8—9), об «огромном таланте» автора ничего не говорилось; к наиболее суперлативной следует отнести заключительную фразу отзыва:

...На важные и значительные мысли наталкивает простой, яркий и веский рассказ Ф. Ласковой (с. 9).

Фанни Григорьевна Ласковая (1890—?), беллетрист. Печаталась в *Современном мире*, была привлечена М. Горьким к сотрудничеству в журнале *Летопись*. Автор сборника рассказов *Муть* (1916), которым вышел с посвящением: «Максиму Горькому с глубоким уважением» (см. его упоминание Сободем в п. № 12).

15. См. прим. 6 к п. № 1.

16. Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1944), журналист, редактор *Утра России*; впоследствии, в 20-е гг., — государственный контролер в системе Рабкрина, затем — заместитель председателя Госплана Татарской АССР. Работая с 1899 г. в московской газете *Курьер*, познакомился там с Л. Н. Андреевым, о котором оставил воспоминания (отрывок из них см.: Литературное наследство, т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965, с. 559—564; письма к нему Л. Андреева см.: Л. Н. Андреев, «Письма к А. П. Алексеевскому» / Публ. В. Н. Чувакова, Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979, с. 178—92); состоял в гражданском браке со старшей сестрой Л. Н. Андреева Риммой Николаевной.

17. Александр Арнольдович (Ааронович) Койранский (1884—1968), поэт, прозаик, лит., театр. и худож. критик, художник, переводчик.

18. Уильям Джон Локк (1863—1930), английский романист и драматург, чьи романы были в это время чрезвычайно популярны в России и выходили в свет в разных издательствах, но основная их масса, как кажется, именно в *Северных днях*; здесь были изданы: *Любимый бродяга*, *Узурпатор*, *Случайность*, *Обломки крушения*, *Друг человечества*, *Где любовь*, *У врат Самарии*, *Белый голубь*, *У голубого озера*, *Симон-шутник*, *Забавные приключения Аристида Пюжоля*, *Звезда моря*, *Счастливец*, *Победа женщины*, *Демагог и лэди Файр*; некоторые романы печатались 2-м, 3-м и даже 4-м изданием, поэтому трудно сказать, какой именно из них имеет в виду Соболев.

19. Рассказ А. Окулова *Савва* напечатан в 1-й книге альманаха *Творчество* (М.; Пг.: Творчество, 1917).

20. Соболев в альманахе *Творчество* не печатался.

21. Речь, по всей вероятности, идет о пьесе Матусевича *Последнее искушение* (М., 1916).

22. Шутливый намек на то, что право называться родиной Гомера в Древней Греции оспаривали семь городов.

№ 7

<на почтовой бумаге издательства Книга, Москва, Б. Садовая, 10>

Москва, 29-го сент<ября> 1916

Милый Владимир Германович, только что получил Ваше письмо. Тороплюсь ответить. Пишу мало, но я безумно занят: завтра еду на три дня в Питер. У меня куча всяких неприятностей, но уж таких, что затмили все прошлые.

Если бог даст увидимся — тогда все расскажу. И я Вас очень, очень люблю. Расскажу Вам вкратце новости всякие, литературные, а потом перейду к делу по поводу одного моего товарища, кого я очень люблю, да и Вы его любите, судя по Вашим словам.

Ну, так вот: Вы избраны. Черняков Вам положили очень мало, кажется, всего штук 8—10.¹ Вас Мович трижды в день предает анафеме за «гнусное, беспечное отношение к сборнику».

Дело со сборником *швах*. Что будет — не знаю, да и я сейчас мало думать о нем способен: подавили другие дела.

Во вторник я у Кары-Мурзы читал. Все читает Ив. Новиков.² На днях пьеса Каменского идет в Драматическом театре.³ У Алексея Ивановича <Окулова> дела плохи. Кое-что предпринимает, но надежд мало: здорово хворает.

На прошлой неделе Григ<орий> Бор<исович Городецкий> угощал «северную» братью. У Максима были, потом в Кружок.⁴

Новая книжка Юрия Вас<ильевича> выходит в *Книге*.⁵

Алек<сей> Ив<анович> держит корректуру своего сборника.⁶ Койр<анский> призывается 4-го. Бор. Зайц<ев> поступает

в воен<ное> училище.⁷ Звонил мне Б. Пильняк — предложил свой рассказ для сб<орника> *Книга*.⁸

Алек<сей> Ив<анович> продал свой рассказ *Слоухам*. Звали меня. Обещал дать им рассказ к ноябрю.⁹

Так закрутился я, что забыл совсем послать Вам роман Миртова.¹⁰ Сделаю это по возвращении из Питера, и кстати оттиск из *Современного Мира* — повесть появилась, будь она трижды проклята.¹¹

А так все, все по-прежнему. Дождь одолел.

Милый Вл<адимир> Гер<манович>, теперь к делу: помните я Вам говорил про нашего общего друга Бориса Давидова. Так вот он навсегда освобожден от воен<ной> повин<ности> комис<сией> три месяца тому назад, но работать он очень хочет. Не хочет лодырем быть и желает написать в Зем<ский> С<оюз> к Вам; знает Вас и любит. Так вот, а Вы ведь можете устроить так, чтоб он к Вам приехал, но надо это сделать, как можно скорее, ибо парень изнывает от безделия. Помните, Вы когда-то обещали ему. И *надо*, надо устроить это скоренько. Ну, милый Вл<адимир> Гер<манович>, ответьте мне о нем поскорее.

Адрес тот же — издательство Гр<игория> Бор<исовича>.

Целую Вас.

Всего светлого.

Ваш А<ндрей>

1. Т. е., судя по всему, рассказ Лидина *Полая вода* не был забаллотирован и редколлегия приняла его в сборник *Северные дни*.

2. Иван Алексеевич Новиков (1877—1959), прозаик; один из писателей, входивших в приятельский круг Соболя.

3. Имеется в виду спектакль по пьесе А. Каменского *Если это возможно*, премьеры которого состоялась 10 октября 1916 г. в московском Драматическом театре (в основу лег рассказ писателя *Люди*); см. след. письмо.

4. См. прим. 22 к п. № 2.

5. Книги Ю. Соболева в указанном издательстве не известны.

6. См. прим. 5 к п. № 1.

7. Не желая идти на войну солдатом, Б. Зайцев поступил в Александровское военное училище, см. об этом в его книге *Москва* (главы «Мы, военные...» и *Офицеры*).

8. В сборнике *Книга* (Сб. 1. Пг.: Книга, 1917) произведения Бориса Андреевича Пильняка (наст. фам. Вогау; 1894 — 1938, расстрелян) отсутствуют; Соболю представлен повестью *Закон* (7—75).

9. *Слохохи* — ежегодный литературно-художественный альманах; издавался в Москве с 1907 по 1918 г. (всего вышло 12 книг); №№ 1—9 — под ред. П. Л. Плохова, №№ 10—12 — под ред. И. А. Белоусова и В. П. Ютанова; ни в 1916, ни в 1917 г. имя Соболя в альманахе не появлялось. Относительно А. И. Окулова речь идет о рассказе «*Прелесть жизни*» (*Эпизод*), который был напечатан в 11-й книге *Слохохов* за 1917 г. (с. 93—133).

10. О. Миртов — псевд. писательницы и драматурга Ольги Эммануиловны Негрескул (в замуж. Котылева; 1875—1939). По всей видимости, речь идет о 2-м изд. ее романа *Мертвая зыбь* (Пг., 1916; 1-е изд. — 1910).

11. См. прим. 24 к п. № 2.

№ 8

<на почтовой бумаге изд-ва *Книга*, Петроград, Стремянная ул. 11>

Москва, 16 окт<ября> 1916

Милый Владимир Германович,
спасибо за письмо: я всегда рад Вашим письмам, особенно теперь, когда мне очень худо. И тяжело очень. Третьего дня я вернулся из Питера — приезжал мой тезка — и много неприятных минут я пережил. Поэтому, милый Вл<адимир> Герм<анович>, с поездкой Бориса <Давидова> маленькое временное замедление. Как только все выяснится — тотчас же сообщу.

Сейчас я так разнервничался, что самому себе противен. Мечтаю об отдыхе, о поездке хоть на неделю на юг — но все это вилами по воде писано.

В Питере видел Бутягину. Она обещала во что бы то ни стало прислать рассказ. От Чапыгина письмо: придет.¹ Как только его и Бут<ягиной> рассказы получим — немедленно в набор. Нет, милый, в одном Вы не правы: каково бы не было Ваше отношение к сборнику — одно ясно: Вы должны быть представлены там *сильно*. И, если Вы хоть чуточку любите меня и верите, что я вам плохого не посоветую — немедленно

пришлите нам доверенность (на имя Мовича) к Семенову. На предмет получения от него Вашего рассказа из несуществующего портфеля редактора *Нового Журнала*. Голубчик, сделайте это поскорее. Чапыгин дает рассказ на тех же условиях, что и мы все.

В Питере я так был подавлен делом в связи с моим тезкой, что никого не видел. Передали мне только, что Горький считает меня вредным писателем, антиобщественным и т. д.,² что Львов-Рогачевский читал мой *Закон* и сказал, что я невозможен по-своему подходу к общественности, хотя *Закон* очень, очень хорошо написан.³ На той неделе я читал у Мурзы *Русалочки*. В будущий Новиков читает свою пьесу.⁴ У Окулова круговорот. Как только все выяснится у него — поделюсь с Вами. Вчера была в Драматическом театре премьера — А. Каменского *Если это возможно*. Ужасный провал. В день спектакля вдруг выбросили 5 действие. В прессе единодушное ругательское. Я не был, так что судить не могу. Но жаль его очень. Не хотел бы быть в его шкуре.⁵ А я свою пьесу послал в Театрально-Литературный Комитет.⁶ Слушил! Но одно прощение: наивность молодого писателя. Милый, утештесь: О. Садовской тоже не положили черных.⁷ Мович плюется, когда произносит: «Лидин». Завтра высылаю Вам *Люди прохожие*. В Питере очень понравилось: от двух издательств получил предложение продать *Людей* для отдельного издания. На днях по поводу Локка Григорий Борисович угощал нас. Было забавно! У Бома все было по-старому. И в Москве тоже. *Северные Дни* купили две книги Новикова,⁸ книгу Юшкевича.⁹ Милый, бросаю: устал. Не считайтесь письмами. Как только все кончится у меня, дам Вам телеграмму — и Вы помогите мне: телеграмму пошлю срочно, и Вы тоже: потом сочтемся. Милый, какую книгу я Вам обещал прислать? — помните, и я вышлю.

Страшно хочется уехать к Вам. Целую. Всего, всего светлого!
Никандров сознался, наконец: 2 действия уже окончил.

1. См. прим. 5 к п. № 5.
2. До Соболя, по всей видимости, дошло мнение Горького о его пьесе *Она и мы*, см. прим. 23 к п. № 2. Впрочем, могли к этому прибавиться и новые отрицательные впечатления.
3. В. Л. Львов-Рогачевский мог читать соболевскую повесть *Закон* только в рукописи (возможно, как автор внутренней рецензии), поскольку сам сборник *Книга*, куда она включена, был разрешен к изданию военной цензурой 5 декабря 1916 г. и увидел свет в 1917 г., см. к этому прим. 8 к п. № 7.
4. Речь, по всей вероятности, идет о пьесе *Горсть пепла* (М.: Театральная газета, 1916).
5. См. прим. 3 к предыд. письму.
6. См. прим. 23 к п. № 2 и прим. 13 к п. № 6.
7. Ольга Осиповна Садовская (урожд. Лазарева; 1849—1919), актриса; по-видимому, Соболев имеет в виду присвоение Садовской звания заслуженной артистки императорских театров (1911) и ставит это в шутливую параллель баллотировке рассказа Лидина в сборник, см. прим. 1 к предыд. письму.
8. По всей вероятности, имеются в виду роман *Во имя господне* и книга рассказов *Калина в палисаднике* (обе вышли в издательстве *Северные дни* в 1917 г.).
9. Речь, очевидно, идет о сборнике пьес С. С. Юшкевича *Повесть о господине Сонькине* (М.: Северные дни, 1917), куда вошли три пьесы писателя: *Мендель Спивак*, *Повесть о господине Сонькине* и *Бес*.

№ 9

29-го <декабря 1916> Баку — где-то возле

Милый здравствуйте. Кажется, год прошел, как я уж из Москвы. Нет Бома, Кружка — кругом все папахи, гортан<ные> голоса, разбойни<чьи> рожи, но по существу добродушные, а за окнами... Трава! Зеленая, ей богу, правда, не первой свежести, но все-таки трава, а вдали-то — какая синяя беспредельная гряда. Сажу и читаю хорошую подлинно русскую книгу — Новиков *Дом Орембов<ских>*.¹ Какая она ароматная. А вот сейчас за окном важно прошагали ишаки. Как трясет здорово! Скоро Баку, еще 12 <часов> пути и я в Тифлисе. Там уж все узнаю. Сейчас второй час. Через час у Бома за круглым

столиком начнется «беседа». Помянут ли мое скромное, но честное имя?

Или как «иней» исчезла всякая память обо мне? А Вы, милый, когда я пришлю свой адрес, не забывайте меня. Вот так и разбросала нас судьба. По легкомыслию своему женскому верю, она нас снова сведет.

Целую. До следующего письма. Привет всем.

Александр²

1. Имеется в виду роман И. Новикова *Между двух зорь (Дом Орембовских)* (М.: Северные дни, 1916).

2. О том, что Соболев по линии Всероссийского земского союза отправился на Кавказский фронт под именем Александра Александровича Трояновского, см. во вступительной статье.

№ 10

Карс, 4-го января 1917

Милый, здравствуйте!

Сижу в общежитии, кругом двенадцать коек. Дней 10 придется здесь прожить, а потом, наверное, в Эрзерум. А если придется здесь все время торчать — скверно, не улыбается.

Крепко холодно. Гляжу на свою физиономию и не узнаю себя — где вы кудри мои буйные?

Стекла, как и в Москве, в узорах — на дворе мороз. И все же вижу улицы московские, Бом, всех вас.

Милый, Вы не забывайте меня, пишите. Одно ясно: не придется мне здесь писать, всякую мысль о писаниях надо оставить. Так-то.

Адрес мой таков:

Карс. Всероссийский Земский Союз. 7-ой отряд

Александру Александровичу Трояновскому.

Если буду разъезжать, двигаться — все равно адрес остается этот.

Буду часто писать Вам, милый — и Вы не забывайте меня, делитесь литерат<урными> и нелитер<атурными> новостями.

Крепко Вас целую

Ваш Александр

Позвоните, если не трудно, Ив<ану> Ив<ановичу> Белоусову,¹ скажите ему, что шлю ему свой привет и что очень скучаю по всем.

1. Нужно: Иван Алексеевич Белоусов (1863—1930), поэт, прозаик, переводчик; член *Литературной Среды* и автор книги воспоминаний о ней (1928).

№ 11

Эрзерум 16 янв<аря> 1917

Здравствуйте, милый.

Вчера выехал я из Карса, думал вчера получить от Вас весточку, как раз из Москвы письма получил — значит, адрес мой уже получился в Москве. Но ничего не было, а вчера выехать пришлось. Славно было по дороге. Был перевал один: высокий, а снег-то какой, — ослепительно-яркий, и куда не взглянешь — горы, горы и горы. А впереди, позади — по дороге живая лента: обозы, люди, верблюжьи транспорты, арбы, телеги, фургоны. Ехали быстро, порой со скоростью 60 вер<ст> в час. Иногда попадали в живую кашу: кричали, спорили — и проезжали вперед. Еще один перевал — и лощина: Эрзерум. В небе минареты, купол башни: памятник сельджуков. Крик ребят, рваные чадры, узенькие улицы, сеть переулоч<ков>, тупиков, — и снова, и снова обозы, фургоны, лошади.

Устал немного. Здесь я ненадолго, дней на пять, не больше, потом дальше, потом опять в Карс на дней пять — и снова в путь. По-видимому, так в передвиж<ении> буду все время.

Тоскую по Москве. Часто снятся улицы московские, церкви.
<отсутствует страница>

Вечером жутко глядеть на них. Страшная штука: глядел, и все казалось, вот-вот выскочит из-за камня какая-нибудь скрюченная, исковерканная фигура, и обязательно в сером. Хороши тут горы. Из окна они, как на ладони.

Перед Сарыкамышем на час застряли: немало снегу. Снег кучей, ветер, — а вверху горит и переливается Орион. Так, как горел он в Кави, когда море шумело и когда оливы шелестели.¹

Потом потолклись, потолклись — и поехали. Метнулся заяц, попал в полосу рефлектора и обалдел. Вывернулся — и прошмыгнул.

Сейчас глаза слипаются: уже одиннадцать, недавно были долгие разговоры и проч<ие> принадлежности, а теперь ко сну клонит.

Спокойной ночи, милый!

Привет всем (обязательно позвоните Ив<ану> Ив<ановичу>² и скажите, что я ему низко кланяюсь). Где незабвенный Ашукин?³ А коломенский «мальчик»?⁴ А где Николай <Никандров>? Кому он теперь толкует о смысле жизни и кого вопрошает: «А вы любили?»

Целую Вас. Всего Вам доброго. Не забывайте друзей!

Ваш А<лександр>.

Алеше <Окулову> не пишу: не знаю, в Москве ли он? Если в Москве — скажите ему, что нехорошо молчать: очень почему-то *беспокойно* за него.

1. Ср. в очерке Соболя, напечатанном в газете *Утро России* (прим. 3 к письму № 17):

Ночь без луны, но ясная. Спокойная, но холодная, как снег, что раскинулся кругом без конца и края. Ярко горит Орион; четок и светел узор его пояса. Точно так же горел он несколько лет тому назад на берегу Средиземного моря, но тогда по холмам оливы шелестели, у развалины старого итальянского монастыря чернели кипарисы. И горел он в небе как раз над белой колокольней скромной деревянной церкви, а крест ее чуть-чуть кренился от старости, и море шумело, и под копытами шуршал шелковый пе-

сок просторного пляжа, а теперь снег скрипит, вместо олив и кипарисов сугробы, а вместо моря тихого по-вечернему — ущелье, узкое, хмурое.

2. См. прим. к предыд. письму.

3. Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972), историк литературы, лит. критик, поэт.

4. Имеется в виду Б. Пильняк, живший в Коломне.

№ 12

Карс, 19 янв<аря> 1917

Милый, только что вернулся из Эрзерума — и вот нашел Ваше письмо. Я крепко обрадовался ему. Во-первых, от Вас, а ведь я в любую минуту готов объясниться Вам в любви, а во-вторых, так давно не слышал знакомых «напевов» — и вот воспрял. И снова я на минуточку литератор. Так крепко обрадовался ему. А недавно, вот только что, были горы, перевалы; гудела машина, тянулись обозы, шли, ныряя, верблюды. Из Эрзерума я писал Вам. Потом мне предстояла поездка верхом — далеко! — но было отменено, и взамен снова на автомобиле и тем же порядком в Карс. Но на обратном пути уже другая картина: снег растаял, — грязь по колено. Вечерело, когда подъехали к Завинскому перевалу — розовели горы, в поле костры. Замелькали — обозы на ночь располагались, а потом опять снег и далекие вершины. Хорошо вечером думать о далеком, будто несбыточном, когда мчишься вовсю и перед глазами полоса рефлектора. О многом думал. А потом в Сарыкамыше у нас бензин загорелся — это когда мы в земпалатке чай пили. Бросились тушить. Я себе здорово ошпарил руку. Теперь еще побаливает. Потом опять в путь. По дороге штук пять лисиц повстречали. И вот опять Карс, общежитие, разговоры, толки, смиты, ордера, мастерские. Но за<то> теперь уже ясно, что я все время буду в движении. Здесь я на дня 3—4. Впереди опять прогулка большая и интересная.

А сейчас вместе с Вашим письмом отхожу от всего этого: я снова в Москве. Итак, милый, сегодня вечером в Кружке.

Только, если Вы запоздаете и если снова мне придется бродить между столиками, уныло и грустно с видом человека, только что получив<шего> отказ из редакции — я не стану больше приходить.

А потом — завтра < — > к Автандилову¹ провожать неистового Адуевца.² Кстати, где он? Где от теперь хохочет?

По-моему, Раецкий Вам завидует. У него лицо геморроидального консистерского чиновника, и завидует он здорово Вашему румянцу.³ А серьезно говоря — нелепо! Вы что-нибудь сказали ему? А что насчет сбор<ника> *Книга* <?> Даете туда свой рассказ?⁴ Видимо, наш сборник еще не вышел, иначе Вы бы обмолвились хоть одним словом.⁵

Жаль от души бедного Мовича. И, видимо, ему никак нельзя помочь. Сегодня от Городец<кого> получил телеграмму: Боре лучше. Слава богу!

Ничего, милый, Боря поправится, Григорий Бор<исович> воспрянет духом — и работа опять закипит. Если уже Григор<ий> Бор<исович> «в себе» и Вы с ним разговоры ведете — скажите ему, милый (если только не затруднит) о сл<едующем>: а) пусть он в новых книжк<ах> своих ставит в рубрику «готово к печати» — мою книгу *Люди прохожие*, а во-вторых, если готовится второе изд<ание> *Пыли* — пусть там отведет позади страничку — «книги того же автора», значит — *Рассказы* и предполагаем<ая> — *Люди прохожие*.⁶ Кажется, так делается? Да?

Как прошло чтение Вашего *Табачного дыма* <?>⁷ Убежден, что встретили хорошо. Поделитесь со мной. Можете в фривольном тоне, но пусть известная доля серьезности будет, как полагается автору *Трын-травы*.⁸ Очень хочется знать, как «среда» встретила Вас.

Алеша <Окулов> не изволит писать. Одно из двух: или он завертелся или почему-либо взял да вычеркнул меня из памяти. Но почему так скоро? Хоть бы немного попозже.

Представляю себе Николая <Никандрова> в куртке. Бедные фельдшерницы, дезинфекторши и пр., которых Николай будет вопрошать о смысле жизни!⁹ Будут они между двумя огнями.

А усы он снимет? А как его фельетоны в *Киев<ской> М<ысли>?*¹⁰ Милый, а рассказ его в *Летописи* хорош?¹¹ А Ласковой? Бедный Николай, посадил ему Горький хорошую соседку. Даже и в *Летописи* Николай рядом с особой прекрасного пола.¹²

Когда я уезжал в Тифлис — я на вокзале столкнулся с загадочным автором — вечным спутником Ласковой. У него в руках были два билета в Евпаторию. Так праздновался выход *Мути*. Он мило поздоровался со мной, а потом куда-то потащил большую корзину. С рукописями?

А я не пишу, не буду писать и нет никаких, да и не предвидится, толчков. Вы правы, милый, тут не до литературы, а тем паче когда буду все время в движении. Но зато как меня изводит одна тема для пьесы. Я не я, если года через полтора меня не вынесут на руках из какого-нибудь театра. В беспамятстве, в экстазе ли — но вынесут. И тогда я закажу себе визит<ные> карточки «драматург такой-то», а одну первым делом пошлю Николаю <Никандрову> с приложением: билет в 5 ярусе.

Ну, надо кончать. Зовут к столу. Потом у меня небольшая письм<енная> работа, потом поездка в город — осматривать наши пункты питатель<ные> и чайные, потом в баню — и спать, спать.

И знаю: обязательно увижу во сне кусочек Москвы.

Сейчас хоть письма получаю, но если поеду за Шайтан-Даг — долго, долго буду без писем. Буду получать их из Карса с оказией. Значит — случайно, как попадет. Вот это тяжело, а все остальное, все трудное, холодное, бессонное — не страшно.

До свиданья, милый! Не забывайте меня, помните, я рад Вашим письмам. Делитесь со мной всем, чем только захочется. О Вашей работе пишите, о том, как работается, куда едете.

И будьте здоровы, бодры и, как всегда, делайте вид, что все обстоит благополучно, а потому без лишних телодвижений (а все-таки Алеша <Окулов> свинтус, уже растелодвижиться

на письмо он мог бы, ведь он знает, негодный, как хотелось бы знать о нем).

Всем знакомым привет.

А Вас целую. Не забывайте меня!

Всего, всего лучшего.

Ваш Ал<ександр>

1. Известная в Москве пашлычная на Мясницкой ул.
2. Речь, по-видимому, идет о поэте, драматурге, либреттисте Николае Альфредовиче Адуеве (наст. фам. Рабинович; 1895—1950).
3. По всей видимости, журналист Савелий Семенович Раецкий (пользовался псевд. С. Султанов; ?—1925); сотрудничал в газетах *Утро России*, *Биржевые ведомости*, *Русское слово*; автор брошюры «Поэт книги (Д. В. Ульяновский и его библиотека)» (М., 1914); в сборнике *Пережитое (в год революции)* (Кн. 1. М.: Верфь <б/г>) ему принадлежит очерк *На демократическом совещании* (с. 84—108). По поводу лидинского румянца см. прим. 11 к п. № 28.
4. В сб. *Книга Лидин* не печатался; в него, помимо Соболя (см. прим. 8 к п. № 7), вошли следующие авторы: И. Новиков (повесть *Время просеивает*, с. 79—104), В. Шишков (рассказ *Стуколка*, с. 107—24) и А. Окулов (повесть *Золотые огни*, с. 127—68).
5. Сб. *Северные дни* к этому времени уже вышел из печати, см. прим. 14 к п. № 1.
6. См. прим. 5 к п. № 15. Книга *Люди прохожие* увидит свет только в 1923 г. в издательстве *Земля и фабрика*.
7. Рассказ Лидина *Табачный дым* был напечатан в № 4/6 *Современного мира* за 1917 г. (с. 55—69); см. также п. № 16.
8. См. прим. 9 к п. № 1.
9. В это время Н. Никандров служил санитаром в действующей армии.
10. Очерки Н. Никандрова появятся в *Киевской мысли* несколько позднее (1917, 23 апреля и 10 июня).
11. В № 12 журнала *Летопись* за 1916 г. (ред. М. Горький) был опубликован рассказ Н. Никандрова *На Часовенной улице* (с. 50—78).
12. Следом за Н. Никандровым в журнале шел рассказ писательницы Ф. Ласковой *Левка* (с. 79—92).

№ 13

Карс, 22-го янв<аря> 1917>

Здравствуйте, милый.

Мое письмо получили? А я сейчас снова в путь: в Эрзерум, потом дальше, потом назад в Эрзерум, затем в сторону, опять в Эрзерум и уже назад в Карс. Значит, 29—30 буду снова в Карсе, и если снова найду Ваше письмо — будет чудесно.

Из Эрзерума поеду верхом — это в горы, а как в сторону поеду — не знаю. Потеплело сегодня, но в горах опять будет, наверное, холодно.

Привет всем. А Алеша <Окулов> все молчит, да молчит. Если будете в Кружке — поклонись тому столику, где я когда-то сваял величайшую глупость: захотел на миг быть искренним.

Ну, целую Вас крепко. Жду Ваших писем, вестей о Вашей книжке и беспощадной критики на мой рассказ, если сбор<ник> вышел.

Всего лучшего

Александр

№ 14

Эрзерум. 26 янв<аря> 1917

Милый здравствуйте! Только что вернулся. Была долгая, длинная и занятная поездка верхом через N-ской перевал. Сперва туманы, море молочное, а потом ослепительное солнце. Искрылся снег, с каждым шагом все новые и новые горы. Тропинка едва видна, сбоку скат, где-то внизу, как мухи, люди, обозы, фургоны. Ветер бьет в лицо, лошадь умно и чутко нащупывает дорогу — и все выше и выше. А потом спуск. Тут уж так потеплело, что, начав расстегивать куртку меховую, я до-

шел до гимнастерки. А как хорошо было потом в нашем пункте в юрте за стаканом чая.

А третьего дня я ездил в другую сторону, где серные источники. Три огромных бассейна. Вода горячая. Будет там работа потом, сейчас только готовимся. Завтра опять поездка, потом вернусь, и по делу снова в Карс. Если, приехав, найду Ваше письмо, буду страшно рад. Я рад Вашим письмам, милый. А от ветра я уже здорово загорел. Сегодня попался мне № *Кавк<азского> Слова* с дурацкой рецензией о нашем сборнике: образец тупоумия. Посылаю ее Рахели Сауловне, можете получить у нее для прочтения. С удовольствием послал бы и Вам, но нет второго экземп<ляра>.¹

Чуть-чуть ноют ноги: все-таки 40 верст сделал верхом. А сколько любопытного я нашел и встретил там, где серные источники. Одно здание чего стоит.

Милый, бегу обедать. Целую. Жду писем.

А Алеша <Окулов> все молчит, да молчит.

Позвоните Ив<ану> Ив<ановичу> <Белоусову>² и скажите ему, что целую его. Всего лучшего.

Ал<ександр>

Когда съезжали с перевала — поднялась вьюга, утопал по колено в снегу, а в голове темы да темы! — глупо!

Как прошло чтение рассказа в Кружке?

Побольше о себе и о своих писаниях!

1. Речь идет о рецензии Ф. Шишмарева на сборник *Северные дни* (Кавказское слово (Тифлис), 1917, № 21, 26 января, с. 4). Каждый автор-участник был охарактеризован в рецензии отдельно. О *Русалочках* Соболя говорилось следующее:

Рассказ был бы недурен, но в нем нет цельности — он весь из кусочков разного художественного достоинства. Конец совсем фальшив — почему рассказ, точно обрубок — точно неоконченная глава — какого-то неоконченного произведения. Относительно действующих лиц можно сказать одно: надо заранее или признать с автором *возможность* их бытия или отринуть, ибо очень уж необычен быт, отраженный автором.

Язык неряшлив: так, о шампанском говорят — блюдо. Фальшиво говорит помощник пристава. Сулемашко — один из главных героев рассказа — совершенно неудачен.

Отсылая на следующий день эту рецензию Р. Бахмутской, Соболев писал ей (письмо от 27 января 1917 г.):

Посылаю тебе вырезку из *Кавказского Слова*. Образец глупости и тупости. Ты ее вклей, но дай предварительно Алек<сею> Ив<ановичу> Окулову>. Как тебе нравится — в рассказе *Русалочки* он главным героем считает Сулемашко, к<отор>ый только на минуту появляется. И где он нашел, что в рассказе шампанское называется блюдом? А как тебе нравится этот гнусный отзыв о пьесе Алеши?

Посмейся и вклей как уникам (Частный архив).

2. См. прим. к п. № 10.

№ 15

Карс, 1 фев<раля> 1917

Милый, вот я снова в Карсе. Ненадолго: на дня 2—3, потом в путь. Письмо мое из Эрзер<ума> получили?

Загорел от ветра. Стриженный я и смешной. От безделия (был такой день в Карсе в самом начале) однажды пошел к фотографу. Хотите карточку? — пришлю, а Вам зато тема для рассказа о человеке, к<отор>ый однажды в парикмахерской потерял часть своей многогранной души.¹ 10 дней был без газет. Сегодня на вокзале накупил кучу. И сразу напал на письмо Николая в газете *Речь*² и на сообщение в *Рампе* о картине Вл. Лидина *Путь женщины*. Милый, вон оно как! Это утка или маленький воробейчик?³

Значит, мы богаты? Съешьте за мое здоровье три порции майонеза из дичи и помяните мою грешную душу и мой бедный желудок, сверху до низу переполненный солониной.

Ну, и Николай! А все-таки это хорошо. Т.е. я-то с ним не согласен, но по-своему он поступил правильно.

А что это за *Путь женщины*? Откуда и куда? И с кем?

Послал я Раисе Сауловне вырезку из кавказ<ской> газеты по поводу нашего сборника. Хотел и Вам послать, но у меня всего был один экзем<пляр>. Изумительная рецензия. А в *Рус-*

<ских> Вед<омостях> нас почистили? — мне Раиса Саул<овна> писала, что была рецензия.⁴

Милый, временами очень, очень тяжело без Москвы.

Писать ничего не пишу. Да и невозможно. Но зато все время голова занята пьесой. И хорошо думается, когда шумит автомобиль, когда по бокам горы бегут, а в лицо ветер. И вдруг — стоп. Куча фургонов, арб. Кричат курды, снуют солдаты — и все это на фоне ослепительного снега. А как хорошо после 60 верст<ового> перегона сесть за чай в юрте или земпалатке. И как приятно вытянуть ноги, поразмять их.

Не знаю, ничего не знаю, что творится в том мире, где пишутся рассказы, пьесы. Поделитесь со мной, милый. Где Ашукин, Алеша <Окулов>? Что пишет Мович? Что с Вашей книжкой? Как со вторым изданием *Пыли*?

А то, о чем я просил Вас передать Григ<орию> Бор<исовичу> — передали?

Напоминаю: во втором изд<ании> *Пыли* отвести страничку: «Книги того же автора», том упомянутый — «готовится к печати *Люди прохожие*».⁵ То же самое, т. е. насчет Люд<ей> прох<ожих> в проспектах издат<ельства>.

А Книга уже вышла? А готовят они II сбор<ник>? Как прошло в Кружке чтение Вашего рассказа <?>.

Сегодня еду по делу в одно место — 80 верст отсюда. Будут там быки, лошади, разговоры о транспортах, о фургонах, о жмыхе, о самане — и куда-то далеко ушли стихи, рассказы, пьесы. Но все внутри — глубоко, глубоко: до лета, до весны. Милый, как хочется тепла! Что-то будет? — ничего не знаю. Будущее черно. А что Вы предпринимаете? Где Вы вообще?

Целую. Очень Вас люблю.

Как живет Люд<мила> Ив<ановна>? Увидите Койран<ско> — передайте ему мой привет.

«Черную розу в бокале золотого, как небо, Аи»⁶ — Господи, с нами крестная сила — кто, где, когда это говорилось? Тпру! Быки, фургоны, сено, проволока... Чур меня!

А все-таки, а все-таки земля вертится. Ну, кончаю.

Надеюсь, Вы скоренько отзоветесь. И не экономьте: пишите обо всем. Я рад буду Вашим письмам.

Еще раз: целую.

Ваш Александр

Бим, бом — как живет и работает Бом?

Р. S. Поздравьте: получил повышение — назначен секретарем, это вместо заведующего хозяйством 2 разряда.

1. Этот «сюжет для небольшого рассказа» стал если не темой, то, по крайней мере, отозвался одним из образов в рассказе самого Соболя *Одна ночь*: «И ночь, одна ночь, — только одна ночь в распоряжении, — должна Волчи Ворота превратить в ворота на пути к прежней, к светлой, к чистой ясности души, когда не было ни сомнений, ни колебаний, когда неземно пела внутри лихая, задорная, кудрявая радость, — о, не хочу, не хочу видеть радость свою стриженной и кудри ее разбросанными, раскиданными» (Андрей Соболев. *Книга маленьких рассказов (1922—1925)*. М.: Московское товарищество писателей, 1925, с. 67).

2. Речь идет о Письме в редакцию газеты *Речь* (1917, № 11, 13 января, с. 5) Н. Никандрова следующего содержания:

Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты заявить, что я более не состою сотрудником журнала *Летопись*. Причина — печатание М. Горьким в этом журнале Автобиографии *Шалапина*.

Реакция Горького на этот жест была односложной: в письме к Е. П. Пешковой от 24 февраля 1917 он недоуменно восклицал: «Никандров — глуп или пьян?» (М. Горький. *Полное собрание сочинений. Письма в 24-х томах*, т. 12. М.: Наука, 2006, с. 117).

См. также прим. 4 к след. письму.

3. Соболев имеет в виду информацию в московском еженедельнике *Рампа и жизнь* (1917, № 4, 22 января, с. 14) следующего содержания:

В *Русской Золотой серии* принят к постановке целый ряд пьес московской группы писателей. К ближайшей постановке намечены пьесы: 1) А. Топоркова *Любовники Иетты в веках* — кинематографическая мистерия в 4-х частях. 2) Вл. Лидина — *Путь Женицыны* — кино-роман в 4-х ч. 3) Н. Архипова *Призраки* — киноэлегия в 4-х ч. из эпохи Александра I.

4. В анонимном отзыве на сборник *Северные дни*, помещенном в газете *Русские ведомости* (1917, № 8, 11 января, с. 7), говорилось:

Нельзя не признать, что участники этого сборника — люди невысокого художественного вкуса. Чувство меры им незнакомо. Поэтому рассказ И. Матусевича, слегка скучноватый, все же — лучший в сборнике: он наи-

мене, по сравнению с прочими, претенциозен и груб. Есть недурные частности в пьесе А. Окулова и в рассказе В. Шишкова *Та сторона*. В общем же, повторяю, грубость образов и бедность мысли неприятно раздражают читателя почти на всех страницах книги. Худшее в ней — неправдоподобный и циничный рассказ г-жи Бутягиной и *Русалочки* г-на А. Соболя: история о том, как купец-пароходчик пьянствует, купает в реке проститутку и дерется, а потом и его самого и его собутыльников бьют матросы... Тут, видимо, автору и мерещится торжество нравственной идеи...

5. 2-е изд. романа Соболя *Пыль* вышло в *Северных днях* в 1917 г. Просьба автора в точности была исполнена.

6. Из стихотворения А. Блока *В ресторане* (1910).

№ 16

Карс, 8-го фев<раля> 1917

Милый, только что вернулся из командиров<ки> из Тифлиса — и нашел Ваше письмо. Как я рад ему! Если чувствуете сие — пишите чаще. А я, милый, в Тифлисе накупил кучу старых и новых газет — и впитывал в себя. Нашел № *Бирж<евых> Вед<омостей>* и там статейка о Вас — посылаю Вам ее.¹ Была еще статейка в тифлис<ской> газете о нашем сборнике, но в одном экземпляре. Послал я ее Раисе Сауловне.² Спасибо за вырезку из *Приазов<ского> края*.³ Еще видел № *Жур<нала> Жур<налов>* со статьей о Николае.⁴ Зло, а все-таки невольно улыбаешься. Но чувствуется: есть какая-то «внутренняя» причина, почему вдруг *Журнал Журналов* налетел на Николая.

А потом нашел объявление о выходе Вашей книжки и порадовался. Как хорошо, что Вы послали мне ее!⁵

Словом, в Тифлисе начитался — и посему-то очень грустно стало. Как-то вдруг, хотя вдруг только котятка рождаются. Не знаю, милый, почему, но чувствую: если вернусь — как-то поиному буду писать. А грусть и о прошлом и о том, что ко многому я был несправедлив, и грусть о том, что время бежит, а я все на том же месте и у того же литературного корыта. А на «среде» были дураки. Ведь Ваш *Табачный дым* < — > пре-

красный рассказ.⁶ Правда, я Вас очень люблю, но напиши Вы плохой рассказ — первый скажу, а *Табачный дым* уже одним тем хорош, не говоря о других достоинствах, что Вы в нем глубже, человечнее и серьезнее. Серьезны не в филистерском смысле — очков на Вас там не видать и преглубокомысленной складки на лбу тоже — серьезность внутренняя, большая, а не наносная. И так Вы будете видеть и дай бог, а «среда» явление все же довольно комичное: и черт с ними.

А вот еще одно грустное: не могу и не понимаю молчания Алеши <Окулова>. Если изменился ко мне — мог бы откровенно сказать. Кажется, отношения были такие, что откровенность могла быть предметом первой необходимости. Или — о чем даже и подумать не хочется — он фальшивил и был другим только в тяжелые для него минуты?

Если бы Вы знали, милый, как мне это больно. Ну, ладно.

О *Книге* ни звука. А вот насчет второго сборника *Северных Дней* Вы правы: надо это обсудить и, думаю, что при первом нашем слете мы вдвоем это проведем. Григорий Борисович, надеюсь, согласится, а мы уж с Вами, памятуя прошлое, будем строги и нелицеприятны, а что споемся — в этом я не сомневаюсь. И будет сборник иной, да и гонорарные условия будут иные. А Вы так и не поделились со мной: пишете, есть ли новое и как вообще пишется.

Уж я не спрашиваю о том, как живет. Захотите — поделитесь.

А я сюда на два дня — и опять в путь. А дней шесть тому назад всю ночь просидел в снегу. Сначала с машиной в канаву, потом верст 5 пешком, пока до сторожки добрался, а там такой буран поднялся, что чертям страшно было. Ямщик трусил, потом свалил меня. Сажени три пролетел. Потом он меня наверх тащил. Поехали, а вокруг каша молочная и не видать, где горы, где скат, где дорога. И так до рассвета маялись. Потом легче стало. Добрался до Карса поздно. Но все хорошо кончилось. А когда ехал туда — дорога шла ущельем, потом за ущельем потянулись разноцветные горы. Вспомнил картину Рериха — название забыл — очень напомнило. И как тепло

там было. А вот проехали теплую полосу, стали взбираться на гору — и буран поймал. Шофер только дня через 3 выбрался.

Теперь я снова в Эрзерум, но там долго не засижусь. И, кажется, далеко поеду. И как хорошо потом, возвращаясь в Карс, читать полученные письма.

Да, очень скучаю по Москве. К отсутствию газет, книг уже привыкаю. А Ваши письма мне много дают. Так и запишите, милый.

Хотелось бы знать, что с Мовичем. Что с Ив<аном> Ив<ановичем> <?>⁷ А вообще, надо сказать, тяжелые времена идут — и все ближе и ближе. Когда то увидимся!

Если попадутся еще рецензии — присылайте, милый!

Хочу позабавить Вас — посылаю Вам свою карточку. Правда, очарователен? Особенно не смейтесь. Немножко можно. Интересует меня новообъявленный *Луч*.⁸ Значит, Юрий Васильевич <Соболев> перекочевал — тем лучше. А привет ему передайте и спросите, почему он замолк.

Ну, кончаю: скоро спать пойду — всю ночь просидел в коридоре, в Тифлисе места берутся с бою, а я человек мирный и драться не хотел.

До следующего письма! Не забывайте меня, не хандрите и радуйте меня хорошими вестями. Целую Вас крепко.

Ваш А<лександр>

P. S. Как живет-поживает Людмила Ивановна?

Скажите Койран<скому>, что в тифлис<ской> газете его обругали всюю за перевод Фаррера. Ругал тот самый очаровательный рецензент, что облял нас всех, а меня укорял за то, что я не знаю, как и что называется «блюдом» и будто я шампанское назвал блюдом.⁹

1. Статья о Лидине в *Биржевых ведомостях* во временном соседстве к этому письму не выявлена.

2. См. прим. 1 к п. № 14.

3. Речь, по всей видимости, идет об обзорной статье Л. Волоха *1916-ый год в литературе* (Приазовский край, 1917, № 1, 1 января, с. 2), в которой на-

ряду с мэтрами говорилось о творчестве молодых писателей-неореалистов. Так, в частности, автор отмечал то, что с интересом следила критика в ми­нувшем году за Трениным, Новиковым и Андреем Собо­лем.

4. Соболев говорит о фельетоне В. Ермилова *Событие!* (Журнал журналов, 1917, № 5, январь, с. 4), в котором автор ядовито иронизировал по поводу Письма в редакцию газеты *Речь* Н. Никандрова (см. прим. 2 к предыд. письму). Приведя текст самого письма, автор не лишнего остроумия фельетона писал:

Несколько минут сидел я как громом оглушенный. Потом немного пришел в себя и оглянулся вокруг.

Странно, — но природа, которую не даром видно называют равнодушной, молчала и никак не реагировала на совершившееся. Земля не тряслась на своих основаниях, свод небесный не раздирался кровавыми молниями, не падали с тверди потухающие звезды.

Но я, читатель, чувствовал, что произошло что-то грандиозное, какой-то катаклизм... Именно чувствовал, еще не пытаюсь «осознать».

И в таком же саркастическом тоне В. Ермилов развивал далее мысль о произошедшем «историческом событии», подготовлявшимся, по его словам, «всеми предыдущими процессами мировой истории», — о том, что «г. Никандров больше не состоит сотрудником *Летописи*. Склонимся же перед мудростью и величием судьбы!»

Нагнетаемая насмешливая интонация в финальной части фельетона достигала иронического *crescendo*:

О, такие моменты не забываются.

Когда мне стукнет сто лет, я буду шамкать внукам:

— Было это, детки, в 1917 году...

И кто-нибудь из них весь вспыхнет и спросит:

— Как, дедушка, в 1917-м! Это когда Никандров покинул *Летопись*?..

— Да. Как сейчас вижу, милый...

А другой (ведь молодость жестока!), пожалуй, бросит мне в лицо желчный упрек:

— И ты мог это пережить! Стыдись...

5. Речь идет о сборнике рассказов Лидина *Полая вода* (М.: Северные дни, 1917); на титуле значится — т. 2.

6. См. прим. 7 к п. № 12.

7. См. прим. к п. № 10.

8. Осуществить выпуск задуманной М. Горьким в 1916 г. и широко анонсированной газеты *Луч*, которая явилась бы печатным органом, объединяющим различные политические силы в стране, не удалось. См.: Л. Майер, „Русская воля и Луч: А. Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции“, *Отечественная история*, 1996, № 1, с. 29—52.

9. В рецензии Ф. Шишмарева на перевод А. Койранским романа Клода Фаррера *Душа Востока* (М.: Северные дни, 1917) доставалось и французскому писателю и его переводчику на русский язык. Писателю за то, что он не сумел проникнуть в душу японского народа (в романе описывается Япония эпохи русско-японской войны), Койранскому — за слабый перевод.

Хотя у Александра Койранского — как у переводчика — имя заслуженно хорошее, — писал рецензент, — но с романом Фаррера в смысле стилистическом он поступил жестоко: получилось бесцветное, бескровное, какое-то классное сочинение на заданную тему. Трепещущие, извивающиеся, вдохновенные фразы подлинника переданы плоским, скучным языком. Мне думается, произошел этот конфуз потому, что стиль К. Фаррера так своеобразен, гибок, капризен, *что непередаваем* (Кавказское слово, 1917, № 31, 8 февраля, с. 4).

Отметим попутно повторяющуюся дважды аллюзию на роман *Душа Востока* в более позднем соболевском рассказе *Двери*:

Вот, например дверь одна была в Константинополе... Тут и минареты, и кавасы, и Золотой Рог, и Клод Фаррер, и шербет, а дверь обита клеенкой, точно ты не в Стамбуле, а на Плющихе <...> Не могу понять, никак не могу понять: шербет, селям-алейкем, Клод Фаррер <...> — и вдруг клюква (Андрей Соболев. *Книга маленьких рассказов (1922 — 1925)*. М.: Московское товарищество писателей, 1925, с. 109, 110).

№ 17

20-го фев<в>ралья> 1917 Карс

Милый, вчера вечером вернулся из поездки и вот, как в прошлый раз, нашел Ваше письмецо. Люблю Ваши письма и рад им. Завтра утром еду в Ольты. Сегодня все время снег идет. Если машина не сможет пройти из-за заносов — поеду верхом — это верст 120 — и опять увижу разноцветные горы и снова окуную в тепло.

Как хорошо, что Вы стали работать в *Север<ных> Днях*. Ведь *Север<ные> Дни* мне не чужие — и теперь, когда Вы там, многие номера не пройдут, из номеров «неприятного» характера. Но вот что, милый редактор: не забудьте, что необходимо (я это считаю необходимым), как только выйдет *Пыль*, дать о ней объявление в *Новый Путь* и в *Евр<ейскую> Жизнь* во вся-

ком случае, во вторую *обязательно*. А если б Григор<ий> Бор<исович> согласился еще на объявление в жур<нале> *Евр<ейские> вести* (в Петрограде), я был бы весьма благодарен. Между прочим, в этот петроградский журнал надо *обязательно* послать экз<емпляр> для отзыва. Да, авторские экзем<пляры> распорядитесь выдать Раисе Саулов<не>. Вы, наверное, знаете, что по обещанию Григор<ия> Бор<исовича> я получаю по одному экз<емпляру> каждой новой книги — так вот и эти экзем<пляры> пусть по-прежнему передаются Раисе Саул<овне>, а она уж их сохранит до моего приезда. Вы уж меня не обижайте и не оставляйте без новых книжек.

Да, а к *Пыли* приложен листочек, о <оторо>м я когда-то Вам писал?¹

Теперь насчет II-го сбор<ника>.² Конечно, я первую свою вещь дам Вам и постараюсь дать хорошую, но, милый, один аллах только ведает, смогу ли я это сделать. Вся моя надежда на лето — а вдруг лето улыбнется мне, сделает легко на <sic> и скажет: будьте здоровы? До лета и думать не о чем. Совсем забыл: я разрешился от бремени небольшой корреспонденцией. Это несчастное событие произошло в одну томительную ночь, когда здоровая тоска одолела меня. Я рассердился на себя и отомстил себе. Послал я ее в *Утро России*.³ Не сомневаюсь, что младенец мой будет зарезан по всем правилам, но если паче чаяния выживет и появится в *Утре России* — тогда я наберусь храбрости и махну второе письмо. Милый, так нужны деньги. Но все-таки не из-за денег, конечно. А Вы, конечно, ругните меня за нее, если заслуживаю. А вот сейчас читаю в Вашем письме, что завелся там А. Тамарин — и изжога появилась. Ведь это дурная болезнь, о <оторо>й в приличном обществе вслух нельзя говорить.⁴

Но вернемся к сборнику. Конечно, приложу все старания, но мне бы все-таки хотелось знать, на каких основаниях будет II сбор<ник>? Как первый? Это не гоже. Как поставлена будет редакцион<ная> часть? — поделитесь со мной всеми этими штуками. А Вы мне напрасно не прислали *Полую воду*. Она бы

не пропала, а так хочется поглядеть на книжку.⁵ Теперь уж, конечно, не стоит, так как я накануне великого передвижения. Об этом в другой раз.

Больно мне, когда вспоминаю об Окулове. Не хорошо он делает. Что ж, фальшивил он, что ли? Больно, очень больно — ну, бросим об этом. От Белоус<ова> получил письмо, сегодня отвечу ему. Хочется написать неистовому Ашукину, но не знаю его адреса. Можете прислать?

Что Вы дали (или даете) в *Соврем<енный> Мир*?⁶

Вышла в *Универ<сальной> библ<отеке>* моя *Песнь Песней* — видели?⁷ Я просил Раису Саулов<ну> один экзем<пляр> послать Вам.

А со сбор<ником> *Книга* скандал: цензура выбросила повесть Замятина. Досадно. Если сборн<ик> уж вышел и Вы видели его — расскажите, что за фрукт получился, чем пахнет от него. И, не стесняясь, обкладывайте.⁸

Милый, ничего я не читал: ни статьи о Вас, ни фельетона Амфит<еатрова>. Газеты приходят неаккуратно. Я Вам послал вырезку из *Биржевки* — получили?

Читаю... граф Монте-Кристо, а в хорошие дни Давида Копперфилда.

Все вот надеюсь на лето. Так хочется поработать: в голове всяких тем уйма, особенно одна крепко засела, но — сейчас дудки. А если летом новая дудка будет? — скандал.

Милый, какова из-под себя газета *Луч*? Что Пильняк? Журин? Передайте привет им. Соболев тоже хорош. Говорил мне, что будет скучно без меня, что привязался ко мне по-хорошему — и хоть бы два слова черкнул. Скажите ему, что я его трижды разжалую. Несмотря на его гнусное молчание — все-таки с хорошим, с очень хорошим чувством вспоминаю его. Хороший он человек — дай бог ему здоровья и, помимо одного *Луча*, еще много лучиков и звездочек!

Ну, надо кончать. Помните, что рад я Вашим письмам, что очень я люблю Вас, милый редактор. Разрешите присесть!

Что Юшкевич делал в Москве? Стоял на развалинах театра Незлобина и твердил: — Что Вы мне говорите, *Сонькина ка-*

рьера должна быть продолжена!⁹ — Будете писать Пазухину¹⁰ — передайте мой горячий привет и скажите ему, что я еще надеюсь с ним у Бома побеседовать за чаем. Вы правы: он, вопреки московским газетным щам, очень, очень приемлем.

Как Новиков? Какова его новая повесть в сборнике *Слово*? (я видел объявление).¹¹

Милый, Вы опять подошли (или, вернее, он к Вам подошел) к Архипову и опять обожглись. Так Вам и надо. Ну, право, никак не могу понять, почему Вы продолжаете канителиться с ним. Одно остается предположить: Вы и он связаны одним общим преступлением. Ради бога — каким?

И, вообще, *Путь женщины* это такая нехорошая штука, что лучше сворачивать на тропинку. Сколько, значит, Архипянц заработал на Вас? 500 рублей? Вот аппетит и вот умение выбирать куски.¹²

Так Вам и надо.

Зовут обедать. Это хорошо, а то, видимо, конца не будет письму.

Рожу мою получили? Понравилась она Вам?

Когда у Вас будут гости — ставьте ее лицом к стенке и уверяйте всех, что это первая Ваша любовь. Хорошо? Обещаете?

Целую Вас крепко.

Надеюсь — хе-хе — по старой памяти Вы нас — хе-хе — не оставите... того... без авансов.

Милый, а ведь очень хорошо, что Вы в *Северных Днях*. Гните свою линию вовсю и вовсю боритесь с «подземными» течениями.

Как старший, как убеленный сединами редактор (см. *Книгу* и проч. и проч.) благословляю Вас.

Обнимаю.

Ваш А<лександр>

Когда-то я Вас познакомил с поэтессой Агатой Гальперин¹³ — она бывала у Бома и с нею ее подруга — красивая де-

вущка. Так вот черкните мне — встречалась ли Вам эта девушка? Т. е. в Москве ли она <?>

1. См. прим. 5 к п. № 15.

2. Речь идет о 2-м сборнике *Северные дни*, который удалось издать только в 1922 г.

3. Имеется в виду *Письмо первое*, напечатанное под рубрикой *На Кавказский фронт в Утре России* (1917, № 57, 26 февраля, с. 3). В этом очерке, до буквальных повторений, отразились многие впечатления Соболя, о которых он сообщал в письмах к Лидину (см., в частности, прим. 1 к п. № 11) и другим своим корреспондентам. В начале автор описывает сам городок Карс, где дислоцировался лагерь Земсоюза:

Когда-то назывался «Карис-Калаки», т. е. город ворот, а теперь называется Карсом, ворот и в помине нет и, если бы не горы крутом и не каменный профиль крепостного бастиона, — не отличить его от Коломны или Оханска.

Далее следует знакомство с окружающим горным ландшафтом:

И стоит только покинуть его улицы, взять немного в сторону, как уж и в помине нет коломенского колорита — гора за горой нарастает, скала на скалу громоздится, встает глубокое, дикое ущелье, где досадным наростом кажутся казенные строения, уходит вглубь, словно в пучину неведомую, и невольно прислушиваешься, невольно чудится: шумит ничем и никем не связанный горный поток, который и прорыл когда-то ущелье, который и играл каменными глыбами, словно мячиками, подбрасывая их, раскидывая.

Посреди этих природных стихий и был разбит хозяйственный лагерь Земсоюза, в котором служил Соболев:

За вокзалом — единой живой точкой Карса — далеко за городом, в помещениях старых кабардинских казарм засел «Земсоюз».

Город в городе — свои особые нравы, своя особая жизнь, свои люди, свой собственный жаргон, где наряду с земпалаткой фигурирует зембалык самого что ни на есть настоящего, прямого происхождения от воблы, где рядом с зембаней... землодырь и где выражение «верблюды проскочили» ясно и понятно и не вызывает вопроса: где это скачут верблюды?

Останавливаясь на описании самого хозяйства, автор рисует такую картину:

Огромный двор заполнен двуколками, вьючными носилками, сеном, дровами. Далеко раскинулась коновязь. Пройдешь мимо — ряд лошадиных грив, косятся умные глаза, нетерпеливо стучит копыто о мерзлую землю. Сбоку куют лошадей, в морозном воздухе четко отдается каждый удар. В стороне ряд мастерских: дышат горны в кузнице, пахнет свежими стружками в столярной, словно вот очутился в лесу русском, родном, и кажется:

потечет сейчас густой клейкий сок из коры подрубленной, сок янтарный, пахучий. <...>

Тянутся склады один за другим: горы мешков, горы ящиков.

Хозяйство огромное, но не привязанное к определенному клочку земли, всегда в движении: ведь бегут-разбегаются дороги и вправо и влево — и по ним тянулись и будут тянуться фургоны, арбы, моторы, грузовики, забирая груды за грудой, перебрасывая их дальше, все дальше — туда, где сегодняшний день затишья завтра, быть может, сменится днем бури, смерти и разрушения.

За день до письма Лидину, 19 февраля, Соболев информировал Р. Бахмутскую (частный архив):

Ну, а теперь я тебе сообщу новость: вчера вечером, когда после работы я остался в своей комнате, такая грусть меня охватила, что уже даже жутко стало, тем более, что писем от тебя не было. И решил я, набравшись духу, хоть чем-нибудь эту грусть подавить и решил: была не была, надо попробовать написать что-нибудь — ну, и в результате вчера же написал и переписал начисто первую свою корреспонденцию для *Утра России*, вспомнив свою первую поездку из Карса, а так как дело это происходило в январе — то я корреспонденцию продатировал тем числом — и вот сегодня утром эту статью отослал заказным Михаилу Борисовичу <Городецкому> в *Утро России*, ему же написал, что гонорар ты получишь, и просил его в случае отказа редакции статью эту вернуть тебе. Теперь дело так, Ричик: если статейка будет принята — тебе об этом сообщит Михаил Борисович, а ты потом, когда статейка появится — вырежешь и пришьлешь мне; если же, паче чаяния, статейку вернут — ты ее пошли в газету *День* с припиской, что по поручению такого-то посылаешь статью и от имени автора сообщаем, что условия его <> 20 коп<еек> за строчку и что адрес для присылки гонорара такой-то и приложишь свой адрес. Но предварительно, перед тем как послать ее в *День*, сходи к Григорию Борисовичу <Городецкому>, покажи тому эту статейку и узнай, быть может, лучше всего он возьмется переслать ее в газету *Луч* — это газета Мих<аила> Бор<исовича> — Григорий Бор<исович> тебе откровенно ответит и, если он эту корреспонденцию возьмет для *Луча* — ты сообщишь мне, и я уже следующие письма буду прямо посылать в *Луч*. Если же Григ<орий> Бор<исович> не возьмет — тогда в *День* и о результате в свою очередь сообщишь мне. Если же она пройдет в *Утре Р<оссии>* — тем лучше. Тогда ты в конторе *Утра России*, после того как статья появится, предъявишь мою доверенность и получишь по 20 коп<еек> за строчку. Там 250 строк — значит, 50 рублей получишь.

4. А. Тамарин — псевдоним А. Окулова; возможная реакция Соболева на то, что под этим псевдонимом Окулов публиковал вещи облегченного содержания — детективные и приключенческие истории.

5. Вероятно, между корреспондентами возникло какое-то недопонимание, и Соболев сначала решил, что Лидин ему сборник выслал, см. прим. 5 к предыд. письму.

6. См. прим. 7 к п. № 12.

7. Соболевская повесть *Песнь Песней* выходила в 1917 г. в московском *Универсальном издательстве* двумя изданиями.

8. О сборнике *Книга* см. прим. 8 к п. № 7 и прим. 4 к п. № 12.

9. Намек на сгоревший 15 января 1917 г. московский Театр Незлобина, в котором шел ряд пьес С. Юшкевича, в частности комедия *Повесть о господине Сонькине*.

10. Алексей Михайлович Пазухин (1851—1919), прозаик, драматург.

11. В 7-м выпуске сборника *Слово* (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917) была напечатана повесть И. Новикова *Душка*.

12. Очевидно, речь идет о том, что Н. А. Архипов (М. Л. Бенштейн, см. о нем прим. 12 к п. № 1) «увел женщину» у Лидина: перенес тему и образ проституток из его пьесы *Путь женщины* в свою — *Женщины с улицы*.

13. Агата Гальперина, поэтесса, автор сборника стихов *Веретено* (М., 1915).

№ 18

<на почтовой открытке>

Джала-Логлы. 10 фев<раля>¹ 1917> (где-то между
Тифл<исом> и Карсом)

Милый, здравствуйте! Новости застигли меня далеко — в Ольтах, 3 дня там бесновался, нельзя было выехать из-за снежн<ых> заносов. Третьего дня не вытерпел — выехал верхом. Вчера прибыл в Карс. Там узнал ошеломляющие новости. Неужто все правда? А когда ехал из Мерденена в Карс (это уже далеко за Ольтами) ночью в ущелье дико завывали волки. Лошадь обалдела. Ну, и скачка была, а я думал: неужто *накануне* загрызет? Вчера же, передохнув маленько, выехал на автом<обиле> в Тифлис. Первые 150 вер<ст> проехали чудесно — в Александрогиле встретили маниф<естацию> солдат с красными знаменами. Сказал, стоя в автомоб<иле> пару теплых слов. А потом за перевалом вилка к черту. Едва добрались до селения — ночевали. Сейчас еду дальше — автомоб<иль>

починен. 9 ½ ч. утра — в 2 я в Тифлисе. Немедленно достаю билет — и мчусь в Москву. В голове один хороший проект — потом поделюсь. Милый, передайте Городецким мой горячий привет, скажите им, что на душе светло. Милый, вас обнимаю и целую, люблю Вас. Письмо уже опущено.

1. Соболь ошибается месяцем и вместо марта указывает февраль. На почтовом штемпеле число неразлично, но ясно прочитывается месяц — 3 (март); в Москву почтовая карточка пришла 20 марта. Сам контекст письма (речь идет о Февральской революции) однозначно указывает на опisku.

№ 19

<написано на почтовой карточке>

Симферополь 4-го апр<еля 1917>

Милый друг! Вишня, миндаль в цвету, солнце уже жгучее. Завтра утром в ландо отправляюсь в Яту, оттуда в Керчь. Удовольствие большое, но и плата не маленькая. Уже чувствую, что начну писать всюю — так что ждите к 1-му мая рукопись в 2 листа, если только до того времени меня не выставят за долги. Милый, очень мне Вас не хватает. Целую крепко. Не забывайте меня — делитесь новостями литератур<ными>.

Привет друзьям

Андрей

№ 20

<написано на почтовой карточке>

Кореиз-Мисхор. 7 апреля <1917>

Милый, здравствуйте. Уже на месте, уже у стола и уже начал просматривать рассказы для новой книжки. Местечко чу-

десное, море под носом, под носом же магнолии. Занятно было проезжать через Ливадию, Орианду. Солнце горячее. Буду ли писать — неведомо, но хочу. Здесь пробуду до 1-го мая, 2-го выеду. Если черкнете — буду рад, милый. Новостями делитесь.

Обнимаю. Привет всем.

Адрес: Юлию Михайловичу Соболю

Кореиз. Имение Мисхор

№ 21

Мисхор. 13-го апреля <1917>

Милый, вот посылаю Вам вещицу для сборника.¹ Вы опять скажете: «<В>ыдрал из повести», но, милый, хоть убей <—> не пишется, как ни заставляю себя, а во-вторых — кто будет знать, что это «выдрано» из повести, а в-третьих, что самое важное, повесть ведь нигде не была напечатана, так что и этот рассказ новый, а в-четвертых, тема подходящая, а в-пятых, я почти заново переделал его, а в-шестых — впрочем, как хотите. Конечно, все эти «интимные» подробности для Вас, но отнюдь не для остальных членов редакции — имейте это в виду — ведь не должны же они знать, что у меня еще большая повесть неоконченная, — пригодится мне в тяжелые минуты жизни.² Итак, это все, что могу дать, но даю с полным убеждением, что даю вещицу не из корзины, где валяется всякая дребедень, а Ваше дело и проч<ее> и проч<ее> соглашаться или не соглашаться. Цель сборника мне слишком близка и дорога, чтоб отнестись к ней спустя рукава. С наслаждением дал бы большую вещь, но, ей богу, милый, не пишется — так что вот так обстоит дело. Сегодня в первый раз солнце, а до сих пор силы небесные все время мочились. Еще 2—3 дня солнце — и я отогреюсь и засяду за рассказ для *Север<ных> Дней* — тема уже вся в голове, даже в ногах.

Выеду я 28—29-го, прямо в Москву.

Еще застану Вас? Привезти Вам хорошую большую раковину? И татарку в придачу, тоже с раковиной? Приехал Алеша <Окулов>? Как поступает материал для сборника — живо? Что с нашим новым предприятием?

Как прошло собрание? О чем говорили? Привет Ив<ану> Ив<ановичу>,³ Юрию Вас<ильевичу Соболеву>, а Вы не будьте последней личностью и черкните мне скоренько.

Где Николай <Никандров> — уехал?

Крепко целую.

Андрей

1. Вероятно, речь идет о каком-то неосуществленном издательском проекте.

2. Скорее всего, Соболев говорит о повести *Бред*.

3. См. прим. к п. № 10.

№ 22

<на почтовой карточке>

Мисхор 23 апр<еля 1917>¹

Милый,

Если сказать, что Вы *да* порядочный человек — так-таки нет, и если мне мои глаза не ошибают, так Вы таки *да* свинтус, хоть бы два слова черкнул.

Не хочу Вас знать и между нами все кончено: отдайте мои десять рублей.

Обнимаю

А<ндрей> С<оболь>

Выеду 1—2 мая.²

1. Из приписки Р. Бахмутской на письме, которое Соболев в тот же день отправил своему знакомому, С. Симановичу, становится понятным, что в Крыму они были вместе.

2. Соболев действительно выехал из Севастополя 2 мая: этим днем датировано его письмо Р. Бахмутской, которая осталась после его отъезда в Мисхоре. В Москву он прибыл 7 мая, отправив ей в тот же день письмо (частный архив). До назначения помощником комиссара 12-й армии (см. след. письмо) он находился в Москве — учился в 4-й Школе прапорщиков, посещал заседания *Среды*, см., например, в письме А. Серафимовича А. Кипену от 8 июня 1917 г.: «На *Средах* утвердилась молодежь — Окулов, Лидин, Соболев» (А. С. Серафимович. *Собрание сочинений: в 7-ми томах*. М.: Гослитиздат, 1960, т. 7, с. 521).

№ 23

Действующая армия.
30 сентября, 1917

Здравствуйте, милый.

Давно уже хотел написать Вам, но все время был в разъездах. Вот только сегодня и завтра посижу на одном месте, а потом опять по-старому.

Что сказать, милый? Работы много, работа живая, настоящая, но все это капля в море, но все это почти ни к чему — и это сознание хуже всего.

Вот ползет лавина — и какая сила может остановить ее? — нет такой, и я не вижу ее.

Правда, из этого не следует, что надо складывать руки — вот и не складываем — но это последние попытки.

Я не склонен к паническим страхам, хочется верить, но действительность безотраднa.

Вижу и слышу уйму — и такая жуткая картина вырисовывается, что хоть плачь или беги в Монрепо¹ и прячься там за тяжелыми ставнями.

Но нельзя — так будем сидеть и пытаться что-либо сделать.

Все равно: так или иначе, но ведь нельзя проходить мимо, а если не мимо — то уж в гущу. Знаю: конец будет плохой для всех.

Грустно, милый.

Долго, долго не придется быть в Москве. Писать не могу, хотя матерьялу бездна. Не могу, ибо все слова мертвые в сравнении с тем, что есть.

Вы мне черкните, милый, — буду очень рад.

Как Ваша служба? Как наш сборник? Мои брошюры?

Увидите Сашу,² Соболева, Новикова, Ашукина, Белоусова — (совсем по-солдатски: кланяюсь еще...) привет им.

Обнимаю Вас. Будьте здоровы, милый. Из тяжелого дивизиона, не забывайте меня.

Ваш Андрей

Адрес: Штаб 12-ой армии

Помощник военного комиссара XII армии Ю. М. Сობоль

1. Монрепо — парк на скальных берегах Выборгского залива.

2. Возможно, имеется в виду писатель Александр Степанович Яковлев (наст. фам. Трифонов-Яковлев; 1886—1953). См. мемуарный очерк Лидина Александр Яковлев в его кн.: Вл. Лидин. *Люди и встречи*. Московский рабочий, 1965, с. 69—75.

№ 24

12 октября <1917>

Милый, здравствуйте, давно уже, давно не беседовал с Вами. Но уж образ жизни таков, что нет никакой возможности писать.

Вот только сегодня, вернувшись в более «оседлое» место, могу немного поболтать с Вами.

Трудно живется, милый. Трудно не из-за недостатка тех или иных удобств, а из-за того, что видишь и слышишь, с чем приходится сталкиваться.

Сейчас едва сижу. 6 дней последних провел так и за такой работой, что навеки запомню ее. Это был экзамен как для меня, человека, так и работы моей. Выдержал, но на душе глухо и темно.

Хоть бы краем души поверить, что наступают хорошие дни.

Милый, Вы не забывайте меня, я рад буду, если черкнете.

Поделитесь со мной литературными новостями, хочется знать, как вы все живете, работаете. Что с нашим сборником. Вышел он? Нравится?

Для газет ни одной строчки не написал и навряд ли напишу. Не могу.¹

До свиданья, милый. Черкните поскорее.

Городецким всем мой горячий привет.

Обнимаю Вас.

Пишите.

Привет Ивану Алексеичу <Новикову>.

Ваш А<ндрей>

Адр<ес>: Штаб 12-ой армии

Помощ<ник> комиссара XII <армии> Ю. М. Соболев

1. Это не так: Соболев писал в это время для газет, в основном эсеровских, рассказывая о драматических обстоятельствах повседневной жизни, с которыми сталкивался человек, о том, что революция не преодолела косность сознания, о развале армии и пр.; вот только некоторые из его очерков и фельетонов: «Большевицкое наследство» (Воля народа, 1917, № 81, 2 августа, с. 1), «Все по-старому» (Воля народа, 1917, № 129, 27 сентября, с. 2), «Письма с фронта» (Воля народа, 1917, № 147, 18 октября, с. 2), «Ко всем» (Воля народа, 1917, № 172, 14 ноября, с. 1).

№ 25

Валк, 14-го <октября 1917>

Милый, здравствуйте. Вчера приехал сюда после долгого отсутствия. Ну и дни же были. Только вот теперь, впервые настоящему умывшись за все эти дни и выспавшись, наконец,

почти на настоящей постели, я чувствую, как я устал и какие невкусные дни были.

Не могу я сейчас, милый, подробно рассказывать, как и что было — об этом когда-нибудь в другой раз, а если короче — Вам расскажет Рика, но одно скажу: тяжелое было дело, одно из тех, после которого в душе остается мучительная боль. Я его, как принято выражаться, выиграл, но, Боже, сколько это мне стоило, а главное, ведь суть не во мне и не в моей боли, во что это обошлось России. Это не фраза, милый. Ведь на малейший неверный шаг здесь — у Вас отзывается вдвое и наоборот.

Тяжелые дни идут. А тут еще распутица. Едешь на автомобиле — он идет к черту. Едешь верхом — лошадь через час годится к черту.

Народу перевидал за эти дни уйму. Сцены видел незабываемые. Говорить пришлось — так составило бы 1 том. Не забуду, как я говорил перед полком улан. Сотни лиц — и хочется мучительно узнать: пойдут за тобой или не пойдут. И какие темные ночи были — какие жуткие, когда взрослые люди нервничали, как питерские барышни. Как быстро теряются люди. Все равно кто — даже из власть имущих, даже с широкими погонами. Завтра я опять в дорогу. Надолго ли? — не знаю, но знаю одно: к горю нашему то, что было в эти дни, неминуемо будет завтра в другом месте. Но держу себя в руках.

Милый, не забывайте меня, сообщайте литер<атурные> новости, о себе пишите.

Привет всем. Когда увидимся — будет, о чем поговорить. Где я был — я еще вернусь к окончанию суда над зачинщиками. Не хотелось бы, но надо. Дождь льет, не переставая. Опять буду мокнуть и сидеть на полу, не зная, что такое подушка. Ну, ладно. Так значит надо. Все это пустяки, лишь бы знать, что будет и светло в этих гиблых местах. Целую крепко. Не забывайте меня.

А<ндрей>

7-го ноября <1917>

Милые мои Владимир Герм<анович> и Мович!

Бог знает, дойдет ли даже это мое письмецо, но хочется черкнуть Вам накануне своего отъезда, накануне нового дальнего плавания, хочется разок поговорить с вами.

Пищу и даже не знаю, живы ли вы оба. Какие страшные минуты переживал, когда стали приходиться вести о событиях в Москве. А когда услышал об обстреле Кремля, о пожарах на Никитской, о том, как изуродовали Москву — потемнело в глазах.

И никогда еще так остро не чувствовал, что Россия — это *мое*, как в те минуты, когда слушал о том, что делали люди, на что они руку поднимали.

Ну, не буду об этом сейчас.

А на душе так тревожно за вас всех, близких, живущих в Москве, и куда-то далеко уходит все то, что было пережито тут, переживаемо сейчас, и все то, что ждет впереди.

Но — чтоб там не было — нельзя унывать, нельзя складывать руки и надо делать то, во что веришь и что считаешь необходимым, как воздух, иначе надо выбрать осину покрепче и повеситься. Не знаю, куда заведет меня мое плавание: в тихую гавань вроде той, что была в старые годы и описанная мною в знаменитом труде, прочитанном на *Среде*, или в бурную, или даже в такую гавань, где несть эллина и иудея и где все равны перед лицом Господа Бога, но знаю, что плыть надо, не плыть нельзя — и, значит, трави чалку и пльви, André!

Пожелайте мне счастливого пути, милые мои друзья.

Хоть бы одним глазком взглянуть на Москву, хоть бы пять минут повидать всех вас, кто близок и о ком очень душа болит, но — отставить!

Ладно. Зато я верю, что встреча будет, и при встрече станет легче.

Воображаю, как вы оба себя вкусно чувствуете — бедные мои — всю эту гнусную пальбу слушать своими ушами и своими глазами видеть, как горит Москва.

Милые, самое страшное во всем, что окончательно и безвозвратно пришел его величество Хам и тяжелыми сапогами придавил все, плюнув на все.

Мне было тут безумно трудно. Были часы, когда хотелось бежать без оглядки, но я пересилил себя — и все, что мы могли сделать, будучи связанные по рукам и ногам, мы сделали.

А сейчас, когда все позади и все впереди, я по-прежнему хочу верить и верю, что надо, надо жить и работать.

Были тут такие минуты, когда уже ум отказывался служить и когда казалось, что ночь уже безвозвратно и окончательно упала на все — на нас, на Россию.

Четыре дня мы были отрезаны от всего живого. Можете, и опять легко <представить>, что тут творилось!

А сейчас тут развал, разброд. Полный. Чем он грозит — легко понять.

Ну, кончаю. Меня ждут, а мне еще надо вещи свои связать и отправить.

Обнимаю вас крепко.

Горячий привет Соболеву и Городецким. Как хотелось бы знать, где вы все и что со всеми вами.

Будьте здоровы, милые.

Ваш Андрей

Мович милый, если не трудно, от поры до времени позванивайте Рахили Сауловне и не давайте ей унывать, говорите, что все не страшно, что Вы, мол, знаете, что все образуется и т. д. и т. п. Ладно?

Харьков, 25 января 1919 года

Володя милый, здравствуй! Не удивляешься, что пишу тебе из Харькова? Я сам удивлен. Никогда не думал, что придется тут жить. А вот пришлось засесть — и как еще крепко. Приехал я сюда ровным счетом на один день, чтоб взять отсюда жену и мальчика — и застрял. Не вкусно. До смерти хочется в Москву — но как поедешь: я не один, мальчика в такую пору взять нельзя. И вот сижу тут. Тоска смертная. Хочу засесть за работу — ведь со дня моего и Ильи¹ отъезда ни одной строчки не написал,² кроме газетных — но не знаю, удастся ли, смогу ли, ибо не только будущее темно, но и настоящее. Здесь совершенно негде писать. Был какой-то журнальчик, да и тот прекратился.³ Словом, положение аховое. Счастье, хоть, что перед отъездом я получил некоторую сумму за пьесу⁴ и ликвидационные от одной газеты за 2 месяца — этим я продержусь недель 5, а что потом — ей богу, не знаю. Вот, видишь, Володенька, в какую историю я попал: застрял в Харькове — курам на смех.

Все время не писал тебе по очень простой причине. Вот представилась первая возможность — и пишу. Полагаю, что ты в долгу не останешься и отзовешься. Не правда ли? Очень хочется знать, что с тобой, что поделяваешь.

Скажи: пишешь ты, написал что-либо новенькое? Как живешь? Ничего не знаю обо всех остальных. Где Мович, Иван Алексеевич Новиков? Если в Москве — передай им привет.

Поделись со мной литературными новостями, если таковые имеются. Я ведь ни черта не знаю. Тут мне говорили, будто сборники вышли новые, книги. Правда? Какие? Ты не ленись, Велвеле, черкни мне. Если б ты знал, как хочется в Москву.

А что у тебя? Что ты делаешь? Саша <Яковлев?>, Алексей <Окулов>, Илья⁵ — всех их я оставил там. Там же и Левушка,⁶ — здесь гремит Вл. Королевич.⁷ В каком-то кафэ вроде

Музыкаль<ной> Табак<ерки>.8 Заправины: Бурнакин⁹ и... Туркель<тауб>.10 Мать их!

Где Миша?¹¹ Ему и Юрочке <Соболеву> я напишу завтра.

Пишу тебе по старому адресу, хотя бог знает один, где ты теперь живешь. Знаешь — худо живется на свете тем, у кого кожа не дубленая. Ну, будь здоров. Обнимаю. Если ты еще не обнегодился — то ответь мне скоренько. Обязательно сообщи о Новикове и о Городецких: хочется знать, что с ними со всеми.

Жму руку — и жду письма, только не ленись и ответь скоренько.

Твой Андрей

Адр<ес>: Бассейная ул. д № 11 кв. Горского, мне

1. И. Г. Эренбурга. Эренбург в мемуарах *Люди, годы жизнь* относил свое знакомство с Сободем, судя по всему, к 1912 или 1913 г.: по его словам, оно произошло в «итальянской деревушке Кави ди Лаванья, где почему-то обособились, вернее бедствовали, русские эмигранты» (И. Г. Эренбург. *Собрание сочинений: в 8-ми томах*, т. 7. М.: Художественная литература, 2000, с. 63), ср. отнесение этого знакомства к более позднему сроку — к 1917 г.: Вячеслав Попов, Борис Фрезинский. *Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников)*, т. 1: 1891—1923. СПб.: Лина, 1993, с. 136).

2. Соболев и Эренбург покинули Москву в сентябре 1918 г. и бежали в Киев. Из города Середина-Буда (Сумская губерния) Соболев писал Р. С. Бахмутской 19 сентября в Москву (частный архив):

Четверг. Ричик, часа через два едем дальше. Едем à la Рокамболь. Потом тебе расскажу. Илья млеет от жары и от любви к той рыжей, которая была в окне, а еще утверждает, что он когда-то бежал от Цукермана. Ричик, ты не беспокойся, все обстоит благополучно, главное — с сюрпризами!

Целую глаза твои. Всего тебе светлого, родная. Привет друзьям и всем твоим.

Андрей

<Приписка Эренбурга> Андрей — Д<он> Жуан с рыжими, сплошная непристойность. Клянусь Вам: Цыганский Барон — скромная автобиография. Привет.

Через два дня, 21 сентября, Соболев писал ей же (там же):

Девочка милая! Хотя устал безмерно, все же пользуюсь случаем черкнуть тебе. Если б ты знала, какие мытарства и мучения были. Ты даже предста-

вить себе не можешь. Я умоляю тебя, ни в коем случае не ехать этим путем, во-вторых, не запасавшись <sic> укр<аинским> паспортом, не смей и двинуться, и ни в коем случае одна, без спутников, иначе ты просто не выдержишь. Все, что рассказывали о легкости — ерунда. Легко было только до Зернова, а там началось. В Зернове мы валялись 2 дня, здесь уже третий. Илья сегодня утром уехал: ему удалось достать пропуск на основании метрики, а меня отставили. Сегодня решил двинуться пешком — 30 верст, хотя бои идут. Но тут, как всегда, помог счастливый случай, о котором тебе расскажет податель сего письма — и я завтра еду, но все еще не уверен. Обо всем, что пришлось пережить, перенести — не могу сейчас написать — в другой раз. Скажу тебе только коротко: жутко. Какие сценки! Тут я встретился с д<окто>ром Майзель, с Аркадием. До сих пор не могу забыть, как на станции Аркадия сбил с ног немецкий солдат! (Только никому об этом не рассказывай.) Словом, перенесли много. Илья совершенно не приспособлен к таким передрыгам. Он уже на второй день скис, свалился с ног и т. п. Если благополучно приеду в Киев — оттуда дам тебе немедленно знать. Еще раз умоляю тебя не ехать без укр<аинского> паспорта, без бумаг и без спутников. Целую глаза твои милые. Помнишь, ты считала дорож<ные> расх<оды> до Киева в 300 руб<лей>, а у меня уже ушло свыше 400, и я в Киев приеду с 10 рублями, но это не важно. До сл<едующего> письма, светлая. Храни тебя Бог. Целую Марочку.

Подателю сего письма окажи услугу, о которой он тебя попросит: он мне тоже оказал.

Андрей

3. Речь идет о журнале *Парус*, в № 1 (и единственном) за 1919 г. Соболев напечатал (точнее, перепечатал) свой рассказ *Мои сумасшедшие* (с. 7–9), который впервые появился в *Еврейской неделе* (1915, № 13, 16 августа, стлб. 41–45); по всей видимости, чтобы скрыть факт перепечатки, он приписал дату и место написания: *Киев, 11 января 1919 г.* В том же *Парусе* имелось следующее объявление (с. 12): «Киевское издательство *Летопись* выпускает в свет вторую книгу рассказов Андрея Соболя — *Люди прохожие* и стихи И. Эренбурга — *Смертный час* (2-ое издание *Молитва о России*); издание книги Соболя осуществлено не было.

4. Установить, какой театр приобрел у Соболя и какую пьесу, не удалось.

5. Соболев, несомненно, говорит об И. Эренбурге, хотя его фразу можно понять так, будто тот остался в Москве; Эренбург находился в это время в Киеве.

6. Возможно, Л. Н. Зилов, см. прим. 9 к п. № 2.

7. Владимир Королевич (наст. фам. Владимир Владимирович Королев; 1894–1969), поэт, прозаик, драматург, театральный режиссер.

8. *Музыкальная Табакерка* — московское артистическое кафе.

9. Анатолий Андреевич Бурнакин (?–1932), литературный критик, поэт, прозаик; сотрудник *Нового времени* (1910–17). В годы Гражданской войны ре-

дактировал в Севастополе монархическую газету *Вечернее слово*. В начале 20-х гг. эмигрировал, жил сначала в Константинополе, затем в Белграде.

10. Исаак Самойлович Туркельтауб (1890—1938), театральный деятель.

11. По всей видимости, Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. Ильин; 1878—1942), прозаик, журналист, эссеист; один из ближайших друзей Соболя по Москве пореволюционного времени.

№ 28

Харьков, 16 II 1919

Милый, я очень обрадовался твоему письму. И еще сильнее потянуло в Москву. Рассудок говорит «не надо», а душа тает и просится: в Москву, в Москву. Хорошо, что ты отозвался, вот протянулась нить — и как-то легче. А тут мрачно, милый. Вчера погода резко изменилась — и сегодня уже пахнет теплой землей и в канавках шумно — и в ногах знакомая дрожь: бежать бы! Не могу сидеть на одном месте. И прежде всего хочу в Москву, а потом дальше. О литературной жизни местной и говорить нечего. Я уже писал тебе, кто тут и чем и как они себя проявляют. Я тут как белая ворона. Почти нигде не бываю, да и негде. Решил однажды, засел за работу, а потом как-то вечером подумал: а где печатать? И махнул рукой и уж не подходил к столу.

Дела финансовые плохи. Скоро деньги придут к концу, а что потом — не знаю.

Вот видишь, какие дела, Велвеле! Очень я заинтересовался вашим писательским Союзом и, читая письмо твое, негодовал, почему ты скупо пишешь о нем.¹

Видел я в витрине сборник *Огни*, где Мович, Новиков, Чулков etc.² Почему ты там отсутствуешь? Все собираюсь купить, но экономить надо. Теперь сообрази: я и экономия. Картина, правда?

От Ильи <Эренбурга> ни слуху, ни духу. Вчера я отправил ему письмоцо. Он, поди, воображает, что я давным-давно

в Коктебеле (так было условлено, и туда я направлялся) — так сообщаю ему, что если *да*, так-таки *нет*. Ему, по всей вероятности, теперь очень туго в Киеве. Перед моим отъездом он продал там одному издательству книжку стихов, в день отъезда должна была выйти, а теперь сомневаюсь чтоб.³

А знаешь, во времена *оно* Илью и меня повез один еврей — импресарио — по городам Украины. Намечено было 10 городов, но успели побывать только в двух, как Илью вызвали: у него мать умирала.⁴ «Мандрівка» была изумительная.⁵

В Бердичеве за мной и за Ильей бегали толпы. Так как в Киеве я маленько обтрепался — то приобрел я костюм типа швейцарско-тирольско-спортсменско-английского. Так вот в один прекрасный день на улице Бердичева появился: я в этом наряде и Илья. Можешь себе представить, что поднялось!⁶

Илья написал новую вещь — мистерию, весьма значительную.⁷

Слушай, а какая это *Сирена* завлекла тебя?⁸ Если сможешь — пришли мне, любопытно поглядеть.

Ты вот пишешь: «Никто не пишет, все служат». А я и не пишу и не служу.

Знаешь, доктор, ума не приложу, что делать: ведь плохо, и надежд никаких. А вторую половину пышной формулы принять не могу.

Да, чуть не забыл. Здесь с 1-го марта (нов<ого> ст<иля>) начнет выходить двухнедель<ный> журнал левых с.-р., посвящен<ый> литерат<уре>, искусству и т. д. Там во главе хорошие мои друзья, им нужна беллетристика до зарезу. Плата — 1 рубль за строку, можно до $\frac{3}{4}$ листа. И вот секретарь сего журнала попросил меня, зная, что я в дружеских отношениях с тобой и с Ив<аном> Алекс<еевичем Новиковым>, дать вам обоим об этом знать и предложить вам прислать кое-что.

Не знаю, каково будет твое и Ив<ана> Алекс<еевича> мнение по этому поводу, но просьбу исполняю. Адрес для присылки рукописи: Пушкинская, 31, редакция газ<еты> *Борьба для Нового Пути*.⁹ Гонорар уплачивается немедленно.

Я абсолютно не в курсе, какова точка зрения всех вас на предмет участия в тех или иных изданиях, но, судя по оглавлению *Сирены* — у многих благожелательная, да еще по московским газетам судя, — тем более. Так что, возможно, что и ты и Ив<ан> Алекс<еевич> согласитесь. Если тебя интересует мой взгляд — так вот: я от участия в этом издании отказался.

Не скрою, я сейчас переживаю большой перелом большого душевного склада. Не знаю, куда он меня приведет, но пока я себе сам не ответил на все то, что мучает меня безмерно — до сих пор я совершенно отказался и отказываюсь, как это ни тяжело, от всего и всех. Если ты не поленишься и поделисься со мной своими предположениями, мнениями и реальными иллюстрациями — буду очень рад.

Ты не забывай меня, Володенька. От твоих писем Москвой пахнет, а этот запах мне весьма приятен. Передавай мой горячий привет Ивану Алексеичу. Что он подделывает, как живет?

И еще одно: мне нужен адрес Юргиса,¹⁰ сообщки, только не забудь.

Увидишь приятелей, друзей — кланяйся, — многие, черти, могли бы отозваться, хотя бы Миша, Юрочка, Мович.

Ну, целую тебя. А ты все еще розовый?¹¹ И все еще возишь с «мухерес»?¹²

Велвел, если вышли какие-нибудь новые книги — пришли, деньги верну. Помни, что я изнываю: нет книг, нет людей.

Рика <Бахмутская> кланяется тебя <sic>.

Обнимаю

Твой Андрей

Володя, секретарь *Нов<ого> Пути* просит в случае твоего или Ив<ана> Ал<ексеевича> согласия направить рукописи по моему адресу.

1. Речь идет о Московском профессиональном союзе писателей, возникшем в 1918 г. (или в самом начале 1919 г.) и со временем превратившемся во Всероссийский профессиональный союз писателей с московским и петроградским отделениями (списки того и другого см.: С. И. Субботин, „О состав-

ве Московского профессионального союза писателей (1919) и Всероссийского профессионального союза писателей (1920)“, *Новое литературное обозрение*, 1995, № 11, с. 185—194; имя Соболя появляется во втором из этих списков), одним из секретарей которого (с 1922 г.) становится Соболев. Бежавший от большевиков и на какое-то время осевший в Кишиневе П. П. Потемкин писал в фельетоне *Братья-писатели в Совдепии*, опубликованном в местной газете *Наше слово* (1921, 13 и 16 апреля):

Существует в Москве профессиональный союз писателей. Во главе стоят Балтрушайтис, Осоргин, Зайцев Борис и Владимир Лидин. Союз этот вырабатывает нормы оплаты труда, полистную плату, построчную плату, но получают писатели не по этим нормам (цит. по: Роман Тименчик, „Белое пятно в биографии Петра Потемкина“, *Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies*, 2011, vol. 17, no 1, с. 5).

2. В литературном альманахе *Огни* (М., 1918) приняли участие следующие авторы: В. Брюсов, сонет *Наряд весны* (с. 3); Г. Чулков, рассказ *Возлюбленный Луизы Жели* (с. 4—11), Вяч. Иванов, ст-е *Монастырь* (с. 12—3); М. Росляков, *Повесть о Пшеничникове* (с. 14—35); И. Эренбург, ст-е *Еще о себе* (с. 36—7); И. Магусевич, повесть *Затишье* (с. 38—101); Л. Никулин, ст-е *Страдиварий* (с. 102—03); Н. Бромлей, рассказ *Встреча в парке* (с. 104—13); И. Новиков, рассказ *Вор* (с. 114—25); Ю. Айхенвальд, статья *Писатель и читатель* (с. 126—32); Б. Кремнев <Г. Чулков>, статья *Достоевский и судьба России* (с. 133—48).

3. Соболев имеет в виду сборник стихов Эренбурга *В смертный час*, который вышел в киевском издательстве *Летопиць* в декабре 1918 г.

4. Мать Эренбурга Анна Борисовна (Хана Берковна) (урожд. Аринштейн; 1857—1918) умерла в Полтаве 13 октября; Эренбург был вызван из Киева телеграммой, но на похороны ее не успел.

5. Мандрівка — поездка, путешествие (*укр.*).

6. В начале октября 1918 г. Соболев и Эренбург отправились с антрепренером «на заработки» по украинским городам, и в частности, в Бердичев, см. письмо Эренбурга поэтессам В. А. Меркурьевой и, вероятно, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, написанное 2 октября 1918 г. из Киева: «Дорогие мои, сижу в Киеве. На днях, вероятно, еду с антрепренером в Бердичев!!! и прочие самостоятельные города читать стихи, б<ыть> м<ожет>, заработаю что-либо, а то с копейками плохо» (И. Г. Эренбург. *Письма <в 2-х томах>*, т. 1: 1908—1930: «Дай оглянуться...» / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004, с. 90). Ср. в автобиографии Соболева:

Ради хлебных злаков поездка по городам Украины: И. Эренбург читает стихи, я — рассказы. В Бердичеве в первом ряду поп (на афише *Молитва о России* <цикл стихов Эренбурга>), в Белой Церкви девушки у кассы спрашивают: «<А> танцы будут?» (Новая русская книга (Берлин), 1922, № 6, с. 39).

7. Имеется в виду мистерия *Золотое сердце*, опубликованная в кн.: И. Эренбург. *Золотое сердце, мистерия. Ветер, трагедия*. Берлин: Геликон, 1922.

8. Речь идет о воронежском двухнедельнике *Сирена* (1918—19), в котором печатался Лидин, см. его рассказ *Звезда* (1918, № 2/3, 30 декабря, стлб. 31—8).

9. Этот проект, судя по всему, не осуществился, и такой журнал в Харькове не издавался.

10. Поэт, переводчик, театральный деятель и дипломат Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944). Соболев был с ним в приятельских отношениях и несколько лет спустя, когда Ю. Балтрушайтис стал (с 1922 г.) чрезвычайным и полномочным послом Литвы в советской России, помогал своим близким знакомым Фаивушам добыть через него визу, см. об этом его письмо Б. Фаивуш от 31 января 1925 (ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. 1972.46, РЛ-72/48).

11. Ср. в мемуарах И. Эренбурга *Люди, годы, жизнь*: «На Тверском помещалось кафе *Бом* с красными бархатными диванами; там подавали кофе и пирожные. Туда приходили писатели. Там я познакомился с В. Г. Лидиным; он был розовым и очень опрятным <...>» (И. Г. Эренбург. *Собрание сочинений: в 8 томах*, т. 7. М.: Художественная литература, 2000, с. 11); см. также п. № 12.

12. Вероятно, от *mujeres* (исп.) — женщины.

№ 29

8-го апреля <1919>

Володенька, я греюсь под солнцем. Понимаешь? Ведь этим все сказано. Тротуары сухие, на деревьях почки, а печенка ликует. Но все же очень, очень устал. Миша тут, вчера обедал у меня. Сидели, вспоминали те битвы, где мы вместе рубились, и ты тоже, и где я в последний раз остался с носом. Вышел 2 № *Камены* с интересной статьей Волошина об Илье.¹ Так как я не похож на других и между прочим не зовут меня Володей — то № сей будет тебе в скором времени выслан.

Ты помни свое обещание: ты обещал держать меня в курсе переговоров Кооператива с нашим Союзом, и как только все выяснится — ты мне обязательно напишешь, правда?² Так как дела худы — то я весьма заинтересован. И если тебе дорога моя жизнь и ты не хочешь конца моего — то старайся, помогай, будь моей опорой в превратной судьбе. Правда, милый,

не забывай, что мне очень трудно приходится. И вообще не забывай.

Целую тебя

Андрей
Бассейная 11, кв. Горского

1. Имеется в виду статья М. Волошина *Поэзия и революция: (Александр Блок и Илья Эренбург)* (Камена (Харьков), 1919, кн. 2, с. 10—28).

2. О кооперативной Лавке писателей см. прим. 5 к п. № 31.

№ 30

20-го апреля 1919 г.

Ты — милостивый государь! Знаешь, как я жду твоего письма, как я сугубо заинтересован в деле объединения литературы и кооперации — и хоть бы слово мне черкнул.

Что с тобой? Жив ты? Умер?

Володя, серьезно, не ленись — и черкни мне. У нас весна. И какая — стремительная! Уже много зелени, сухо, солнечно. На улицах много хорошеньких, не мало франтов. Тебя бы сюда! Вчера получил письмецо от Григория Борисовича, очень рад был.

Ты отзовись, благо марок не надо. Миша тут, встречаемся часто. Ему *очень* плохо.

Привет Мовичу, я ему написал, но, кажется, что-то в адресе напутал. Велвеле, не будь саботажником и черкни мне, ибо дела мои аховые!! Просвета нет!!!

Целую. Жду письма.

Твой Андрей

Харьков, 18 июня <1919>

В первых строках своего письма, дорогой мой сын, объявляю тебе, что я жив и здоров и благополучно прибыл в дом свой.¹

Слушай, ты только не вздумай сердиться на меня. Вельвеле, я сразу поднял якорь, ибо Миша узнал только часа за два до прихода поезда, что для меня есть место в вагоне — звонил тебе, но ты уже был вне досягаемости, а когда ехал на вокзал — встретил Абрама Марковича,² и он мне сказал, что идет к Чеботаревской.³ Позавидовал, вспомнил, что там будет на столе — и поехал дальше.

Теперь-то я вижу, что порол горячку напрасно, но меня смутили московские-я «шлюхи».⁴ Верь после этого «честным» женщинам.

А теперь слушай! Обязательно проведи меня в пайщики *Издатель<ства> писателей*.⁵ Хоть раз исполни свое обещание — тогда я тебе прощу все 2501 твоих предыдущих обещаний. Потом — я написал Михаилу Андреевичу,⁶ что в случае того или иного замедления с *Задругой*⁷ — книгу он должен передать тебе.⁸ Там 10 печ<атных> листов, но я оставляю за собой право прибавить еще одну повесть в 2 листа, к<ото>рую я все-таки надеюсь закончить. Ради всех святых отцов держи меня в курсе всех литературных событий. Ты ведь мальчик добрый, когда хочешь, а потому не забывай меня. Особенно интересует, выйдет ли сбор<ник> *Слово*, готовятся ли издать — тогда я бы с утроенной энергией засел за повесть, чтоб обессмертить себя в памяти благодарных и благородных потомков.⁹ Передай Эфросу привет. Он меня на ходу ругнул — и напрасно. Я его весьма уважаю и отношусь к нему столь же нежно, но я был занят сценарием, добыванием денег и пр. Итак, Зисель, ты пиши мне, не забывай меня, не трогай подростков малолетних — и делись со мной всем, кроме тр<иппе>ра. Ладно?

Серьезно прими во внимание, что я обязательно буду писать, работать, если будет хоть малейшая надежда на выход журнала Миролюбова¹⁰ или сборника.

Обнимаю тебя.

Твой Андрей

1. Переживая в это время любовное увлечение жившей в Петрограде Л. Левентон-Нахимсон, Соболев, несмотря на нешуточные опасности, пробрался в Москву, рассчитывая, что она приедет к нему или он к ней. Ни тот, ни другой вариант не осуществился, и Соболев вновь вернулся в Харьков, где находились жена и сын.

2. Абрам Маркович Эфрос (1888—1954), литературный и художественный критик, искусствовед, переводчик; член правления Всероссийского Союза Писателей; один из ближайших друзей Соболева.

3. Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925), прозаик, поэтесса, переводчица, лит. критик; сестра Анастасии Н. Чеботаревской, свояченица Ф. Сологуба (проживала по адресу: Zubovskaya ul., 5, kv. 8); утопилась в Москве-реке.

4. Соболев играет словом «слухи».

5. В сентябре 1918 в Москве открылась Лавка писателей (Леонтьевский пер., 4), созданная по инициативе П. Муратова, М. Осоргина, Б. Зайцева, В. Ходасевича, Б. Грифцова, Н. Минаева и др., в которой продавались рукописные книги, см. о ней в мемуарах Б. Зайцева *Москва* (1939); многократно писал о ней М. Осоргин: «Книжная лавка писателей», *Новая русская книга*, 1923, № 3—4, с. 38—40 (ср.: Наше наследие, 1989, № 6, с. 124—31), «Рукописные книги Московской лавки писателей 1919—1921», *Временник Общества друзей русской книги*, 3. Париж, 1932 (среди рукописных книг, которые приводит Осоргин, имелись две книги Соболева: Альбинос. Окт<ябрь> 1920. Посвящено М. А. Осоргину. Разм. Около 10 x 8. 2 одинаковых экз<емпляра> проданы до описания; Полярная звезда. Сент<ябрь> 1920. В синей обложке. 8 и 12 стр. Разм<ер> около 15 x 10. Ц<ена> 1500 р. 4 одинаковых экз<емпляра> проданы до описания, с. 58), см. также его мемуары *Как мы торговали* (Последние новости, 1934, № 4652, 17 декабря) и упоминание Лавки в романе *Сивцев вражек* (1928); из живых свидетелей см. еще: Nikolai Berdyaev. *Dream and Reality: An Essay in Autobiography*. London: Geoffrey Bles, 1950, p. 232; см. также: Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин, «Книжная Лавка писателей и автографические издания 1919—1922 гг.», *Ново-Басманная*, 19. М.: Художественная литература, 1990, с. 84—130. Годы спустя, Лидин вспоминал о Лавке:

Маленькая комнатка позади книжной лавки *Содружество писателей* служила и складом и своего рода писательским клубом: я помню за овальным

столом и писателей старшего поколения — Андрея Белого или Федора Со-логуба, и скромных, еще неизвестных в ту пору А. С. Неверова и Ф. В. Гладко-ва, и смуглого, несколько восточного облика, поэта Константина Липскеро-ва, и красивого с пасторским лицом писателя Георгия Чулкова, и совсем простодушного, когда он появлялся один, Сергея Есенина, и вечно торопя-щегося куда-то, всегда всюду запаздывавшего Андрея Соболя... (Вл. Лидин. *Друзья мои — книги: Заметки книголюбца*. Москва: Искусство, 1962. С. 13).

6. Осоргину.

7. *Задруга* — «кооперативное товарищество издательского и печатного дела» народническо-эсеровского направления, созданное по инициативе С. П. Мельгунова (Москва, 1911—22); в Москве контора помещалась по ад-ресу: Малая Никитская, 29, в Петрограде — Гончарная, 24. В статье о *Задру-ге*, помещенной в словаре М. Шрубы *Литературные объединения Моск-вы и Петербурга 1890—1917 годов* (М.: Новое литературное обозрение, 2004, с. 54—55), имя Соболя не названо, однако в его бумагах сохранилось при-сланное ему 10 января 1922 г. приглашение на Чрезвычайное общее собра-ние ее членов, посвященное памяти В. Г. Короленко (ИРЛИ. Р III. Оп. 1. № 1298).

8. По всей видимости, речь идет о книге *Люди прохожие*, которую Со-боль безуспешно пытался издать, начиная с 1917 г., см. прим. 6 к п. № 12 и прим. 3 к п. № 27.

9. В альманахе *Слово*, который увидел свет только в 1922 г., был напечатан отрывок (1-я глава) из повести Соболя *Салон-вагон — Вагон № 23* (с. 8—10).

10. Виктор Сергеевич Миролубов (1860—1939), издатель, певец, обще-ственный деятель. В 1898—1906 гг. издавал *Журнал для всех*; позднее был привлечен Горьким редактировать сборники издательства *Знание*; вместе с А. В. Амфитеатовым редактировал журнал *Современник*; в 1912—13 гг. возглавлял литературный отдел журнала *Заветы* — именно через его по-средство Сობоль опубликовал в этом журнале рассказ *Ростом не вышел* (1914, № 5). В данном случае Сობоль ведет речь о *Ежемесячном журнале ли-тературы, науки и общественной жизни*, издававшемся с 1914 г. до больше-вистского переворота и, разумеется, более не возродившемся.

№ 32

Одесса, 29 ноября <1919>

Здравствуй, Велвеле. В первых строках моего письма сооб-щаю тебе, что я жив и благополучно добрался до мамы-Одес-сы. Некоторое время прожил в Киеве.¹ Здесь пробуду месяца

полтора, а затем думаю двинуться в Крым.² Буду очень рад, если ты черкнешь мне. Черкни, милый, только доставишь мне большое удовольствие. Живу — ах, да разве знаю, как я живу. Да вообще — теперь о таких вещах не говорят. Не думают, не пишут, ибо бамбуковое существование. Много занятого видел по пути. Читал недавно доклад: итоги и пр<очее>. Сам удивился, как безотрадны они. Пока еще не мерзну, ибо на дворе 2 градуса тепла. Еще осенью пахнет, но зато без света сижу. А как твои дела? Где устроился?

Был у моего приятеля? Образ жизни веду почти приличный: чужим мужьям мало неприятностей приношу. Не до того, да и неохота. Читаю много. Много по городу брожу. Дни уходят — ну, и ладно. Живу в надежде на весну: авось весной засяду за писание. Тем уйма, но не могу сейчас засесть.

Тебя крепко обнимаю. Не ленись — и ответь по получении, тогда твое письмо меня еще застанет здесь.

Будь здоров, мойся ежедневно и не трогай чужих невест.

Твой Андрей

Адр<ес>: Дерibasовская 10, кв. 28.

1. Литературный след, который Соболев оставил в Киеве, — рассказ *Без неба*, напечатанный в киевском журнале *Жизнь* (1919, № 1, 1—7 сентября, с. 4—7), посвященный теме дореволюционной эмиграции.

2. Соболев до этого уже побывал в Крыму: во второй половине июля 1919 г. он приезжал в Коктебель, откуда написаны его письма А. Б. Дерману (от 31 июля и 22 августа), см.: ОР РГБ, ф. 356, карт. 3, ед. хр. 17; см. также: Вл. Купченко, „Андрей Соболев в Коктебеле“, *Победа* (Феодосия), 1976, № 82 (7697), 27 апреля, с. 2; Его же. *Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1917—1932*. СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007, с. 81—86.

№ 33

Одесса, 19-го янв<аря> 1921

Милый, здравствуй. Очень был рад твоему письму. Ведь я тут, как в собачьей будке ничего не знаю, и такие письма, как

твои, безмерно радуют. Вот все вы зовете меня в Москву. Милый, не гожусь я для Москвы. Конечно, здесь я сижу только потому, что не сижу в Киеве, Харькове или Чебоксарах, но с теперешним моим настроением мне лучше всего там, где нет «разрешающих» вещей вроде издательств, книг, журналов, ибо совсем я плох. Мне очень пакостно, и не вижу я, что скоро излечился. Я ничего не пишу, не могу, хотя башка трещит от тем, но чтоб писать, мне прежде всего нужно бежать из городов. Куда? Да, знаешь, наверное, весной снимусь, но пока я безмерно устал — и никуда не хочу. Спасибо вам всем, что не забыли меня и пришили к *Сев<ерным> Дн<ям>*, но активно участвовать не смогу. Второй том свой я продал *Задруге*, но и оттуда заберу его. Сейчас я книгу *не* выпущу. Второй том будет совсем другим, а этот будет, если только я не подохну где-нибудь в Кобеляках, совсем другим, чем предполагал.

Единственная вещь, к<отор>ую я хотел бы видеть в печати, — это *Бред*. Его два раза у меня покупали тут, но по независящим причинам оба раза не смог появиться. Он у меня исправлен и заново переписан. Если есть в нем надобность, вернее, если *Сев<ерные> Дни* готовятся к выпуску — я могу его прислать с верной оказией. По этому поводу обстоятельно ответить мне.¹

Я тебе рассказывал, что у меня сгорела большая вещь — *Салон-вагон*,² — вот если восстановлю ее — тогда приеду к вам. С пустыми руками не хочу ехать.

Милый, тоскливо очень. И все потому, что я балда, что я хочу быть сильнее фактов. Если б кто-нибудь, хотя бы 100 лет<няя> баба, взял меня за шиворот и увез в деревню, в лес — ох, как бы я стал работать. Ты ведь знаешь, писательник я не самоуверенный, но я чувствую много сил в себе — и, видишь, результат каков: за 1 ½ г<ода> ни одной строки. Чувствую, что мог бы написать вещь настоящую, а не двигаюсь. Меня задавили бакалейщик и прачка.

Родной, я помру раньше тебя, и тебе придется писать обо мне воспоминания — так запомни, что слопали меня вещи и факты. Не забудешь?

Здесь что-то пытаешься делать, но людей нет. Кроме Кипена³ и поэта Шенгели,⁴ никого и ничего нет.

Семен Юшкевич тихо, но верно перебрался в Милан, пишет там беллетр<истические> памфлеты для сцены.⁵ Старый еврей загребнет монету. Бог с ним — я ему не завидую. Кипен потихоньку пишет большую вещь. Об Илье <Эренбурге> я не могу спокойно писать. Еще никто так больно не сделал мне он, как он <sic>. Мович мне пишет, что у него есть для меня письмо от Рах<или> Саул<овны>. И подумай, до сих пор он не переслал мне его, и это в то время, когда я балдею от тревоги за нее и мальчика, в то время, как я все усилия употребляю, чтобы хоть что-нибудь узнать о них. Я во все концы Крыма разослал письма, телеграммы, сюда перебрался главным образом, чтоб быть поближе к ним — а оказывается, Илья видел их — и не мог до сих пор написать мне (он не может не знать, что я в Одессе) — и мало того, даже письмо Рахили Саулов<ны> не переслал. Это ужасно. Я не могу об этом даже спокойно писать.⁶

Кипен уговаривает меня писать совместно пьесу. А вот ты мистерию написал? Молодец. Черкни, как прошло чтение, кто что говорил. Что же вы думаете серьезно двигать работу с *Север<ными> Днями* — дай бог вам удачи.

На ком женился Боря Городец<кий>? Где он сейчас — в Москве? Горячий привет Григорию Бор<исовичу>. Привет всем друзьям. Борису <Зайцеву> скажи, что я всей душой сочувствую Вере Алексеевне и так понимаю ее боль и ее состояние.⁷ Слышал я, что в каком-то московском журнале была твоя статья о литературе. Эх, ты — не догадаешься прислать № — порадуешь.

Вот что, милый. Срок моему членск<ому> билету Союза истек. Новый необходим мне до зарезу. Пожалуйста, внеси за меня причитающуюся сумму (потом при встрече сосчитаюсь), получи и переправь мне заказным письмом. Окажешь мне большую услугу, очень большую. Не забудь только, помни, что по многим причинам мне это необходимо.

Поделись со мной поподробнее вашими планами (*Северные Дни*) — что, когда будете издавать. Все это меня крайне интересует. Не ленись, не скупись, пиши побольше.

Насчет *Бреда*, конечно, ответишь мне, правда?

Был у меня один паренек из Москвы. Говорит, что на выставке Центропеч^{ати} он видел мою *Песнь Песней* (помнишь, ее отдельно года 2 тому назад издала *Универсальная Библиотека*), переизданную теперь. Кем? Не можешь ли ты об этом *узнать*?⁸

А пока всего доброго. Не забывай меня. Илье передай все то, что я пишу тебе о нем.

Пиши. Будь здоров, крепко тебя целую. Как твои «интимные» дела? Все еще портишь девочек и горе приносишь мамашам. Я все время живу чище любого монаха: надоело мне все, хочу только вон из города — и как, как уйти он тоски? Не знаешь ли ты рецепта?

Милый ты мой, будь здоров.

Твой Андрей

1. В том же году повесть *Бред* появилась в альманахе *Посев: (Одесса — Поволжью)* (Одесса: Всеукраинское государственное издательство, 1921, с. 25—54), позднее, в 1922 г., вместе с другой повестью, о которой Соболев пишет дальше, *Салон-вагон*, она составила его отдельную книгу, изданную *Северными днями*.

2. Погибшая повесть *Салон-вагон* была написана летом 1919 г., когда Соболев жил в Коктебеле. 31 июля 1919 г. он писал А. Б. Дерману в Симферополь, прося того посодействовать его сотрудничеству в газете *Южное слово* или в каком-либо другом органе печати, если таковой затевается.

Правда, уже года полтора я ничего не писал, — сообщал в этом письме Соболев, — но сейчас хочу засесть за большую работу и кончить начатую повесть (ОР РГБ, ф. 356, карт. 3, ед. хр. 17).

«Начатой повестью» как раз и был *Салон-вагон*, рукопись которого спoreла.

3. Александр Абрамович Кипен (1870—1938), прозаик.

4. Георгий Аркадьевич Шенгели (1894—1956), поэт, прозаик, переводчик, стиховед. Ср. в автобиографии, где он рассказывает, что осенью 1919 г. из Керчи пробрался в Одессу, «где прожил два года» (Георгий Шенгели, „Автобиографическая проза“ / Предисл., публ. и прим. К. Ю. Постоутенко, *Лица: Биографический альманах* <вып. 5>. М.; СПб.: Феникс—Atheneum, 1994, с. 377).

5. Милан был промежуточным этапом в эмиграции С. Юшкевича, откуда он отправился в Берлин, где в 1922 г. с ним встречался Лидин, см. об этом в воспоминаниях последнего *Страницы полдня* (Новый мир, 1978, № 5, с. 90—91).

6. О том, что Соболев расстался с Р. С. Бахмутской в Коктебеле и что она с сыном Марком отправилась в эмиграцию, а он уехал в Одессу, см. прим. 26 к п. 1. Р. Бахмутская, врач по профессии, вместе с С. Р. Благой (урожд. Вилляк), женой литературоведа Д. Д. Благого, тоже врачом, принимала в Коктебеле участие в спасении жены Эренбурга Л. М. Козинцевой, заболевшей сыпняком, см. о этом: И. Эренбург. *Люди, годы жизнь*, кн. I—III / Подг. текста, коммент., сост., ил. Б. Я. Фрезинского. Испр. изд. М.: Текст, 2005, с. 319; о встрече в Коктебеле с Эренбургами вспоминала, в свою очередь, и Бахмутская, см. публикацию ее дочери: С. Хлавна, „Три строчки из прошлого...“, *Вопросы литературы*, 1998, № 1, с. 374—79.

7. Писатель Борис Константинович (1881—1972) и его жена Вера Алексеевна (урожд. Орешникова; в первом браке Смирнова; 1878—1965) Зайцевы. Речь идет о гибели сына Веры Алексеевны Алеши, пасынка Б. К. Зайцева, который был расстрелян чекистами в 1919 г.

8. Опубликованная первоначально в журнале *Русские записки* (1915, № 3, с. 55—85), повесть Соболева *Песнь Песней*, вышла затем отдельным изданием, причем дважды (Москва: Универсальная библиотека, 1917); возможно, 2-е изд. здесь и имеется в виду.

№ 34

Одесса 9-го марта <1921>. Тюрьма при Ч. К.

Дорогой мой, прости уж, что пишу тебе из тюрьмы, но, ей богу, я в этом не виноват. Арестованных нас (СР и меньшевиков) человек 30—40 — и Аллах ведает, почему сидим.¹ Ну, ладно — пути Господа Бога неизвестны. Но факт налицо: я сижу, уже более 2-х недель, а когда выпустят — не знаю. Опять общая камера, опять проверка, опять решетка, как будто с тех пор, как я был на каторге, ничего не изменилось. А на дворе уже пахнет весной. Устаю я очень от общей камеры, как до этого — от людей. Людей крутом было много, что-то вертелось, но все это шло мимо меня. Слишком я устал за последний год, особенно в последние месяцы, когда пришлось такое пережить личное,

больное.² Спасибо за твое письмо, обрадовался я ему вообще, а вдвойне из-за внешних причин. Ты не представляешь себе, как хорошо, когда есть весточка из Москвы.

Ты немного разворотил душу мою, но это ничего. Может быть, ты и прав, но я долго, долго не буду писать. Причин много, а главная — это то, что я сейчас потерял себя. Когда найду? — не знаю. Хотя сейчас, помимо воли своей, все впитываю в себя, как губка.

Не понимаю я одного: даже, если пошли слухи по Москве о перемене в моей личной жизни — дает ли это право Илье не пересылать мне письма Рах<или> Саул<овны>, раз ему для этого и вручили. Вот, напр<имер>, не знает он, что с того дня, как я узнал, что у Ильи есть письмо жены — я места себе не нахожу. Ах, Илья — много боли он доставил мне. И, главное, не заслужил я.³ Если бы ты знал, Володя, с каким нетерпением я жду здесь этого письма. Никакой повести *На вокзале* я не писал. Просто: один одесский прохвост из одесской газетн<ой> братии, удирая границу перед приходом большевиков, увез комплект той газеты, где я писал — и спокойно теперь перепечатывает мои фельетоны. *На вокзале* — это небольшой фельетон.⁴

На днях у меня купили мою повесть *Бред* для журнала Пав. Юшкевича и Н. Осиповича — разрешили выпустить I №.⁵ Еще один маленький журнал разрешили поэту Г. Шенгели — и там будут две главы (уцелевшие) из моей сгоревшей повести *Салон-вагон*.⁶ Этим ставится надолго точка в моей литер<атурной> деят<ельности>. Больше у меня ничего нет — и не надо. Ладно.

Что будет со мной — не знаю и думать не хочу, всякое может быть; могут и долго держать, могут и выслать — к чему тогда голову себе ломать.

Настроение пакостное; не из-за тюрьмы — не привыкать стать, но вообще.

Не могу себя переделать — и это хуже всего. Видишь, ведь, как жизнь складывается — и все из-за того, что не расстался

я еще с донкихот<ством>, некоторыми замашками, когда давным-давно уже пора.

Как день проходит? — как проходил 11 лет тому назад в Зерентуе. Вот этим все сказано. Несколько новых жутких черт. Милый, пиши мне; адрес тот же. Теперь более чем когда-либо я не хочу терять тебя из виду.

Кланяйся друзьям. Городецким — всей семье мой привет. Григ<орий> Бор<исович> меня совсем забыл, но что ж я могу поделаться? — хотя это и досадно. Я во всяком случае я за собой вины не чувствую. Целую тебя.

Будь здоров — и пиши; если меня вышлют — перешлют; выпустят — значит, получу.

Твой А<ндрей>

Я очень рад, что все вы пишете, читаете и т. д. Это хорошо. А то, что я не пишу и не читаю — тоже хорошо. Если не подохну на какой-нибудь захолустной станции от сыпняка или если какой-нибудь кирпич не свалится на голову совершенно неожиданно — то я все-таки кое-что напишу, ибо есть и в голове и в душе, но это будет не так скоро и не так просто начнется это. Пишу тебе, сидя на полу, ибо нар или коек тут не полагается. Зато вшей вдоволь — спим на полу и на полу же, лежа на своем пальто, пишу тебе. Уже темнеет. Кругом разговоры, споры; за окном мама-Одесса, в животе пучит от пайков — тюремного хлеба, под подушкой у меня какая-то книжонка Фриче — врите, врите, милый Фриче — нам в окошечко все видно.⁷ Да хранит тебя Аллах, спи на чистых простынях, не читай Фриче, — целую тебя. Помни, что жду твоих писем. Привет Мовичу — вообще, знакомым оптом и розницу. Сейчас завалюсь спать. Интересно — что ты сейчас в эту минуту делаешь? Может быть, сидишь сейчас в «доме писателя» в кресле 40-х годов, о котором ты упоминаешь? Или у Ник<олая> Арх<иповича>.⁸ Чай пьешь и умные разговоры ведешь? Каждому свое — правда, милый? Дни тянутся слишком медленно. Рож я насмотрелся — уйму! Тут всякой твари

по паре: и спекулянты, и бандиты, и преступники по должности, и контры, и сестры милосердия, и портнихи, и врачи, и шарлатаны. Ну, уж совсем темнеет за окном — лягу.

Карточку нашего Союза мне привез знакомый из Москвы. Не ленись — делись со мной литерат<урными> новостями, хотя бы даже домашнего порядка.

Борису и Вере Алек<сеевне> горячий привет. Теперь, более чем когда-либо, я понимаю ее боль и ее горе.⁹

Из Крыма были знакомые: никто не знает, где Николай <Никандров>. По-моему, он поехал навестить Алешу <Окулова>.

Ну, до сл<едующего>письма.

А<ндрей>

1. Причиной, по которой Соболев оказался в чекистском застенке, было отправленное, по всей видимости, за границу и перехваченное некоей провокаторшей его письмо, в котором он выражал свое неприятие большевистского режима, см. об этом в след. письме Лидину (к сожалению, ни имя дамы, услужившей новой власти, ни сам текст соболевской крамолы, остались неизвестны). Уже в советское время, заполняя одну из официальных анкет (дата заполнения — 29 июня 1925 г.), Соболев, по-видимому, не желая называть истинные причины ареста, запишет:

В 1920—21. Одесса. Чека. Просидел 6 мес<яцев> — обвинения не было предьяв<лено>. Сидел за «прошлое» (ГА РФ, ф. 533, оп. 3, ед. хр. 2762).

Следует, между прочим, заметить, что с августа 1920 г. председателем Одесской Губчека становится Макс (Мендель) Абелевич Дейч (1885—1937, расстрелян). В 1905 г. в Виленской тюрьме Дейч познакомился с Соболевым, который попал туда «за хранение и приобретение огнестрельного оружия для насильственного изменения установленного в России образа правления», как было сказано в приговоре Виленского военно-окружного суда. Их знакомство было продолжено на «колесухе» — строительстве Амурской железной дороги, куда оба угодили. И тот, и другой бежали из Сибири: Соболев оказался в Европе, Дейч — в Америке. После Февральской революции Дейч вернулся в Россию и примкнул к большевикам, когда они захватили власть. В апреле 1920 г. он появился в Одессе в качестве «зама» С. Ф. Реденса, в августе отозванного в Харьков. Как писал М. Осоргин, Соболев, «пользуясь своей прежней революционной близостью» к всеильному Дейчу, «помогал многим арестованным и спас нескольких от „высшей меры наказания“» (Мих. Осоргин, „Трагедия писателя“, *Последние новости* (Париж), 1929, № 3100, 17 сентября, с. 2; мемуарное свидетельство Н. И. Да-

нилова, за которого Соболев ходатайствовал перед председателем Одесской ЧК, см. в комментариях С. З. Лущика к повести В. Катаева *Уже написан Вертер* — Валентин Катаев. *Уже написан Вертер*; Сергей Лущик. *Реальный комментарий к повести*. Одесса: Оптимум, 1999, с. 118—119).

2. Речь идет о разрыве с Р. Бахмутской, а также о нескольких новых любовных связях, в том числе с Бейбой Марковной Левик, родившей от него 9 января 1920 г. сына Шуру.

3. В феврале Соболев отправил Эренбургу письмо, о котором мы узнаем из письма последнего к А. С. Яценко от 14 августа 1921 г., см.: Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. *Русский Берлин 1921—1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте*. Paris: YMCA-Press, 1983, с. 142.

4. Соболев имеет в виду журналиста Бориса Семеновича Оречкина (1888—1943), который в 1920—21 гг. издавал в Берлине журнал *Русский эмигрант* (фельетон *На вокзале* был напечатан в № 1 за 1920 г., с. 3—4). Позднее Соболев через *Летопись Дома литераторов* (1922, № 3 (7), с. 8) адресовал Оречкину печатный протест:

В Берлине некий г. Оречкин издает журнальчик *Русский эмигрант* и при нем отдельные книжки-альманахи *Новая русская библиотека*.

В этих изданиях г. Оречкин систематически перепечатывает мои фельетоны и очерки из газеты *Современное Слово*, издававшейся в 1919 г. в Одессе под редакцией ныне покойного профессора Овсянико-Куликовского.

Я никак не могу воспрепятствовать дальнейшему появлению моих вещей. Единственное, что мне остается, — это протестовать здесь, в России: авось эти строки дойдут до редакции *Русского эмигранта* — журнала, характер и направление коего для меня глубоко неприемлемы.

Андрей Соболев

Москва, 26/ХІІ 1921

5. См. прим. 1 к предыд. письму. Павел Соломонович Юшкевич (1873—1945), математик, философ, публицист; брат писателя С. С. Юшкевича; Наум Маркович Осипович (1870—1937), писатель народнического направления, редактор одесского журнала для еврейских детей *Колосья* (1913—18); в 1919—26 — председатель правления Южного товарищества писателей.

6. Издание журнала, о котором пишет Соболев, и публикация в нем двух уцелевших глав из *Салон-вагона* не состоялись.

7. Владимир Максимович Фриче (1870—1929), литературовед, искусствовед, социолог; входил вместе с Соболевым в состав кооперативного товарищества *Задруга* (см. прим. 7 к п. № 31).

8. См. прим. 12 к п. № 1.

9. См. прим. 7 к предыд. письму.

29-го мая <1921> Губ<ернская> тюрьма Одесса

Милый Володя, получил я твое письмо. Рад был ему, и огорчило оно меня очень. Рад, что ты жив, здоров и помнишь меня, а огорчен тем, что вы все, желая мне, конечно, добра (в этом я не сомневаюсь) сделали мне больно. Я имею в виду ваше хождение к К<аменеву>.¹ Как это ты, Борис <Зайцев>, Мов<ич> и Мих<аил> Ан<дреевич Осоргин> — хотя бы только вы, зная меня, не подумали о том, что мне все это будет более, чем неприятно. Я всегда ненавидел «припадать к стопам», тем более мне противно это теперь. Если б это сделали другие, но хоть немного-то вы все знаете меня в этом отношении и знаете, что я могу быть легкомыслен в чем угодно, но только не в этом, и, кажется, я это доказал всеми последними годами. Я не Илья <Эренбург> и презираю те цели, к<отор>ые оправдываются всеми средствами. Мне передали, что ты в разговоре с Юдифью Исаак<овной> выразился насчет моего письма, что это «детская выходка». Нет, милый, это, как говорили в Одессе, совсем наоборот. Я это сделал при полной памяти и при здравом уме. Я ни на минуту не сомневался, что после появления его, оно станет известным тут, и это я принял во внимание, как и учел все возможности в дальнейшем, но я шел на это, считая это своим долгом, своей обязанностью, не менее, чем Боря Город<ецкий> считает своей обязанностью насаждать просвещение, Алеша <Окулов> — авиацию, Георг<ий> Ив<анович> — социалист<ическую> драму,² Валерий Яков<левич>³ — принцип коммунизма + эстетику и т. д. И когда председатель местного Исполкома, посетив тюрьму, заглянув ко мне в одиночку, изволил в беседе со мной спросить, отказываюсь ли я теперь от того, что писал в письме, так мило и вежливо перехвачен<ном>, благодаря любезности одной москвички (между прочим, и твоей знакомой) — я ответил, что ни от одного слова не отказываюсь. Я не ставлю себе этого в заслугу, как и не горжусь этим, как и не ставил бы себе

в заслугу то, что я не ворую⁴ или не насилую малолетних — это все так просто и элементарно: я не привык ни подмазываться, ни лизоблюдничать и не пресмыкаться. Вот и все. И это все надо было понять, когда речь идет обо мне и власти. Какая — это неважно. Точно так же я держался у добровольческого коменданта, когда меня вели утром солдаты, как большевистского видного комиссара.⁵ По-видимому, наша милая русская интеллигенция забыла о том, что, кроме пайков, жалованья, премиальн<ых> и суточных, существует и еще одна крохотная вещичка, такая маленькая, маленькая — убеждения. Пусть это «мещанство», пусть это «детские игрушки», но я другого мнения. Поэтому я и огорчен и удручен вашим визитом к К<аменеву>. Милый, ты прости за резкость, но в этих вопросах ни брата, ни друга. И если я с тобой так делюсь — то это только доказывает, что я тебя люблю, и это непонимание твое и тех, кого назвал — лиц мне далеко не различных — мне делает больно.

Конечно, из этого совсем не следует, что я счастлив тюрьмой, что решетки и запертые двери доставляют мне огромное наслаждение, но — это так же неизбежно, как корь. И если бы ты знал, как дались мне эти три месяца, как безмерно хочется на волю, как порой тяжело чувствовать себя запертым, связанным, отгороженным, но из этого вовсе не следует, что я должен стучаться лбом и просить о снисхождении. И если б ты знал, как обидно за каждый потерянный день, ибо сидеть ведь может каждый дурак, как, впрочем, и посадить может любой умник. Правда, я очень усиленно работаю, но я предпочел бы не писать, но быть на свободе. Я написал пьесу — романтическую сказку, но об этом речь будет, когда мы с тобой увидимся в Москве — хочется верить, что это будет. Сейчас переписываю ее, переделываю. Одно из двух: или написал большую гадость или настоящую вещь. Середины нет. Готов допустить первое и хочется верить во второе. Для меня эта пьеса — сдвиг, но и новые возможности.⁶ Ну, встретимся — поговорим. Илья <Эренбург> меня не удивил. Так всегда бывает. Возился

с Мадоннами, без православия ни на шаг, с архиереями был запанибрата, а кончил как жид: куплей-продажей. Твердил: придет Мессия, а кончил миссией. Туда ему и дорога. НО, ничего, он и там еще раз пять перевернется и кувыркнется.⁷ Так у меня ничего нового. Бывают дни, когда работаю по 12—14 ч<асов> в сутки, устаю, но эта усталость хорошая, вечерами часто сижу на окне и гляжу, как сумерки ползут, слушаю, как собаки лают, а лают они совсем по-деревенски — тюрьма далеко за городом — поля тянутся, домики крохотные.⁸ Уже четвертый месяц пошел. Весна для меня пропала: по-видимому, пропадает и лето. Пиши мне, не забывай! Несмотря на разницу в наших взглядах, полагаю, что можем по-прежнему остаться друзьями.

Привет всем. НЕ забывай меня, пиши — мне передадут.

Как твои дела? — пишешь? Много? Что нового в Союзе Писателей? Кто что написал? Что в кооперативе *Север<ных> Дней*? Что у Городецких? Григорий Борисов<ич>, по-видимому, позабыл меня и разлюбил окончательно?

Обнимаю тебя. Будь здоров и не забывай узника.

Твой Андрей

1. Узнав о том, что Соболев сидит в Одесской «чрезвычайке», московские писатели всполошились и бросились искать высоких покровителей изящной словесности, которые в начале 20-х гг. еще наличествовали в правительственных кругах. Об обращении к председателю Моссовета Л. Б. Каменеву (Розенфельду) вспоминал впоследствии Б. К. Зайцев (*Москва*):

Раз вечером мы выходили с Осоргиным с заседания. Луна хорошо светила. На этом заседании я просил Каменева за «сидевшего» в Одессе писателя Соболя.

Он небрежно спросил:

— Какого Соболя? Который написал роман *Пыль*?

— Да.

— Плохой роман. Пусть посидит.

Я заметил, что он сидит уже семь месяцев, неизвестно за что.

— Ну, это много. Постараемся выпустить (Б. К. Зайцев. *Улица святого Николая: Повести и рассказы*. М.: Художественная литература, 1989, с. 368).

Относительно времени, когда могла состояться приведенная беседа: если «хронометрировать» по публикуемым здесь письмам, она примерно должна относиться к маю 1921 г., т. е. проходила через 2–3 месяца после соболевского ареста, а не «семи месяцев», как пишет мемуарист; впрочем, это могло быть сказано им Каменеву специально, как тактический ход для «сгущения красок», ср. ниже в самом письме о сроке, проведенном в тюрьме: «Уже четвертый месяц пошел». О Л. Б. Каменеве в связи с обращением к нему писателей см. различные сюжеты в кн.: Б. Я. Фрезинский. *Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов*. М.: Эллис Лак, 2008, с. 5–69; см. также: Nikolas Berdyaev. *Dream and Reality: An Essay in Autobiography*. London: Geoffrey Bles, 1950, p. 231–232.

2. По всей видимости, Соболев говорит о поэте, прозаике, драматурге и мемуаристе Георгии Ивановиче Чулкове (1879–1939) и подразумевает его (наряду с Вс. Мейерхольдом и Вяч. Ивановым) идеи революционизации театра, которые он начал высказывать в 1906 г.

3. Брюсов.

4. Далее следовало: «не доношу» (вымарано).

5. Как вспоминала позднее Р. Бахмутская, Соболев был арестован добровольческой контрразведкой в Харькове и по приговору Май-Маевского его вели на расстрел, и случайная встреча с белым офицером, знавшим Андрея еще в Москве, спасла его от расстрела (частный архив).

В анкете от 29 июня 1925 г. Соболев отмечал, что в 1919 г. за редактирование социалистической беспартийной газеты (речь идет о харьковской газете *Новое слово*, закрытой добровольческими властями на № 5) был подвергнут добровольцами аресту, случайно уцелел от расстрела в Харькове и был выслан генералом Май-Маевским (ГА РФ, ф. 533, оп. 3, ед. хр. 2762).

6. Речь идет о пьесе *Единой, тебе*, жанр которой Соболев определил как «романтическую игру в 3-х действиях», поставленную впоследствии в театре Корша, см.: *Обозрение театров гг. Ростова и Нахичевани, 1921, № 1, декабрь, с. 9.*

7. Реакция Соболя на отъезд И. Эренбурга за границу (21 или 22 марта 1921 г.), куда он, помимо собственных рукописей, предназначенных для издания, повез произведения С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой и др., см.: Вячеслав Попов, Борис Фрезинский. *Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников)*. СПб.: Лица, 1993, с. 203–04.

8. Старое здание ЧК располагалось на Екатерининской площади, потом — на Маразлиевской, но тюрьма помещалась на Люстдорфской дороге против кладбища, где она находится и поныне.

31-го июля <1921>

Милый Володя, сегодня получил твое письмо от 17 июля и те письма, что ты мне переслал. НЕТ, родной, ты не прав, я не ригорист — я просто не люблю всего того, что достигается при помощи «заднего крыльца». И вот скоро ты убедишься, что я не ригорист, убедишься явственно, что я могу быть и широким и не сектантом. Рад я твоей весточке. Но в плохую минуту она пришла. Я работал усиленно месяца 4, работал по 12—14 часов в сутки, успел уйму (говорю о количестве — ведь мне самому так трудно судить о качестве) — работал с упоением и, благодаря работе, легко переносил многое: и тоску, и некоторые дефекты в питании и многое в таком роде, даже то, что я, непоседа, должен сидеть в четырех стенах. Но вот стали появляться первые вести о голоде — и все полетело к черту.¹ И вот уже вторую неделю, как я места себе не нахожу. Теперь немного легче стало: я пришел в одному выводу и понял, где я должен быть. Зная меня, ты можешь понять, что не легко мне далось все это: ведь многое надо было перебороть, о многом подумать и на многое поднять руку, потому что были и ночи без сна, и дни тяжелых и невеселых раздумий. А если к тому еще прибавить чудовищную духоту и те условия, в которых я — это совсем весело. От каменных стен так и пышет зноем, от каменного пола и то, как от пекла несет. Невкусно, милый, — но все надо испытать и все перенести. Скоро ½ года. ½ года вычеркнуто из жизни. Правда, я много успел, но знаешь я, по-видимому, плохой «писательник», ибо за все рассказы в печати я не отдам один маленький рассказ в жизни, хотя ты не должен сомневаться, что литературу я люблю и что в ней для меня почти все. Что успел? Прежде всего я заново начал и заново написал *Салон-вагон* — тот самый, что сторел у меня в Крыму. Он получился по размерам вдвое меньше прежнего, но это к лучшему. А затем я написал пьесу. В стихах! Не бойся, не падай в обморок. Эта пьеса мне уже покою

не дает года три. Сначала (было время) я ее написал прозой. И увидел, что эта пьеса должна быть в стихах. И я написал ее в стихах — в строгом, определенном размере. И опять увидел, что это не то, не то — чего-то недостает, где-то что-то неладно. И только тут я понял, что, как говорила одна евреечка, «твоздика». И я написал ее в стихах же, но в корне нарушив все законы стиха, размера, поставив над собой один только закон: ритм, мелодия. И увидел, что я на правильном пути. И понял, что надо дерзать дальше. И вот кончил. В душе и тревога, и радость, не знаю, удалось ли, но в одном уверен: одно из двух — или написал большую дрянь, или подлинную вещь. Пьеса вне времени — романтическая сказка в 3-х действ<иях>. Название — *Единой, тебе*. И еще одно знаю, как сценическое произвед<ение> оно удовлетвор<яет> всем запросам театра как такового, каким, по-моему, подлинный театр должен быть.

И как *Сал<он>-ваг<он>*, и как *Бред* — все это у меня «в портфеле» — только один Бог знает, когда это выйдет наружу. Вот тебе короткий отчет о моей «литерат<урной> деятельн<о>сти»». А теперь, когда окончательно успокоюсь, я засяду за новую вещь. А *Салон-вагон* охватывает время от мартовских дней до октября. Рассказ о крушении человеческой души и о том, что Россия <—> загадка, а мы только пальцы на руке Аллаха — и кто виноват, ежели иногда эти пальцы складываются в комбинацию из трех пальцев?

Рад за тебя, что ты все-таки пишешь, хотя видать, что тебя здорово отвлекает действительность, — и меня она бьет. И всегда я помню фразу одного иностранца, посетив<шего> Питер в 18 веке<:> «камыш там всегда мокр, а сердца людей всегда сухи». Вот эту сухость я никогда не приму и всегда буду против нее, чем бы мне это ни грозило. Вот потому сегодня насчет голода я не могу быть ни сектантом, ни доктринером.

Что же ты умолчал о том, кто издает твою книжечку *Полярность*² — ведь это меня здорово интересует. Скажи, милый, откровенно, не боясь меня огорчить, как понять отношение Григория Бор<исовича> ко мне? Чем объяснить его перемену

ко мне? В чем я перед ним провинился? А что он изменился — это ясно: в такую тяжелую для меня пору, как сейчас, он даже двух слов не написал мне, даже приветов не послал. Меня это очень интересует — так что, пожалуйста, объясни мне, в чем дело, почему. Я за собой *никакой* вины не чувствую, и для меня Григ<орий> Бор<исович> по-прежнему тот же — но мне больно, что он так изменился, и я даже не знаю, почему.

Обидно за Алешу <Окулова>. Не везет ему. Случайно я прочел в москов<ских> *Известиях* о его чтении пьесы — и порадовался за него, а вот ты пишешь, что вещь дрянная — и это грустно.³ Вашу лавку приветствую. Надеюсь, если судьба улыбнется и я увижу Москву, что Вы меня примите к себе — хотя, впрочем, бог вас всех знает!

Володенька, я не понял, о какой это старой знакомой Евг. Ал., что произвела на тебя плохое впечатление, ты пишешь? Объясни, милый!

Вообще, не забывай меня. Ведь твои письма хоть на час уходят, а то ведь очень, очень грустно и тяжело — и только когда даешь себе обет не поддаваться, не раскисать, можешь столько месяцев терпеть. Иногда в лунные ночи сил нет. Тишина ночью мертвая, что за окном — не видишь, слышишь только, как собаки лают по-деревенски, а тогда чудится, это вот близко поля, костер горит, светло и хорошо на берегу реки. Ну, ладно — брошу об этом, ибо даже в письмах нельзя, нельзя раскисать, а то сил не будет. Тоска по книге хорошей безмерная. Читаешь ту дрянную, к<отор>ая изредка попадает.

Кланяйся знакомым. НЕ забывай меня, обязательно напиши о Григ<ории> Бор<исовиче>, о *Полыни* и вообще поделись со мной литерат<урными> новостями.

А тебя обнимаю, родной.

Твой А<ндрей>

P. S. Письма, что ты мне переслал — это от мамы и брата.⁴ Они в Бердянске. Но объясни мне, где они все время лежали, ибо письма *от 17-го апреля*. А тебе большое спасибо, родной, что переслал мне.

1. В 1921—23 гг. в советской России разразился голод (по некоторым оценкам, погибло более 5 млн. человек). Летом 1921 г. был создан Комитет помощи голодающим (Помгол) (утвержден ВЦИК 21 июля); председатель — Л. Б. Каменев (почетным председателем был избран писатель В. Г. Короленко). Активное участие в работе Помгола принимали известные деятели литературы и искусства России: К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, А. Л. Толстая, М. А. Осоргин (редактор бюллетеня Помгола *Помощь*), Б. К. Зайцев, академики П. П. Лазарев, В. Н. Ипатьев, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр и др. Через месяц с небольшим Помгол по настоянию Ленина (письмо на имя Сталина и членов Политбюро от 26 августа 1921 г.) был распущен, а ряд его членов арестованы.

Чуть менее чем через месяц после этого письма, 29 августа 1921 г., в одесской однодневной газете *На хлеб*, изданной Южным товариществом писателей в пользу голодающих, был напечатан рассказ Соболя *Полярная звезда* (приношу искреннюю благодарность Е. И. Погорельской, сообщившей нам об этом факте).

2. Здесь между корреспондентами вышло какое-то недопонимание: вероятно, Лидин писал не о книжечке *Полынь*, а о рассказе, который позднее был напечатан в журнале *Россия* (1922, № 2, с. 1—7).

3. Соболев имеет в виду следующее объявление в *Известиях* (1921, № 148 (1291), 9 июля, с. 2):

Всероссийский союз писателей. 11 июля в Доме им. Герцена (Тверской бул., 25) писатель А. И. Окулов прочтет свою новую пьесу *Голодные дни*. Начало в 9 часов вечера.

4. Мина Сергеевна Соболев, мать писателя, и один из его троих братьев, по всей видимости, Владимир.

№ 37

на почтовой бумаге Трудовой артели
Книжная лавка писателей
Москва, Б. Никитская, 24

20 октября 1922

Дорогой Володя, спасибо за весточку. Во имя всех законов божеских и человеческих ты постарайся во что бы то ни стало устроить мои литературные дела, ибо по сей день я пребываю

в нищете. Нет, серьезно — хоть раз будь порядочным человеком и докажи, что ты есть друг, а не некое животное с пятачком.¹

Если ты еще успеешь — напиши, вышла ли моя книжечка в издательстве *Мысль* (там два рассказа) — и обязательно привези мне хотя бы 3—4 экземпляра.²

Мое желание простое: чтоб книга была продана и чтоб повесть *Паноптикум* попала в какой-нибудь сборник.³ В 13 № *Сп<о>лох<ов>* должна быть моя *Собачья площадка*.⁴ Пожалуйста, привези мой экземпляр, но только, чур, не показывать Абрамову, а то с ним удар будет.⁵ Удивительный, по-видимому, деревянный народ, берлинские эмигранты: чего они хотят от Алексея? Ну, захотел человек быть искренним и пойти туда, куда счел нужным — и вот тебе: лают.⁶ Я бы на месте Алексея выпил бы лишний раз за человеческую глупость и тупоумие. Что у нас нового? — ничего, разве вот то, что Рауспирт какими-то путями умудрился получить бумагу на предмет занятия дома, а посему — волнение умов,⁷ Свирский сверкает глазами,⁸ а Абрам Маркович Эфрос невозмутимо спокоен.

Затем — Абрамов подал заявление на Глобу⁹ — тот дважды продал рукопись — и вот в третий раз Эфрос и я возимся — допрашиваем, судим — словом, весело!¹⁰

Было общее собрание Союза — в правление доизбраны: Пильняк, Вересаев, Окулов и Юрочка <Соболев>.

Литературных новостей мало — вышла книжка Эфроса об Альтмане — великолепная книжка,¹¹ Абрамов готовит *Творчество*¹² и *Москву*, вышел № 1,¹³ вышел № 1 *Феникса*¹⁴ — мертвая скука — и выходит первый № *Эхо*.¹⁵

Что с твоим журналом — не знаю, знаю только, что Николай возится.¹⁶

Читал Язвицкий пьесу — и всех уморил.¹⁷ Читал Лунц — очень хорошо.¹⁸

Завтра мы снова собираемся: Козырев¹⁹ в прошлый раз прочел главу первую — на вторую выпал жребий на меня — я уже написал.²⁰

Вот все. Как видишь, все по-старому. Да, приехал Воронский²¹ и вышел 2<-й> сб<орник> *Наши Дни*. Там твои *Мышиные будни*.²²

Пока будь здоров и — пожалуйста, не забудь про меня: постарайся устроить все мои дела, привези мне несколько экземпляров моей книжки, № *Сполох<ов>* и го-но-ра-pp!!

Увидишь Юлия Исаевича — передавай мой горячий привет ему и скажи, что я с удовольствием прочту письмо его, ибо очень я к нему привязался и обидно, что его нет тут.²³ А как Мович? Что он подельвает? С удовольствием поглядел бы, как «выглядит» он на Friedrichstrasse.²⁴

Приезжай скорей, довольно болтаться по чужим местам. А Илью <Эренбурга> ты видел?

Вышла 8-ая кн<ига> *Книги*, но я почему-то не получил.²⁵

Ну, обнимаю тебя. Привет от друзей.

Андрей

1. Письмо написано Лидину в Берлин, где он находился в то время.

2. Соболев говорит о сборничке, который должен был появиться в берлинском эмигрантском издательстве *Мысль* (Библиотека 'Книга для всех') и в который вошли два его рассказа — *Погреб* и *Обломки* (вышел в 1923 г., № 100).

3. Повесть *Паноптикум* увидит свет только в 1925 г.: с посвящением Б. М. Левик-Соболю, она выйдет в составе сборника Соболя *Рассказы* (М.: Крут).

4. Рассказ *Собачья площадка* был опубликован в берлинском эмигрантском журнале *Сполохи* (1922, № 13, ноябрь, с. 6—9), а затем перепечатан в журнале *Россия* (М.; Пг.), 1923, № 7, март, с. 4—6.

5. Соломон Абрамович Абрамов (1884—1957), поэт, издатель; возглавлял кооперативное издательство *Творчество*, в котором выходили журналы *Творчество*, *Москва* (оба: 1918—22); в журнале *Москва* был напечатан рассказ Соболя *Погреб* (1922, № 6, с. 4—6).

6. Соболев имеет в виду разразившийся в эмиграции общественно-литературный скандал, вызванный *Открытым письмом* А. Н. Толстого Н. В. Чайковскому, опубликованным в берлинской сменовеховской газете *Накануне* (1922, 14 апреля) и перепечатанным 25 апреля *Известиями*. В этом письме Толстой по существу разрывал с эмиграцией и подготавливал свое возвращение в советскую Россию. Спустя несколько месяцев, 12 июня, он пишет письмо Соболю, в котором развивает свое новое политическое credo,

первопубликацию этого письма см.: З. Минц, „Перед возвращением на родину (Письмо А. Н. Толстого от 12 июня 1922 года)“, *Русская литература*, 1959, № 1, с. 175—80; перепеч.: Переписка А. Н. Толстого: в 2-х томах, т. 1. М.: Художественная литература, 1989, с. 321—24. До сих пор никогда не публиковался ответ Соболя Толстому, из которого видно, что его автор не особенно заблуждался относительно подлинности тех ценностей, которые установила вместе со своим приходом новая власть и которыми вроде бы соблазнился «красный граф» (печатается по автографу из ОРФ Государственного Литературного музея (Москва), ф. 186, оп. 3, ед. 379, л. 7—13 об.; пользуемся случаем выразить признательность Е. М. Варенцовой за любезную помощь в работе):

Трубниковский пер. 16. кв. 1
Москва, 27 июня <1922>

Дорогой Алексей,

вчера утром отправил тебе письмо, а к вечеру прибыло твое. Оно меня глубоко, глубоко взволновало. Весь вечер и сегодняшний день я под впечатлением его. Хочется ответить тебе со всей прямоотой, на какую только я способен, но — но, милый, по некоторым причинам сделать это сейчас не могу. Но все-таки, хотя бы вскользь, попытаюсь.

Прежде всего надо установить одно — это то, что для меня не может быть и речи о твоей неискренности. Я первый написал тебе, без всяких запросов с твоей стороны, что я, быть может, один из тех немногих, кто в письме уловил и боль твою большую, и горячую любовь твою и безусловную, безоговорочную искренность. Для меня твое письмо было большой неожиданностью. Дальше — я (может быть, это и дурно, но это так) остался прежним глупым упорствующим человеком — следовательно, я скорее всех должен был бы заподозрить тебя — но, как видишь, мои «упорства» никогда не мешали мне быть справедливым. Если хотя бы слегка ты знаешь меня — то ты должен этому поверить.

В России любят грязнить людей, но я никогда не был охотником до перемывания белья. Я умею ненавидеть и презирать, но мне омерзительны всякие попытки видать в врагах исключительно жуликов, лакеев и лизоблюдов. Я умею биться с любым врагом, хотя бы он был самым близким мне человеком, но я никогда не подставляю ему ножку.

Твое письмо я отвергаю почти целиком, но не хочу и не могу отвергнуть тебя — ни как человека, ни как крупного писателя. Я с твоим письмом не согласен, но следует ли из этого, что ты перестал для меня существовать, что я обязан кричать о том, как Алексей продан и т. п.

Я считаю, что ты глубоко ошибаешься, как по существу, так и формально, но боль твою, любовь твою и честность твою я чувствую в каждой строке.

Я никогда не боялся смелости и смелость приветствую, но ведь может рядом с смелостью быть и ошибка. Я знаю, что письмом своим ты многих

поднял против себя — и эту твою смелость я тебе в заслугу не ставлю, ибо другим ты не смеешь быть, раз ты *веришь*, раз ты *убежден* в правоте своей. Кто сам замирает в восторге от своей собственной смелости — тому грош цена. Я люблю тебя — и это ты знаешь, я ценю тебя — и это тебе известно; я радуюсь твоим достижениям и знаю свое место в русской литературе и готов в любую минуту это твоё дорогое для меня «место» защищать всемирно, но точно так же открыто и просто говорю тебе, что ты ошибся, что предпосылки твои шатки, что выводы твои неверны, что ты издала проглядел, что ты не те очертанья увидел. Кто уж, как не я, знает всю жизнь эмигрантской повседневности. Я семь лет жарился в этом пекле. Неважно, что я был эмигрантом других годов: эмигрантство всех эпох и всех народов одинаково. Совершенно точно и определенно можно поставить знак равенства. Эмигранты при Герцене, эмигранты при Плеханове, эмигранты при Врангеле — все одинаковы. Это явление в любые годы дает одинаковые плоды и созревают они равно, как в Берлине, так и на Шпицбергене: широта и долгота тут ни причем, как и годы, эпохи и нравы: при Томе Мюнцере был свой Бурцев, а при фараонах соответствующие папирусные *Рули*.

Но нельзя же из-за лесов терять перспективу — и если трещит по швам эмигрантское дутое капище и густо воняет — вовсе не обязательно амбрэ противоположной стороны.

У тебя великолепное зрение, чудесное обоняние; когда ты пишешь — ты все видишь, ты все запахи улавливаешь, но за тысячу верст самый зоркий ошибается, самый чуткий путает полынь с сиренью, а чертополох с ромашкой.

Любовь — великая вещь, смелость привлекательна всегда и во всех случаях, вера — нужна, как любовь, — но необходимо еще одно: чтоб точно и определенно знать, как течет река и куда она течет, что несет она на своих волнах — надо оба берега пройти, надо однажды и над берегами подняться — и нельзя, стоя на одном берегу, верить ветрам другого берега, далекого. Звук обманчив — слышится в ветре как будто благовест, а это совсем похоронный звон; чудится, будто топор бодро стучит, а это совсем могильные лопаты лязгают. Ты видишь возрождение там, где его и в помине нет, тебе чудится возрождение там, где лишь временно припрятана мертвящая бесплодная догма и где творческая действенность — одна только видимость. Так, как я думаю — еще не значит ненавидеть и видеть спасение в сенегальцах: избави Боже и от своих черных и от иноземных. Любовь мучительная с нами неотлучно и ее мы доказали, хотя бы уже одним тем, что не расставались с родными местами в самые тягостные дни; ее глухие проселочные дороги мы не променяем ни на германские променады, ни на французские бульвары.

Да, это наша мать, но ведь бывает, что и матери, овдовев, вступают в неудачный брак, — следует ли из этого, что любого отчима надо к сердцу прижать <?>.

Я не собираюсь разводиться, как и не ищу для нее более удачного супруга, но слепым не могу и не хочу быть, хотя бы во имя той же любви. Пусть бракоразводными делами такого рода занимаются спецы — мы будем молча любить.

Но как бы там не было — прав ли ты безгранично или глубоко ошибаешься, я крепко жму твою руку.

Твой Андрей Соболев

P. S. Письмо всецело в твоём распоряжении.

7. Всероссийский Союз писателей получил в своё распоряжение особняк (Тверской бульвар, 25), в котором до этого размещалась компания *Рауспирт*. Передача дома формально произошла в 1920 г. на основании распоряжения Моссовета, приуроченного к 100-летию юбилею А. И. Герцена. Однако *Рауспирт* остался соседом писателей, и угроза захвата дома с его стороны существовала ещё долгое время. Ср. в воспоминаниях современника:

Совнарком <sic> передал Союзу писателей дом № 25 по Тверскому бульвару и поныне известный всей литературной Москве как *Дом Герцена*. Ныне здесь размещился Литературный институт имени Горького. В двадцатые годы Всероссийскому союзу писателей ещё приходилось делить это здание с бывшим Акцизным управлением. В течение многих лет соседом Союза писателей был пресловутый *Рауспирт*, и вывеска этого «спиртоводочного» учреждения на дверях Дома Герцена смущала (а может быть, и не смущала!) приходивших сюда писателей (Эм. Миндлин. *Необыкновенные собеседники*. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советский писатель, 1979, с. 220).

8. Алексей Иванович Свирский (наст. имя и фам. Шимон-Довид Вигдорос; 1865—1942), прозаик, драматург; исполнял обязанности коменданта Дома Герцена. Завершая последние земные дела, Соболев писал ему в предсмертной записке, датированной 6 июня 1926 г.:

Прощайте, милый Алексей Иванович, и не упрекайте меня за уход: иначе не мог, уж больно я устал. Всего, всего Вам светлого и лучшего. Вы всегда были добры и внимательны ко мне — и вот, уходя, я очень по-хорошему думаю о Вас.

Обнимаю Вас. Татьяне Алексеевне всего доброго.

Ваш Андрей

Да, милый друг, Вы не раз выручали меня. Вот напоследок покройте мои долги небольшие в столовой. Помните мой долг Гавриле? И четвёрть ему я отдал. Ему следует ещё 4. А затем — в столовой есть официант, старичок, дядя, кажется, Есенина. В последний раз я что-то рублей 6 задолжал ему за еду. Не хочется, чтоб такая мелочь его огорчила. И вот напоследок отдайте это, не сердитесь на меня и, если можно, пусть об этом не будет разговоров. Ладно?

Эх, милый Алексей Иванович, как все это грустно (приводится по копии из частного архива).

9. Андрей Павлович Глоба (1888—1964), поэт, прозаик, драматург, переводчик.

10. Соболев описывает свою и А. Эфроса деятельность как секретарей правления Всероссийского писательского союза.

11. Речь идет о книге А. Эфроса *Портрет Натана Альтмана* (Птг.: Шиповник, 1922).

12. См. прим. 5. Журнал *Творчество* (Москва; под ред. Н. Ангарского, И. Ежова, Н. Овсянникова и В. Фриче [позднее Н. Овсянников и И. Ежов были и добавился П. Лебедев-Полянский]; № 1 вышел в мае 1918 г., последний — №№ 1—4 — обнимал январь—апрель 1922 г.); номер, о котором пишет Соболев, в свет не выходил.

13. Журнал *Москва* (Москва; 1918—1922; вышло 7 номеров). Лидин напечатал в этом журнале рассказы *Посох* (1918, № 3, с. 8—10); *Моря и горы* (1920, № 5, с. 4—6), *Звероловы* (1922, № 7, с. 4—5), а Соболев — рассказ *Погреб* (1922, № 6, с. 4—6).

14. Имеется в виду художественно-литературный и философский сборник *Феникс* (М.: Костры, 1922).

15. В № 1 журнала *Эхо* за 1922 г. был опубликован рассказ Соболя *Последнее путешествие барона Фьюбель-Фьютценау* (с. 1—3). Кроме того, в напечатанном там же очерке ...*Слушая ...Читая*, Ю. Соболев, соотнося между собой пять современных писателей, чьи произведения он слушал в их собственном чтении, — И. Шмелева, Е. Зозулю, Лидина, Соболя и М. Козырева — и характеризуя каждого из них, писал по поводу Соболя:

Волнуясь и спеша, — так же, как пишет, — глотая слова, — читает Андрей Соболев, которому — жаль старого прокурора на Собачьей Площадке (так рассказ и называется — *Собачья площадка*), и которому удастся быть художественно убедительным в рисунке, намечающем остро и цепко контуры быстро скользящих в его рассказе людей.

Но оба — и Лидин, и Соболев — подходят к современности, пытаются сквозь призму *быта*, постичь ее *душу*.

И заключая свой обзор, автор замечал, касаясь последних четырех писателей:

Знаю я, что нет в их рассказах той прочности, добротности очевидной, той кладки крепости нерушимой, что есть в *Неутиваемой чаше* <повесть И. Шмелева>, и хочется мне, чтобы их *беллетристика* стала скорее *литературой*, — а все-таки слушая их, — с ними я, ибо мои они современники, вместе со мной они в бурных, страшных, роковых, прекрасных метельных днях наших!.. (с. 19).

16. Лидинская идея журнала не осуществилась.

17. Имеется в виду трагедия Валерия Иоильевича Язвницкого (1883—1957) *Храм солнца* (М.: Госиздат, 1922).

18. А. Лунц читал свою пьесу *Вне закона*. Присутствовавший на этом чтении Ю. Соболев так описывал его:

Слушая читавшего романтическую свою трагедию *Вне закона* Л. Лунца, — одного из «серапионовых братьев», — я ясно почувствовал связь всей этой «бешеной», как называет ее сам автор, романтики с нашей современностью.

<...> Дюма-отец, Виктор Гюго, отчасти Шиллер (Шиллер благородных *Разбойников*) и кое в чем даже наш Полевой (вы помните его огнедышащего Уголино?) отложили свое влияние на Лунца с условной Испанией его трагедии, с кипящими страстями его героев, с занятно завязанной интригой его действенно-театрального сюжета, с кинжалами и шпагами «толедской стали», рваными плащами и поверженными престолом, потайными дверями и черными масками его реквизита и бутафории...

Все в движении, все кипит, все бурлит.

<...> Вот в этом героическом чувствовании театра, условность которого оправдана правдоподобием страстей, и вскрывается органическое родство «бешеной» романтики трагедии с революционной современностью.

Ибо ритм мелодрамы не совпадает ли со стремительным ритмом эпохи?

И не тем ли, чем полнится мелодрама — героями и страстями — жива и крепка *революция*?

Бурное октябрьское ее дыхание веет над подлинной мелодрамой, в романтическом своем озарении стремящейся стать трагедией.

И пьесами своими выразил Лунц ведомую многими современниками нашими жажду трагедийного репертуара.

Только трагическое может стать достойным революции.

Только трагедия может запечатлеть пятилетье — 1917—1922 (Юрий Соколов, „...Слушая... Читая“, Эхо, 1922, № 2, 7 ноября, с. 25).

19. Михаил Яковлевич Козырев (1882—1942, расстрелян), писатель-сатирик, автор романсов.

20. Соболев принимал участие в создании коллективного романа «из современной жизни», сообщение об этом см. в хронике литературного приложения к газете *Накануне* (1923, № 36, 21 января, с. 8). Помимо Соболева, в эту группу входили: Н. Ашукин, М. Булгаков, Е. Зозуля, М. Козырев, В. Лидин, К. Левин, Б. Пильняк, Ю. Слезкин, Ю. Соболев, Д. Стонов, А. Эфрос, А. Яковлев, т. е., по существу, ведущие литературные силы той эпохи. О романе не сохранилось практически никаких сведений — скорей всего он не пошел далее устного чтения отдельными писателями «своих» глав. Ю. Соболев так излагал общий замысел:

«13», собравшихся писать роман, не ставили перед собой никаких ограничительных рамок и не связывали себя никакой круговой порукой как относительно соблюдения формальных требований, так и касательно единого внутреннего подхода к теме. К теме?.. Но в том и дело, что «13» никакой темы в смысле выдумки фабулы или сочинения сюжета не создавали. Им было ясно только одно, и это одно они и выдвинули единственным заданием для всех, сей коллективный роман создающих.

Должна быть взята *современность*. Должна быть показана *революция*.

Чем шире будет захвачена первая, чем глубже будет взята вторая — тем лучше.

Место действия не оговорено. Т. е., разумеется, если тема — современность (Революция), то естественно полагать, что действие будет происходить в России. Будет ли это РСФСР только или будет зарисована Украина, Кавказ, Азербайджан или Туркестан — дело авторов.

Но, памятуя, что роман будет посвящен современной революционной России, — надо сделать его динамичным в смысле развертывания действия. Роман может быть построен на интриге, на занимательности хотя бы современного кино, но он не должен быть скучным, статичным, психологически перегруженным. Ни о каких заранее намеченных героях, ни о какой разработанной канве сюжета не может быть и речи. Просто «13» тянут жребий. Тот, кто вытянул бумажку, на которой значится:

— «пишу» —

тот и начинает. Каждый обязан написать не менее ½ печатного листа (не меньше — больше, сколько угодно). Написанное читается всеми «13». Никаких поправок, за исключением устранения явных несообразностей или слишком уж вредных противоречий с предыдущими главами, не делается. Тянется вновь жребий, вытянувший «я пишу» — берет главы своего предшественника, уносит их с собой и продолжает нить романа по собственному произволению. Он может продолжить написанное до него с теми же героями и в той же обстановке, но и может внести новые лица, перенести действие с юга на север, с Украины в Москву и, наоборот, может завязать новую боковую интригу и дать новые эпизоды. Когда обойдет жребий всех «13» — роман будет весь прочитан с начала до конца, и та невязка, которая несогласованно между отдельными главами получится, та естественная несогласованность, которая моментами будет вылезать из разных кусков, та, наконец, общая кривизна всей конструкции, которую не избежать 13 авторам, — будет связана, согласована и выпрямлена уже общими усилиями или всего коллектива в целом, или стараниями той «редакционной комиссии», которая займется монтажом романа.

13 пишут усердно. Через жеребьевку прошло уже шестеро, и пока дело идет гладко в смысле соблюдения основных требований. Роман динамичен, интрига его занимательна, современность и революция в нем отражена ярко и глубоко. Уже наметились главные герои, уже успело действие романа из Украины перекинуться в Москву. Уже прошли картины гражданской войны на юге и встает перед нами Москва 1920 года...

Трудно, конечно, судить, чем закончится опыт коллективного творчества и в какие выльется он формы. Но самая попытка 13 современников подойти к современности и попытаться отобразить ее — чрезвычайно любопытна.

И если роман будет доведен до конца, то получится весьма ценный человеческий документ, свидетельствующий о том, какой представлялась ре-

волюционная Россия 13 парам глаз, внимательно и зорко наблюдавшим величайшую эпоху, смысл и трагическое величие которой эти «13» старались осознать по мере своих сил, таланта и чуткости... (Юрий Соболев, "...Слушай", *Эхо*, 1923, № 6, 1 февраля, с. 21—22).

21. Александр Константинович Воронский (1884—1937, расстрелян), литературный критик и теоретик искусства.

22. Во 2-м выпуске альманаха *Наши дни* (М.: Госиздат, 1922) были напечатаны три рассказа Лидина из книги *Мышинные будни: Королева Бразильская, Проходным двором и Еврейское счастье*.

23. Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928), литературный критик. В сентябре 1922 г. арестован и затем выслан из России. Находился с Соболев в приятельских отношениях и после его смерти отозвался некрологическим очерком, напечатанными в берлинском *Руле* (1926, № 1681, 16 июня, с. 2—3).

24. Как было сказано выше (прим. 2 к п. № 1), Мович (Матусевич) 23 августа 1922 г. был выслан за границу и жил в это время в Берлине.

25. Что имел в виду Соболев, остается неясным: альманах *Книга* имел лишь два выпуска: 1-й (Пг.: Книга, 1920), в котором принял участие сам Соболев с повестью *Закон*, и 2-й (Пг.; М.; Киев: Книга, 1920); другие издания, носившие подобные названия и выходившие в данное время, неизвестны.

№ 38

<б/д>

Дорогой, оставляю тебе 150. Вчера не пришел, ибо кончилось в 12 ¼, а пока я дошел бы — было бы совсем поздно, — так что пошел с друзьями. Народу было порядочно. Овадий¹ очень хорошо прочел твой рассказ. Читали все очень длинно: Пильняк три раза — в общем, наша писательская братия сволочная.

Приехала мама, но я приложу все усилия, чтоб сегодня забежать к тебе в 8—9 часу.

Целую тебя крепко.

Андрей

1. Овадий Герцович Савич (1896—1967), прозаик, переводчик, журналист, актер.

<б/д, лето 1924>¹

Вольдемар,

эти два оттиска взял у тебя Юрочка <Соболев>: он решил, что именно это ты просил отправить, он был у тебя. Но ты не оставил ни пакета целиком, ни разрешения на отправку чехам.

Хохэм!²

Андрей

1. Датируется по контексту.
2. Умник (*ашкеназит*).

<б/д, июль 1924>²

Эпиграф:

Для вас, сволочей, не жалею и
хорошей бумаги
(бумага получена Н. Ашуки-
ным в день его юбилея:
сволочи, цените!)

— Ангидрид — вашу перекись!

Дорогие, многоуважаемые братья Кук-и-Пири³ (в мире Павел и Велвеле, он же Владимир), не знаем, пьете ли вы чай с тюленьим жиром (любимый напиток северян — см. соч<инения> ак<адемика> Лапласа, стр. 1925, изд. 1756 in quarto, гаря), — мы же пьем Абрашку⁴ (не смешивать с Абрамом из Наркомпроса). И пьем вот по какому случаю: страдающий воспалением тройничного нерва (*talis dorsalis!*) Юрий Чехович Соболев (см. комплект *Рампы* за 1914 г.)⁵ — по предписанию друга Чехова, психиатра Г. И. Россоломо,⁶ отправляется на Кавказ, на Кислые Воды, чинить упорно не работающий член.

В честь его едим: горький сыр, балык с тухлинкой, кислые огурцы и еврейского заместителя M-dme Кликo (Абрашку!). Наш друг Николай от трудов тяжких в *Кр<асной> Ниве*⁷ нажил ячмень: не сеял, не жал, а получил.

Андрей (это я), как сообщено в письме Юрия, занимается, деликатно выражаясь, смычкой с акушеркой еврейского вероисповедания. Володя Ютанов⁸ сидит в потертой буржуйской пижаме и перечисляет сорта шампанского, которые он пил еще тогда, когда имел отцовские деньги и собственный дом, который он ныне арендует.

Я же, Николай Ашукин, прерывая юмористику, серьезно говорю о делах:

— Павел!

Ты без правил.

Пусю ты оставил

без копья!

Мы сделали все, что могли (см. письмо Соболева), но за кудрявую твою голову (даже под залог головы Андрея) никто ничего не дает.

Наши советы:

1) *Совет Андрея*: Не якшайся с поморками, ибо они пахнут жиром тюленей и у них вместо известного места западня из китового уса. Дальше: когда ляжешь спать с самоедкой, прочти предварительно Слово о полку Игореве.

2) *Совет Юрия*. Даже ебая самоеда, вспоминает о Чехове, который употреблял черную женщину на Цейлоне и имел от сего большое удовольствие (См. письма Чехова, т. III).⁹

Совет Ютанова. Носить бобровый, а не испанский воротник (бобровые дешевле, а обрезание гигиенично).

Совет Николая. Если уедешь из Лапландии, оставь само-едке деньги; надо быть порядочным даже в карточных долгах (совет Андрея).

А впрочем, мы вас все любим, ценим, а русская литература (конечно) уверена, что Вы откроете новые северные полюсы в искусстве слова. Ура! Пирр, Банзай, Nosh <нрзб.> Хуй!

<далее следуют подписи:>

В. Ютанов

С подлин<ным> верно Секретарь Андрей

Н. Ашукин

Ю. Соболев

Место печати или... (1001 ст<раница>

1. Данное письмо представляет плод коллективного творчества.
2. Датируется по контексту. В это время Лидин вместе с поэтом, прозаиком и переводчиком Павлом Сергеевичем Сухотиным (1884—1935) были участниками северной экспедиции.
3. Авторы письма в шутку называют Сухотина и Лидина именами двух знаменитых путешественников: британского военного моряка, картографа, первого исследователя Антарктики и северной Атлантики, открывшего ряд островов в Тихом океане Джеймса Кука (1728—1779), и американского исследователя Арктики Роберта Эдвина Пири (1856—1920), который официально считается первым человеком, достигнувшем Северного полюса.
4. Шутливое обыгрывание бражки (браги).
5. Ю. Соболев был одним из известных специалистов по творчеству Чехова.
6. Григорий Иванович Россолимо (1860—1928), невропатолог и дефектолог; однокурсник и близкий друг Чехова.
7. Речь идет о Н. Ашукине (см. прим. 3 к п. 11), который был секретарем журнала *Красная нива*.
8. Владимир Павлович Ютанов (1876—1950), писатель.
9. Имеется в виду письмо А. П. Чехова А. С. Суворину от 9 декабря 1890 г., где он сообщал:

Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами (А. П. Чехов. *Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти томах: Письма в 12-ти томах*, т. 4. М.: Наука, 1976, с. 140).

<на почтовой бумаге со штемпелем:
Всероссийский Союз писателей
Секретариат
Москва
Тверской бульв<ар>

29 июля 1924 г.

Милый Вельвеле, ты хорош гусь — ведь не могу я отправить рукопись чехам, ибо ты забыл оставить разрешение на отправку. Значит, до твоего возвращения, если тебя только не слопают белые медведи. В Москве скучища безмерная. Николай <Ашукин>, поступив в *Красную Ниву*, стал мрачнее безработного члена, Юрочка <Соболев> по-прежнему кричит на меня, хватается за головку; недавно мы с ним сидели в *Ель Да Рада*,¹ он не сводил глаз с какой-то уродины и уверял меня, что она прекрасна, а перед нами были две голые бутылки пива — и все. Он едет в субботу в Пятигорск. Я овдовею вторично. Все дни дождило, только вчера да сегодня солнечно. На Союз надвигается гроза: завтра ревизия — комиссия из МКХ, Муни, РКИ² и пр. Это все штучки балетного Адама. Поэтому Алексей Иванович³ уже третий день хватается за свою грудную жабу, уверяет, что из-за того, что незаконно выдали секретариатке жалованье за 5 месяцев вперед. Фурман денег не платит,⁴ я курю скверные папиросы, авансов за версту не видать, все в природе устроено глупо. Образ жизни веду монашеский, а с отъездом Юрочки совсем приму великий постриг и вырежу себе яйца. Легче, проще и не так потно.

К тебе загляну завтра. Юрий был на даче, у тебя все благополучно.

Пока я мечтаю о поездке. Но если уж поеду, то утру нос всем твоим китобойным суднам и спардэкам. Скандалов никаких, Алексей Ив<анович> собирается в саду повесить лампочку, чтоб уж не так усердно поливали союзную землю протоплазмой. Милый, а скачаю сейчас ахово. Изнываю. Если

я не уеду в начале августа, то возьму да повешусь. Говорят, что с тобой едет какой-то Павел Сухотников. Так вот скажи этому фрунту, что люди 6-ой книги⁵ обыкновенно пишут с дороги своим друзьям, а не ограничиваются поклоном. Если он хочет — я могу ему выслать спешной почтой пару кальсон по адресу: Шпицберген, Сухотникову, 900 широты. Милый, не забывай, пиши, а я потом твои письма дам для Музея Николаю — и ты прославишься.

Целую тебя крепко. Только не женись на поморке, они воют и у них вместо одной необходимой вещи западня из китового уса.

Обнимаю.

Твой А<ндрей>

<приписка, сделанная через день на первой странице письма, «вверх ногами»:>

30-го <июля 1924 г.>

Еду, еду, еду! Уррра!! Еду: Москва — Ташкент — Коканд — Самарканд — Бухара, по Аму-Дарье, Аральское море — Хива, 7 дней верхом по пустыне, Красноводск, Каспийским морем в Баку, Тифлис, Батум, Феодосия.⁶ Ага, позеленели твои тюлени? Держись!!!

А<ндрей>

1. Комическое переименование названия столовой *Эльдорадо*, находившейся по адресу: Тверской бульвар, № 28. С этой столовой связан рассказ Соболя *Эльдорадо*.

2. МКХ — Московское коммунальное хозяйство; МУНИ — Московское управление недвижимых имуществ; РКИ — рабоче-крестьянская инспекция. Любопытно, что чуть более, чем через месяц, 3 сентября 1924 г., М. Булгаков записал в своем дневнике, комментируя проблему квартирного «уплотнения»:

Был у писателя Лидина. У него взяли комнату на учет. Он агентам <Муни> сказал:

— Где же я буду писать?

Ответили:

— Здесь пишите.

И Лидин рассказал, что один гражданин обвенчался с барышней, с которой встретился случайно на улице, чтобы только она въехала в его комнату. Второго такого я знаю сам — еврей Раввинов просил сегодня (в магазине Радуга), чтобы ему рекомендовали какую угодно женщину. Немедленно венчается с ней в Загсе и даже ужином будет кормить, лишь бы въехала (комната более 16 аршин) (М. Булгаков. *Дневник. Письма. 1914—1940*. М.: Современный писатель, 1997, с. 70).

3. А. И. Свирский, см. прим. 8 к п. № 37.

4. Соболев ожидал в это время решения вопроса о рабочей поездке на юг и в счет своих будущих статей в тифлисской газете *Заря Востока* надеялся на аванс. Речь идет о представителе газеты *Заря Востока* в Москве Фурмане, которого упоминается также в дневнике М. Булгакова (запись от 25 июля 1924 г., т.е. относящаяся примерно к тем же дням, когда написано письмо Соболева):

Был у наглешего Фурмана, представителя газеты *Заря Востока*. Оттуда мне вернули два фельетона. Больших трудов стоило у Фурмана забрать назад рукопись, — не хотел отдавать, т.к. за мною 20 рублей. Пришлось написать ему расписку, что верну эти деньги не позже 30-го числа (М. Булгаков. *Дневник. Письма. 1914—1940*, с. 66—7).

5. Соболев (который шутливо искажает фамилию Сухотина), очевидно, имеет в виду только его сборники стихов, поскольку, включая другие книги, он написал к этому времени несколько больше: *Астры: Поэмы отошедшему*. М., 1909; *Стихотворения: (Полынь)*. М., 1914; *Царская жемчужина: Сказка*. М., 1914; *В черные дни*. М., 1922; *Поминки поэту: Сцены*. М., 1922; *Календарик: Сказки и побаски*. Берлин; Пг.; М., 1923 (в 1924 г. вышел 7-й сборник: сказка в стихах *Семипудовый пшик* (М.; Л.; Саратов; Воронеж; Берлин)).

6. В конечном счете планы изменились, и Соболев ограничился путешествием по Закавказью.

№ 42

Владикавказ. 30-го авг<уста> 1924

Знаменитому полярному путешественнику, тому, кто отважно открыл Семь Островов Ледовитого океана, привет. Часа через полтора недурная лошадка повезет меня по Военно-Грузинской в Тифлис. Оттуда начну объезд Закавказья. 1—2-го октября буду в Москве и с удовольствием пожму твою тюленью лапу.

Пью пиво за твое, Юрочкино <Соболева>, Николая <Ашукина> и Пашино <Сухотина> здоровье!

В Тифлисе (после серной бани) за вас же, черти, выпью стаканчик настоящего кахетинского — не Винторга, а в духане, где шашлык будет не такой, как в Ель да Раде.

Так, по правде говоря, ты свинтус — не ответил мне на мое письмо в Архангельск.

Очень было досадно, что пришлось уехать из Москвы, не повидав тебя, но у меня уже был билет, а ты должен был (по словам твоей мамы) только через три дня приехать.

Дышу полной грудью. Обжирюсь виноградом. Пока еще восточные облики и гортан<ные> голоса с всклекотом не надоели.

Не хочется думать о том, что впереди опять Москва, редакции, пивные.

Зато впереди 3—4 дня по Воен<но>-Грузин<ской>, потом, после Тифлиса, верхом в горы, аулы у черта на куличках, ночи в горах — хочется думать, что редакция *Зар<и> Вост<ока>* даст мне интересный маршрут, не городской. Во всяком случае, Военно-Осетинская дорога будет. А обратный путь в Москву таков: Батум и оттуда по побережью (часть морем, часть шоссе) до Сухума, от Сухума уже поездом или даже не до Сухума, а до Новороссийска.

О печальном недоразумении с рукописями (с отправкой) ты уже знаешь из моего письма. Дней 10 я прожил в Коктебеле.¹ Народу там у Волошина уйма. Часто встречался только с Гроссманом и Белом <sic>. О Белом, когда приеду, расскажу тебе кое-что занятное. Там и Брюсов со своей «Адалиской<»>. Препотешная пара. Он безмерно постарел, сед, а она вертит им. И там он добр и ласков и пишет и читает плохие стихи.²

Один день я чудесно провел в Огузах.³ Пригласили меня туда читать Высш<ие> Воен<но>-Полит<ические> Курсы (они из Питера на отдыхе). Поехали туда Т. И. Сорокин⁴ и я. Во втором часу ночи попали в усадьбу одной дамы, которая замужем за 75-лет<ним> стариком. У этого старика прекрасные

вина. Ночью с хозяйкой лазили осторожно в погреб за вином. Хозяйка, увы, в три аршина обхватом, вся в веснушках, на местных благотворительных вечерах прескверно поет арию Лизы из *Пиков<ой> Дамы* и говорит о том, что жизнь ее загублена. В пятом часу ночи Сорокин облачился в одеяло, поднял кукурузную палку и заявил, что он папа римский. Уже светало, когда улеглись. И тут (Сорокин уверяет), что вышла из дому за водой чудесная армяночка. Но я спал. Потом до парохода с курсантами дули вино, а итальянцы (беглецы из Италии, тоже слушатели Академии) пели свои песни.

Красивые парни, — дрались с фашистами, в Отузах с ума сводят местных девиц. Когда говорят о своей Италии — глаза у них горят.

Ну, будь здоров. Всем привет.

Еще напишу из Тифлиса. Надеюсь, ты в полном здравии и охота за китами (и за... в Архангельске) и твое близкое знакомство с лапландками не отразились на твоём прекрасном облике.

Россия ждет с нетерпением твоих новых рассказов из жизни обитателей Ледовитого океана. Кстати, погибающая дама в Отузах никогда не слыхала про писателя Лидина.

Но не волнуйся, так же она и не слыхала про Тютчева.

Обнимаю тебя.

Твой Андрей

Владикавказский Архипелаг
Грузинское море
Ни одного острова
Август 1924 г.

1. Соболев сообщил о своем приезде к Волошину еще до написания предыд. письма, см. в письме А. Белого, который, находясь в Коктебеле, в письме Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г. сообщал: «<...> скоро придет Андрей Соболев» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. *Переписка* / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; Подг. текста

Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum—Феникс, 1998, с. 295).

2. О посещении Коктебеля В. Я. Брюсовым, который приехал туда в августе 1924 г. в сопровождении своей последней возлюбленной, поэтессы Аделины Адалис (наст. фам. Аделина Ефимовна Ефрон; 1900—1969) (Соболь обыгрывает созвучие ее псевдонима с одалиской), существует большая литература, см. написанный позднее очерк упоминающегося в письме Соболя Л. Гроссмана *Последний отдых Брюсова* (Свисток: сборник литературного общества Никитинские субботники (Москва), 1926, № 4, с. 281—94; перепеч. в его кн.: *Борьба за стиль: Опыты по критике и поэтике*. М.: Никитинские субботники, 1927, с. 292—294; 2-е изд., 1929; очерк был включен также в 4-й том пятитомного собрания сочинений Гроссмана, см.: Леонид Гроссман. *Собрание сочинений: в 5-ти томах*, т. 4. М.: Книгоизд-во «Современные проблемы», 1928, с. 270—284); впервые свои воспоминания о последнем лете Брюсове он прочел 15 ноября 1924 г. на заседании *Никитинских субботников*. Ср. также в *Начале века* (1933) А. Белого (М.: Художественная литература, 1990, с. 516—517), в воспоминаниях А. П. Остроумовой-Лебедевой *Автобиографические записки* (М.: Изобразительное искусство, 1974, т. 3, с. 62—63); см. также опубликованные К. М. Азадовским и А. В. Лавровым фрагменты воспоминаний Волошина в: „Переписка <В. Я. Брюсова> с М. А. Волошиным“, *Литературное наследство*, т. 98: *Валерий Брюсов и его корреспонденты*, кн. 2. М.: Наука, 1994, с. 394—399; В. А. Мануйлов, „Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин“, *Брюсовские чтения*, 1971, с. 458—474; Вл. Купченко, „Лето 1924 года в Коктебеле“, *Новый журнал*, 1987, № 168/169, с. 239—259.

3. Село Отуз (ныне Щebetовка) расположено на юго-восточном побережье Крыма возле горного массива Кара-Даг, что в Феодосийском районе.

4. Тихон Иванович Сорокин (1879—1959), искусствовед, переводчик. Волошин познакомился с ним в Париже, очевидно, через И. Эренбурга, первая жена которого, Екатерина Отговна (урожд. Шмидт; 1889—1977), вышла замуж за Сорокина (осень 1913 г.). См. о нем в мемуарах Эренбурга *Люди, годы, жизнь*.

№ 43

Мцхет. 2 сентября <1924>¹

И еще кланяюсь Николаю Ашукянцу² и кланяюсь низко Юрочке <Соболеву> (только, пожалуйста на кричи на меня), и еще Павлу Ледовитому <Сухотину> и штурману дальнего плавания морскому волку Володе.

Так вот, милые мои, только что прибыл сюда, 4 суток пробыв на Воен<но>-Груз<инской>, а сейчас сижу на вокзале и жду поезда в Тифлис.

На Воен<но>-Груз<инской> пил чудесное вино, а затем по дороге остановили меня грузины, весьма и весьма на взводе, и в честь окончания полевых работ попросили выпить с ними. И преподнесли мне они сосуд вместительный (не наши дурацкие стаканы, а рог), и выпил я изрядное количество арака.

Ах, ядовитая это штука. Братцы, бьет сразу.

А вот сейчас на этом вокзальчике стойка, а на стойке — коньяк настоящий, 4 звездочки.

Но в кармане у меня пусто — и пью чай. Но вот когда я в Тифлисе получу вспрыскивание в виде гонорара из *Зари Востока* — тогда я не только выпью, но клянусь нашей 10-летней ненарушимой дружбой, что привезу с собой несколько девственных бутылок.

Бросаю писать: скоро поезд, да и не сидится, — гудит тело, лицо горит. Ведь четверо суток я провел под солнцем — изжарился.

Хочется вас всех уже увидеть. Пятый день не вижу газет, не знаю, что творится на свете. Не знаю, где Москва, где редакции.

Крепко вас всех обнимаю. Хоть изредка вспоминайте меня. И в первой пивной издали пошлите мне привет.

Сергею Александровичу горячий привет.³

Ваш Андрей

1. Год определяется по контексту.

2. Ашукину.

3. Речь идет о Есенине. Известно, что Соболев в качестве одного из судей принимал участие в «общественном суде», состоявшемся в Доме печати 10 декабря 1923 г. и получившем название «дела четырех поэтов» — С. Есенина, П. Орешина, С. Клычкова и А. Ганина, обвинявшихся в антисемитизме: 20 ноября 1923 г. в пивной на Мясницкой они якобы устроили скандал, сопровождавшийся бранью в адрес евреев. Среди прочих (Вяч. Полонский, В. Львов-Рогачевский, А. Эфрос) Соболев занял сочувственную по отношению к обвиняемым сторону. В результате произошедший инцидент был

квалифицирован как пьяный дебош, а не антиеврейская выходка. По воспоминаниям В. Ходасевича, который встречал Соболя в Сорренто, тот рассказывал ему, что так «крыть» большевиков, как это публично делал Есенин, не могло и в голову прийти никому в советской России; всякий сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян (В. Ходасевич. *Собрание сочинений: в 4-х томах*, т. 4. М.: Согласие, 1997, с. 148).

№ 44

Мугань.¹ 15 сентября. Милый Володя, сейчас едут, где почта — вот пользуюсь случаем, чтоб черкнуть. Четвертый день тут — и все не хочется уехать. Занятно тут. Был в гостях у кочевников, ездили к шлюзам, где у тюрков жрал баранину, был на охоте за кабанам — ночь просидели в камышах. Езжу по степи, гляжу, как гуси тянут к озерам. Вчера видел соколиную (запрещенную, соб<ственно> говоря) охоту за турачами,² — змей тут, черепах и пр<очего> уйма. И джейраны — очаровательные создания.³ И — вчера ночью беседа о литературе с человеком, который нас всех на зубок знает.

Сегодня последний объезд хлопков<ых> плантаций — и двигаюсь к Белясувару <sic>,⁴ к границе Персии, оттуда в Ленкорань⁵ и в горы, а потом в Баку и в Горный Карабах.

Привет Юроч<ке Соболеву>, Никол<аю Ашукину> и Паше <Сухотину>. Обнимаю.

Твой Андрей

1. Мугань, Муганьская степь (равнина) — территория, простирающаяся к востоку от Карабаха до побережья Каспийского моря.

2. Турач (или франколин) — птица семейства фазановых отряда курообразных.

3. Джейран — парнокопытное млекопитающее из рода газелей.

4. Белясувар — город в Азербайджане, расположенный на Муганской равнине (около 200 км от Баку).

5. Ленкорань (Лянкяран) — город в Азербайджане.

Sorrento, 12 февр<аля 1925> Адр<ес>: Andrea Sobol
Pension Minerva
Sorrento
Italia

Милый Володя, ну вот я на месте — и уже устроился, более или менее сносно. Конечно, в самом дешевом пансионе, ибо слухи об итальян<ской> дешевизне сильно преувеличены. Большую услугу по части комнаты, пансиона и пр<очего> оказал мне сын Горького.¹ Горький принял меня очень хорошо, очень внимательно. Пансион мой рядом с ними. Тихо, комната светлая, чистая. Видел я Ходасевича² — просил он тебе передать привет.³ Была у меня с Горьким при первой встрече очень интересная беседа — говорили долго.⁴ Вот когда отдохну после дороги, городов и лиц — побеседуем.

А теперь о твоём деле. К сожалению, когда я был в Риме — твоих бумаг в министерстве иностр<анных> дел еще не было. Тогда все было бы сделано в два счета. Но ты не беспокойся: я был в нашем посольстве, говорил с Рембелинским⁵ и еще с некоторыми товарищами из миссии — и мне было заявлено, что будет оказано всяческое содействие к тому, чтоб ты самым скорым манером получил визу. Это обещание *не на ветер* — и как только твои бумаги получатся — в миссии окажут всяческое содействие, и ты весьма и весьма скоро получишь визу. Словом, то, что ты просил, — я сделал. Теперь дело твое держать меня в курсе твоего возможного путешествия.⁶

И если хочешь только — отзовись скоренько, сам понимаешь, как я буду рад письмам из России. Вот уже 10 дней, как я из Москвы — и такая тоска по ней.

Что у нас в Союзе? Как прошло первое заседание Правления?

Что друзья?

Пиши, Володя, — не забывай меня. Боже, как брешут о нас белогвардейские газеты! Какие гадости пишут про нас, мо-

сковских писателей. Вот попалось мне статья Арцыбашева, в частности обо мне — предел лжи, мерзости.⁷

Ну, кончаю: очень я устал с пути. Хочу скорее успокоить тебя, чтоб ты знал, что я про тебя не забыл, что для визы твоей я все сделал. А теперь жду твоего письма. Только скоренько отзовись.

Журнал *Беседа*,⁸ по-видимому, кончился. В Берлине с русскими издательствами — форменный гроб. В Италии о молодой русской литературе ничего не знаю<т>, но переводчики хотели бы дать кое-какие понятия о нас, да итальян<ские> издатели не платят.

Есть у меня предложение: собрать альманах современ<ной> русской литературы, листов 7—8 — но с тем, чтоб мы переводчика поддержали небольшим авансом, а потом, когда книга выйдет и если пойдет — то доход пойдет по 3 линиям: издателю, переводчику и малая толика нам. Как ты находишь, стоит об этом подумать?⁹

Ну, прощай, Володя. Жду твоего письма.

Твой Андрей

Только пиши заказным.

1. Максим Алексеевич Пешков (1897—1934), сын Горького и его первой жены Екатерины Павловны Пешковой (урожд. Волжина; 1876—1965).

2. К встречам с Соболев в Сорренто В. Ходасевич обращался несколько раз, см.: Владислав Ходасевич, „Парижский альбом“, *Дни*, 1926, № 1033, 20 июня, с. 3; Гулливер <Ходасевич>, „Литературная летопись“, *Возрождение*, 1936, № 4041, 29 августа, с. 7; в книге *Некрополь* (1939) (гл. о Горьком).

3. О знакомстве Лидина с В. Ходасевичем см.: Письма В. Ф. Ходасевича — В. Г. Лидину (1917—1924) / Публ. И. Андреевой, *Минувшее: Исторический альманах*. 14. М.; СПб.: Atheneum—Феникс, 1993, с. 414—438.

4. В письме, отправленном на следующий день, 13 февраля, Ю. Соболеву, Соболев писал:

Горький встретил меня ласково-чутко и хорошо подошел ко мне, предложил мне пользоваться его книгами, просил почаще заглядывать, предложил мне после занятий гулять вместе. <...>

Я, конечно, заглядывать к Горькому буду, но редко: не хочу быть навязчивым и надоедливым. Да, Горький, конечно, очень интересен, разговоры

с ним весьма заняты, но я, как только речь заходит о знаменитостях, становлюсь очень самолюбивым, потому лучше реже бывать и меньше встречаться. Горький-Горьким, а я сам по себе. В первый же день проговорили с ним часа три. Была очень интересная во всех отношениях беседа. Он умеет не только говорить, но и слушать и от человека узнавать самое существенное, потому с ним легко говорить. Вид у него более или менее крепкий, только здорово кашляет. В Москву он пока не собирается, думает еще годок пробыть тут (РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, ед. хр. 524, л. 11).

О том же — свой близкой знакомой, Б. А. Фаивуш (Файвуш):

Встречал меня очень ласково, очень по-человечески хорошо Горький, звал почаще приходить, но знаю, бывать буду редко, не люблю и не хочу навязываться (Б. Фаивуш, «Отрывок из материалов к биографии Андрея Соболя (К годовщине смерти)», *Красная газета* (веч. вып.), 1927, № 151 (1469), 4 июня, с. 4).

Или в другом письме ей же (от 7 марта 1925 г.):

У Горького бываю не очень часто. Не хочу и не люблю быть навязчивым и надоедливym. С ним очень и очень интересно: это исключительно крупный человек. Больше всего люблю слушать его, хотя у него замечательный дар так слушать другого, что тот другой самое лучшее в себе выкладывает на тарелку, незаметно для самого себя (ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. РЛ—72/46).

О появлении Соболя в Сорренто Горький сообщал в письмах разным корреспондентам: Д. А. Лутохину (23 февраля 1925): «Приехал Андрей Сობоль, рассказывает о литераторах, о „быте“» („А. М. Горький — Д. А. Лутохину“, М. Горький. *Неизданная переписка (Архив А. М. Горького, т. XIV)*. М.: Наука, 1976, с. 393); З. Пешкову (20 марта 1925): «Пришел писатель Сობоль, недавно явившийся из России» (“...Какой-то кусок моего сердца крепко сросся с тобою»: Из переписки Горького и Зиновия Пешкова. 1922—1925 гг.” / Вступ. ст., подг. текста и прим. А. Евдокимова, *Горький и его корреспонденты (Серия «М. Горький: Материалы и исследования, вып. 7)*. М.: ИМЛИ РАН, 2005, с. 310). Комментирование этих писем сопровождается одно и то же ошибочное утверждение, будто бы Сობоль приехал в Сорренто исключительно для того, чтобы увидеться с Горьким или даже погостить у него. Впрочем, это мнение, в котором явно различимы «советизированные» коннотации зарубежного путешествия писателя, родилось не сегодня: близко знавший его литератор И. И. Кром, в короткой записке, датированной 8 августа 1948 г. и, вероятно, связанной с передачей письма Соболя в ОР ИМЛИ, писал:

В надежде освободиться от своего душевного разлада и найти себя, он повсюду искал внешней опоры — и наконец устремился в Сорренто к А<лексею> М<аксимовичу> Г<орькому> как к самой надежной пристани (ИМЛИ, ф. 180, оп. 1, № 22).

Уже после отъезда Соболя из Сорренто Горький писал В. Вересаеву (письмо от 24 апреля 1925), упоминая имя своего гостя как источник информации:

Как Вы живете? Соболев говорил: не очень весело? (Архив А. М. Горького. А. М. Горький. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову. М.: ГИЗ, 1959, с. 122).

Возможно, Горький произвел на Соболя гораздо более сложное и неоднозначное впечатление, нежели то, которое он излагал разным корреспондентам. Во всяком случае, в одном из его писем, В. Юрезанскому, имеется фраза (которой он, по всей видимости, пытался ответить на вопрос своего корреспондента о впечатлении, вынесенном после соррентийской поездки):

О Горьком? Милый друг, тут надо все сказать или ничего. И я предпочитаю все это рассказать при встрече, в которую я верю, ибо, по-видимому, в конце июля мне придется быть в Харькове (РГАЛИ, ф. 2523, оп. 1, ед. хр. 195, л. 21 об.).

Что касается Горького, то он Соболевом, судя по всему, никогда очарован не был (см., в частности, прим. 23 к п. 2) и после его последнего, «состоявшегося», самоубийства писал 17 июня 1926 г. А. П. Чапыгину жестко и безжалостно:

Соболев застрелился. Мне его как-то не жалко. Был он бездарен, самолюбив и невыносимо истеричен. Был он невежествен. Стреляться он собирался и здесь, в Сорренто. Пил — напоказ. Нет, не жалко (М. Горький. *Собрание сочинений: в 30-х томах*, т. 29. М.: Гослитиздат, 1955, с. 470).

5. Владимир Николаевич Рембелинский, дипломат; работник посольства советской России в Италии. В. Ходасевич рассказывает о том, что он попросил приятельствовавшего с Рембелинским Соболя, отправлявшегося в Рим, продлить его паспорт:

<...> Соболев собрался в Рим, намереваясь, между прочим, посетить своего приятеля, секретаря полпредства. Желая измерить температуру моих отношений с начальством, я дал Соболеву свой советский паспорт, по которому уже не жил и срок которого кончился. Этот паспорт я просил пролонгировать. Вернувшись, Соболев отдал мне паспорт без пролонгации и сообщил, что секретарь полпредства ему сказал: «Верните паспорт Ходасевичу, и забудем обо всем этом, потому что я обязан не пролонгировать его паспорт, а поставить визу для немедленного возвращения в Россию». На вопрос, за что такая немилость, секретарь ответил, что я оказываю дурное влияние на Горького. Курьезная и жалостная подробность: бедный Соболев был совершенно уверен, что, если бы секретарь прилепнул к моему паспорту обратную визу, я бы так сразу в Москву и кинулся (В. Ходасевич. *Собрание сочинений: в 4-х томах*, т. 4. М.: Согласие, 1997, с. 366—367).

Впоследствии оказавшись в Италии (см. след. прим.), Лидин встречался в советском посольстве с В. Н. Рембелинским и рассказал ему об эмигрировавшем в Италию Вяч. И. Иванове, которого также посетил в Риме:

День спустя я рассказал нашему консулу Владимиру Николаевичу Рембелинскому, что в Риме живет Вячеслав Иванов, рассказал и о том, что он в совершенстве знает итальянский язык. Владимир Николаевич Рембелинский был одним из самых фантастических людей, которых когда-либо я встречал: он был спартанцем и эпикурейцем в одно время, мог спать на полу в солдатской шинели, подостлав для тепла газеты, мог читать наизусть Тютчева и определять звезды, как астроном.

— Вячеслав Иванов? — спросил он. — Разве он живет в Риме?

Что-то произошло вдруг с Рембелинским, глаза его устремились в одну точку за раскрытым в сад посольства на Via Gaeta окном, мне показалось, что я насмерть испугал его именем Вячеслава Иванова. В ту же минуту Рембелинский ринулся к двери и исчез. Мгновение спустя я увидел его в саду: он прогнал кошку, приготовившуюся схватить птенца.

— Вячеслав Иванов? — спросил он вернувшись. — Разве он живет в Риме? Скажите об этом Платону Михайловичу.

Нашим послом был тогда широко просвещенный литератор Платон Михайлович Керженцев (Вл. Лидин. *Люди и встречи*. М.: Московский рабочий, 1965, с. 192—193).

6. Путешествие Лидина в Италию действительно вскоре состоялось, см. его очерки *Италия, На земле Литургии, Страницы Флоренции, С рыбаками на Капри* (все — 1925) в кн.: Вл. Лидин. *Пути и версты*. Л.: Прибой, 1927, с. 93—117. В частности, он, как и Соболев, побывал в Сорренто, посетил Горького, об этой встрече см. его очерк *Горький* (там же, с. 180—182) и более поздний — *День в Сорренто* в кн.: Вл. Лидин. *Люди и встречи*. М.: Московский рабочий, 1965, с. 7—11. См. к этому письмо № 47, которое написано Соболевым Лидину в Италию.

7. Речь идет о статье М. Арцыбашева *Протест*, напечатанной в рубрике *Записки писателя* в двух номерах варшавской газеты *За свободу!* (от 31 января и 1 февраля 1925 г.) и связанной с поданной в совнарком петицией советских писателей о засилье цензуры и подавлении свободы творчества.

8. Редактировавшийся Горьким (при ближайшем участии проф. Б. Ф. Адлера, А. Белого, проф. Ф. А. Брауна и В. Ф. Ходасевича) журнал *Беседа* издавался в берлинском изд-ве *Эпоха* с 1923 по 1925 г. (всего вышло семь номеров). В *Беседе* (1924, кн. 4, с. 177—203) был напечатан рассказ Лидина *Зацветает жизнь*.

9. Данный замысел осуществлен не был.

Sorrento, 5 марта 1925 г.

Дорогой Володя, очень рад был твоему письму. Нет, ты не прав — не было сухости в моем письме: мне просто очень и очень нехорошо, — одолела тоска и не знаю я, куда и как бежать от нее. Не отдохнул я здесь, не пришел в себя и не отдохнул. Ну, ладно, не будем об этом говорить — достаточно я сам себе надоел.

Ну, вот, милый, постараюсь ответить тебе на все твои вопросы. Я попал сюда в неудачное время. Солнца и в помине нет, все время пасмурно, и холодно, и дождливо. А когда начинает волюнку заводить проклятый сирокко — я балдею. Потому и работа не клеится и почти не пишу, а погода такая, что никуда нет охоты пойти. Изредка захожу к Горькому, изредка встречаюсь с Владис<лавом> Фелиц<иановичем> Ходасевичем> (умный он человек), но не много, ибо не хочется быть надоедливym и навязчивым. Чаще всего лежу у окна, гляжу на мрачный Везувий — и тянет, тянет к себе — в Москву, пошатать по московским улицам — и тоскливо спрашиваю себя: ну, а что дальше? Нет, Володенька, раз человек ушиблен тоской, то даже персиковые в цвету деревья не радуют, даже новые города и новые встречи.

Теперь относительно тебя: сегодня же, одновременно с этим письмом, пишу в Рим Рембелинскому, напоминаю ему о его обещании оказать всяческое содействие. Хорошо, что и ты написал.

Я последнее время усиленно принимаю разные шаги на счет визы в Париж. Не имеет смысла здесь сидеть, раз нет солнца и нет отдыха, да потом хватит, пожил тут три недели. Имел я письмо от Ильи <Эренбурга>. Он пишет, что в Париже жизнь дешева;¹ что же касается московских сведений об итальянской дешевизне — то они оказались весьма преувеличенными — и со дня на день все дорожает. Сомневаюсь, чтоб я получил визу, да и ждать долго я не смогу. Так или иначе, но

1-го апреля я должен буду уже выехать, ибо у меня в обрез до 1-го апреля и даже не хватит на обратный проезд. Здесь дорожные расходы ломают весь бюджет, потому-то я и сел на мель. Так что сомневаюсь, увидимся ли мы с тобой, ибо позднее 1-го апреля я не смогу да и *не хочу* оставаться. 1-го я отсюда выеду, по дороге еще 2—3 дня пробуду в Венеции и в Берлин, а из Берлина в Москву, так что к 15-му апреля я уже обязательно буду дома.

Ты хочешь знать, на какие деньги можно прожить в Италии?

Вот тебе краткий отчет.

Я живу в самом скромном пансионе, комната у меня небольшая. Сутки мне обходятся в 40 лир (пансион, комната, стирка моего белья, ванна и очень, очень скромно по части вина). Вот в месяц значит 1200 лир, что уже равняется 10 червонцам. Кроме того, расходы на почту, на табак. Папиросы тут отвратительные и дорогие. Мне курение обходится в день 10 лир, в м<еся>ц 300 (два с половиной червонца!) Значит в среднем мне обходится в м<еся>ц 14 червонцев вся жизнь и расходы по почте, по курению. А если куда-ниб<удь> ехать — то очень, очень дорого.

Вот я, например, 3 дня пробыл во Флоренции. Тоже скромно, шикарно, как можешь сам понять, не жил, в café бывал не перворазрядных. И эти 3 дня + железнодорожные расходы обошлись мне в 500 лир, что почти равняется 5 червонцам.

Очень дорог проезд, дороги обеды в ресторане и дерут в гостиницах.

При этом прими во внимание, что проезд Берлин—Рим стоит 600 лир (5 червонцев) II клас<с>, но как я ни хотел экономить — пришлось ехать II кл<ассом>, ибо иначе было бы 3 пересадки и одна ночевка в Болонье, куда мне заезжать как раз не хотелось.

А Москва—Берлин стоит третьим классом около 5-ти червонцев. Только билет. Теперь прибавь еду, носильщика и пр. Да из Sorrento в Рим билет около 100 лир (включая паром). Коротко говоря: с моими капиталами я не могу себе поз-

волить, например, кое-какие поездки, например, в Помпею или, допустим, в Бриндизи и т. д. Только на обратном пути заеду в Венецию. И то сомневаюсь. Все это невесело. А в Берлине жизнь еще дороже. С какими суммами ты движешься в путь — не знаю, но сообщаю тебе все цифры.

О покупках я уж не говорю. Я кое-что купил себе, немного, но я ведь раздет совершенно — и на это ушло больше половины моих скромных капиталов. Могу тебе для примера дать несколько цифр: ботинки — 100 лир, перчатки — 25 лир, пальто (Regenmandel) 350 лир, спортсмен<ский> костюм с короткими брюками — 400 лир. Конечно, в сравнении с нашими ценами это дешево, но лир-то у меня нет, хотя лира и стоит 8 ½ копейки. Хочется, конечно, и своим что-ниб<удь> привезти: Бебе, Шуручке, но боюсь, что ничего не смогу купить.

Ну, вот написал тебе и по части бюджетно-сметной. Что касается литературных дел — то в Берлине форменный гроб, все издательства подохли, а из Парижа Илья пишет мне, что и там швах и книгу устроить трудно, почти невозможно, так что о заработках за границей думать нечего. Конечно, есть журналы, газеты, но не буду же я, как и ты, сотрудничать в здешних изданиях.

В Берлине я никого из старых знакомых не видел, а Матусевича не пожелал видеть. Сейчас переписываюсь с Ильей, с Мишей <Осоргиным>.

Ну, вот, милый, так-то. Оно, конечно, необходимо для нашего брата-писателя побывать в заграничах, но особого восхищения и радости не испытываю. Об этом до сл<едующего> письма.

О смерти Гершензона знаю.² Я не был с ним близок, но и меня эта весть ударила.

Володенька, ты мне еще разок успеешь написать сюда. Так вот поделись ты со мной московскими новостями. Можешь сам понять, как мне хочется знать, как вы все живете, что у нас в Союзе, кто теперь председатель. А меня выбрали секретарем?³ Скажи, вышел 4-ый альманах *Круга*?⁴ Почему в *Извести-*

ял я ни разу не нашел объявления о наших понедельниках? Отменили их? Что подделывает вся братия? Видал ли ты хоть раз Бэбу Марковну? Если видел — напиши обязательно, как она выглядит, что и как Шурочка, если ты только знаешь что-ниб<удь> о них. Отзовись скоренько, что<бы> еще письмо за-стало меня тут. Всем друзьям, так быстро забывшим меня, все же привет передай.

Видал 2ую кн<игу> *Нового Мира* — вот скука!

А меня тут гнусно обляял Арцыбашев⁵ и еще какой-то аноним. Черт с ними! Пиши, Володя, и ответь мне на вопросы, как сделал я.

Твой Андрей

P. S. О моих денежных делах не говори никому, — может дойти до Бэбы, и она будет только напрасно огорчаться. Не забудь!

1. Занятно, что тем же днем, что и соболевское, датировано письмо Эренбурга тому же Лидину, в котором он писал:

Дорогой Владимир Германович,
доведенный до ничтожества шлюю Вам сегодня телеграмму. Не сердитесь за то, что досаждаю. Здесь весьма трудно без денег — не одолжишь даже 100 фр<анков>! (И. Г. Эренбург. *Письма <в 2-х томах>*, т. 1: 1908—1930: «Дай оглянуться...» / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004, с. 406).

2. М. О. Гершензона не стало 19 февраля. Вероятно, в письме к Соболю Лидин упомянул эту смерть. Сам он вместе с Н. Ашукиным 20 февраля пришел в дом Гершензона проститься с покойным (см. соответствующую запись в дневнике Ашукина: Николай Ашукин, „Заметки о виденном и слышанном“ / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой, *Новое литературное обозрение*, 1998, № 33, с. 233) и затем писал об этом (*Россия*, 1925, № 5).

3. Годичное собрание членов Всероссийского Союза писателей, на котором было переизбрано правление, и Соболев в том числе, состоялось 1 февраля 1925 г., т. е. накануне его отъезда из Москвы 3 февраля (см.: *Известия*, 1925, 5 февраля, с. 6) — так что об этом он не знать не мог. По-видимому, секретари и председатель (В. В. Вересаев) избирались позднее на специальном заседании правления.

4. 4-я книга альманаха *Круг*, в которой был опубликован рассказ Соболя *Когда цветет вишня*, вышел в конце марта 1925 г., см., например, в письме Б. Пильняка К. Федину от 6 апреля 1925 г.:

Ольга <О. С. Щербиновская, вторая жена писателя> лежит рядом на кровати, читает четвертый *Круг*, и вздыхает <...> (Б. А. Пильняк. *Письма: в 2-х томах, т. 2: 1923—1937* / Сост. подг. текста, предисл. и прим. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010, с. 232).

(В комментариях к этому письму рассказ Соболя по ошибке назван *Когда цветет груша*, с. 233.)

О писательском объединении *Круг* см.: А. К. Воронский. Из переписки с советскими писателями / Вступ. ст. и публ. Е. А. Динерштейна, *Литературное наследство, т. 93: Из истории советской литературы 1920—1930 годов: Новые материалы и исследования*. М.: Наука, 1983, с. 531—617; К истории «артели» писателей *Круг* / Публ., подг. текста, предисл. и прим. К. М. Поливанова, *De visu*, 1993, № 10, с. 5—15.

5. См. прим. 7 к предыд. письму.

№ 47

Москва, 11 июня <1925>¹

Дорогой Володя, только что получил твое письмо — тороплюсь тебе ответить, ибо знаю, что будешь волноваться. Завтра пятница, и завтра же на заседании Правления я поставлю вопрос о выдаче твоим 5 черв<онцев>. Не беспокойся, милый: хоть кровь из носу, я буду добиваться. Думаю, что никто не будет возражать, разве только Свирский, да и то потому, что денег у нас в Союзе действительно нет. Но выцарапаем. И в случае удачи немедленно передадим деньги Марие Алек<сандровне>.² С радостью послал бы тебе немного денег в подкрепление, но я так сижу на мели, что хоть плачь.

Юрия <Соболева> давно не видел, — он мрачен, он сейчас не «при себе»: ему очень тяжело и трудно.³ Полагаю, что он придет на заседание и твое заявление принесет, а если вдруг его не будет — то я устно заявлю.

У твоих, правда, я не был, но от поры до времени звонил. Третьего дня говорил с твоей мамой, справлялся об Аленушке,⁴ сказал твоей маме, что в случае чего — я всецело к ее услугам.

Я лечусь всюду: три раза в день у врачей, два раз<a> в день электризация, один — массаж, утром и вечером ванны. Все это влетает мне в день — 1 черв<онец> (здорово?) Но зато мне значительно лучше.

20-го, дней через 8, везу Шурочку в Коктебель, там проведу с ним недели три, пока не приедет Бэба Марк<овна>,⁵ а потом.

Потом, Володя, возможно, что я уеду. Уеду далеко и надолго: не меньше, чем на 2 года. Подробностей пока не сообщаю тебе, ибо как-то самому не верится. Если это сорвется — тогда еду от *Красной Газеты* на Алдан, где сейчас жизнь вроде лондонской Клондайки <sic>.⁶

То или другое, но в июле уеду. В свое время сообщу тебе, если ты только к тому времени не будешь в Москве. А с гонорами беда: нигде не платят, всюду тянут, даже там, где уже лежат рукописи. Об авансах и говорить нечего. Я получил предложение от *Зари Востока* переехать в Тифлис на постоянную платную работу. Но условия смешные.

В Союзе все по-прежнему. Многие уехали, многие собираются уезжать. Все еще канителемся с датчанами. Ремонтируем дом. И, конечно, как всегда, Свирский утверждает, что не сегодня—завтра откроем столовую.

Приехал Пильняк. Уехал Яковлев, Борисов, вернулся Воронский.⁷

В *Огоньке* вышла твоя книжка.⁸ Твоя физиономия красуется во всех киосках. На Тверской девушки, вдовушки, маникюрши и моссельпромщицы становятся на тебя в очередь. Зозуля готовит второе издание твоей книжки,⁹ уже с двумя портретами: ты «до» и ты «после».

Воронский 20-го выпускает первый альманах *Красная Новь* — там идет моя повесть, к<отор>ую я привез из Италии. Вопреки ожиданию, она ему очень понравилась. Но мне за нее попадает. Была статейка в *Извест<иях>* о ней — по поводу чтения в Кубу. Расхвалили, а между прочим: идеология хромает.¹⁰

Вышла 4-ая кн<ига> *Кр<асной> Н<ови>* — уже на днях 5-ая выходит. О твоей *Литер<атурной> России* ни духу, ни слуху.¹¹

В *Раб<очем> Жур<нале>* гадко и отвратительно выругали тебя. Послал бы тебе вырезку, да нет под рукой.¹²

Я не верю в эти самые переводы наших вещей на итальян<ский> язык. Вот и чехи твои спинули. Вот Либерман, например, из Берлина. Прислал он нам всем сюда широковетчательные письма, писал, что будет нас всех переводить, что будет специаль<ный> журнал, посвящен<ый> советским писателям *Russische Rundschau*.

Я ему послал свою карточку, книги — и как в прорву: ни слова от него, ни звука.¹³

Тебе повезло с Италией больше, чем мне: ты видишь солнце, греешься, а я мерз, как собака.

У нас тут на той неделе языки работали. Ты, наверное, читал об «интерн<ациональном> съезде писателей», где представителями от России — Бунин и Куприн. (Хороши представители.) Мы письмом в *Изв<естия>* и в *Правду* от имени Союза протестовали. Теперь все печатаются мнения отдельных писателей.¹⁴

Так нового ничего. До сегодняшнего дня в Москве были сентябр<ьские> дни, — мерзли, скулили. Сегодня потеплело. Я мечтаю о юге. Поеду в Коктебель — и сяду за работу.

Ты все-таки свинтус. Так давно уехал — и только теперь удосужился написать.

Пиши, буду раз твоим письмам. И перестань ты писать по адресу Союза, — Жорж¹⁵ письма держит не в кармане, а в мешочке точно — и получаешь их с запахом некоторым. Пора тебе запомнить: Трубниковский 16. кв. 1.

В ресторанчике возле фонтана Треви ты, негодяй, будешь есть омаров, запивая кьянти, а я должен сидеть — хоть бы на яйцах — и то нет: на сухарях! Будь спокоен: завтра в Правлении отвоюем тебе 5 черв<онцев>. Будь здоров. Не забывай меня. Не порть итальянок. Помни, что в Италии и так излишек народонаселения, читай лучше Данте и пиши роман из итальян<ской> жизни. Обнимаю тебя.

Твой Андрей

1. Год определяется по контексту.
2. Мария Александровна Лидина — жена писателя.
3. В это время в семейной жизни Соболева происходили драматические события, см. дневниковую запись Н. Ашукина от 23 мая 1925 г.:

Приходил в редакцию Юрий <Соболев>. Говорил о перемене своей семейной жизни. Весь он какой-то истерзанный — зеленый, небритый. Дал мне письмо, которое просил отнести С<офье> П<етровне, жена Соболева>. Я пошел. Наташи <дочь Соболевых> не видел, у нее была учительница. С<офья> П<етровна> — бледная, большеглазая, внешне очень спокойная, но чувствуется, что едва сдерживается от слез, от истерики — вот-вот взорвется (Николай Ашукин, „Заметки о виденном и слышанном“ / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой, *Новое литературное обозрение*, 1998, № 33, с. 246).

Соболев расстался с Софьей Петровной и женился на актрисе Марии Васильевне.

4. Аленушка (Елена Владимировна) Лидина — дочь писателя.

5. К этому времени Соболев уже развелся с Б. М. Левик, см. запись в дневнике Н. Ашукина (27 апреля 1925 г.) о том, что после приезда из Италии поселился он на старой квартире, где живет и Б<еба> М<арковна>, уже разошедшаяся с ним. Для нее это очень мучительно (Николай Ашукин, „Заметки о виденном и слышанном“ / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой, *Новое литературное обозрение*, 1999, № 33, с. 244).

Поездка в Коктебель, где Соболев был за год до этого, летом 1924 г. (см. п. № 42), не состоялась, по крайней мере, о ней ничего не известно. Вместо этого в июле он с сыном Шурой отправился в Воронежскую губернию — сначала на хутор Вертелихинский, а в августе переехал на хутор Эртелево.

6. Ср. в его письме к Б. А. Фаивуш от 25 мая 1925 г., в котором начертан еще более дальний маршрут:

На Амуре сейчас нечто вроде Клондайка. Можешь понять сама, как это важно в смысле будущих работ (ГМЛ, Отдел рукописных фондов, ф. 351, оп. 1, ед. 3, л. 3).

7. Б. А. Пильняк, см. прим. 8 к п. № 7; А. С. Яковлев, см. прим. 2 к п. № 23; журналист и писатель Семен Борисович Борисов (наст. фам. Шерн; 1894—1941), работник журнала *Красная нива*; А. К. Воронский, см. прим. 21 к п. № 37.

8. Речь идет о сборнике Лидина *Рассказы о двадцатом годе* (М., 1925, Б-ка Огонек, № 31).

9. По всей видимости, имеется в виду другой сборник рассказов Лидина, *Горит земля, увидевший свет* в том же 1925 г. в библиотеке журнала *Прожектор* (№ 11), в редакции которого работал Е. Зозуля.

10. Соболев пишет о своей повести *Рассказ о голубом покое*, которая была опубликована в первом выпуске альманаха *Красная новь*. 21 мая 1925 г. он чи-

тал эту повесть в Цекубу (Центральная комиссия по улучшению быта ученых). В отчете о вечере, помещенном в *Известиях*, говорилось следующее:

На последнем литературном вечере в Доме Ученых Цекубу А. Соболев прочитал свое произведение *Рассказ о голубом покое*.

Впечатление тонкой изящной графики создает своеобразная манера письма этого автора, с сдержанной, но меткой иронией воспроизводящего «в десяти неправдоподобных главах» весьма правдоподобный уголок все-светного мешанско-буржуазного болота. Четко зарисовывает он типы сытых тупых паразитов, составивших своего рода интернационал в одном из уютных уголков Италии. Здесь и румынская княжна, и немецкий коммерции советник, и французский буржуа, и американский предприниматель, и много других, отличающихся формами подбородков, носов, кулинарными вкусами, но не внутренней сущностью самодовольных мешан с туто набитыми кошечками. Буря в стакане воды, поднятая шутником-артистом, выдавшим себя за русского большевика, и взбудоражившая мутно-голубой покой обитателей пансиона *Конкордия* — вот о чем рассказывает автор в этом произведении.

Идеи, пропагандируемые героем *Рассказа* о свободе чувства, о неумеренной, яркой жизни, конечно, смелы только для тупых буржуа, населяющих пансион, действительны только для их ограниченных жен, под влиянием «большевистской пропаганды» решающихся отдалиться влечениям любви: произведение это идеологически весьма легковесно.

Но мастерство, с которым автор выполняет свой замысел, делает его литературно ценным и интересным. Художественная заостренность психологических обрисовок, соединенная с акварельной мягкостью общего тона, своеобразная, какая-то узорная композиция, музыкальная напевность языка — все эти достоинства, вообще характерные для А. Соболева, и здесь проявились в полной мере.

Рассказ о голубом покое принят редакцией *Красной нови* и будет напечатан в одном из ближайших номеров этого журнала (*Известия*, 1925, № 117 (2450), 24 мая, с. 5).

11. Сборник современной русской прозы *Литературная Россия*, составителем и редактором которого был Лидин, вышел в 1924 г. в московском издательстве *Новые вехи*. Сборник включал 28 авторов: рассказ или отрывок из более крупного текста сопровождали портрет, краткая биографическая справка и библиография. Соболев был представлен рассказом *Мимходом*.

12. В *Рабочем журнале* никакие «антилидинские» материалы за 1924—25 гг. не появлялись (приносим искреннюю благодарность Е. Голлербаху за эту справку).

13. В 1925 г. берлинским издательством И. Ладыжникова был задуман выпуск ежемесячного журнала *Russische Rundschau* (Русское обозрение), посвященный вопросам русской литературы. Его редакторами стали: с русской стороны — живший в эмиграции в Берлине, но имевший вполне просвет-

скую ориентацию поэт и литературный критик Семен Петрович (Соломон Пинхасович) Либерман (1901—75), в 1928 г. вернувшийся в Советский Союз, с немецкой — знаток русской литературы, переводчик Эрих Бёме. Среди других авторов, приславших свои тексты в журнал, были Соболев и Лидин (последний, будучи в Берлине, в мае 1925 г. очно познакомился с Либерманом). В октябре и ноябре 1925 г. вышли два номера журнала, после чего его издание прекратилось (в № 1 были напечатаны рассказ Лидина *Инга и Ми-моходом Соболя*). См. об этом (включая другие проекты Либермана, в большинстве своем неосуществленные, в частности, еврейский сборник, куда он пригласил Соболева) в кн.: Борис Фрезинский. *Мозаика еврейских судеб. XX век*. М.: Книжник, 2008, с. 312—367 (здесь же приведены фрагменты из писем Соболева Либерману, а одно письмо, от 1 сентября 1925 г., в котором автор как раз пишет о молчании своего корреспондента и о безуспешных попытках его разыскать, — целиком).

В письме, приводимом Фрезинским, Соболев пишет о другом берлинском литературном ежемесячнике *Der Querschnitt* (ред. Х. В. Ведеркоп) и интересуется судьбой какого-то из своих произведений. Возможно, соболевский текст планировался в июньский номер этого журнала за 1925 г., представлявший собой «русский» выпуск, куда вошла проза Л. Леонова и И. Бабеля, В. Шкловского и Л. Сейфуллиной, Л. Никулина, М. Зощенко и Л. Рейснер, стихи С. Есенина, В. Маяковского и А. Крученых, статьи А. Таирова, К. Станиславского и Ю. Тынянова (тексты, принадлежавшие советским авторам, появлялись и в других выпусках журнала, например: статья В. Парнаха *Der neue Tanz* (Новый танец) в июньском номере за 1926 г. или стихи С. Есенина в сентябрьском номере за тот же год).

14. Излагая свое мнение, Соболев писал в *Известиях* (1925, № 128 (2461), 7 июня, с. 2):

По правде говоря, менее всего меня удивляет желание и согласие Бунина и Куприна представлять писательскую — *сегодняшнюю* — Россию на интернациональном конгрессе писателей: это прежде всего глупо, а затем уже смешно.

Но хорош-то сам «интернациональный конгресс», не удосужившийся понять простой вещи: что приглашать-то следует не покойников, а живых. И вообще довольно непонятна вся эта история с писательским конгрессом, о котором все русские писательские — ныне действующие, активные объединения и организации узнают только... из письма А. Аросева в редакцию *Известий*, да и то после срока.

Я полагаю, что всероссийский союз писателей, объединяющий всех российских писателей, всех за очень малыми исключениями и в достаточной мере авторитетный, будет иметь об этом суждение и определенное постановление по этому поводу вынесет.

И надо думать, что оно достаточно веско прозвучит. Даже для тех инициаторов конгресса, которым, как видно, до сих пор неведомо, что живая,

подлинная, творческая и действенная литература только в России, а не в парижских салонах и что только из России может прозвучать ее голос.

Секретарь всероссийского союза писателей

Андрей Соболев

15. См. прим. 3 к п. № 48.

№ 48

Вертелиханский хутор. 20 июля <1925>¹

Дорогой Володя, я предполагал вернуться к пятнице, но оказывается, раньше субботы не смогу, потому на заседании не буду. Не откажи, пожалуйста, в следующем: надо (по протоколу) ответить Академии Наук, кого мы выбрали, а затем написать Ленинградскому отделению, чтоб они сообщили нам, кого они выбрали.² Все это ты найдешь в моей папке. В субботу я загляну к тебе. Действительно, я пьян от воздуха, от запаха сена. Купаюсь и с ужасом думаю о Москве. Пожалуйста, не забудь все эти бумажки в пятницу продиктовать, — отправит Георгий Михайлович.³ Как здесь чудесно работать можно.

Прощай.

Твой Андрей

1. Год определяется по контексту.

2. Речь идет о московском и ленинградском отделениях правления Всероссийского Союза писателей.

3. Георгий Михайлович Новиков — технический работник Всероссийского союза писателей (он же Жорж, см. п. № 47). 17 августа 1925 г. Соболев обращался к нему с просьбой (в то время он отдыхал на хуторе Эртелево, см. след. письмо Лидину) (РГАЛИ, ф. 1605, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3—3 об.):

Дорогой Георгий Михайлович,

надеюсь, мое первое письмо получили. А теперь я к Вам с просьбой. Дело в следующем. Как всегда, у меня провалились все мои чаяния и планы. И с таким треском, что нечем даже будет выехать, ибо все, что было у меня, я отдал Елене Александровне, не желая быть ей слишком в тягость. Ну, вот. И подумал я вот о чем: нельзя ли, чтоб Вы скоренько прислали мне мое сентябрьское жалование, т. е. авансом. Но только при одном условии: если для этого Вам не придется обратиться к Свирскому,

если только можете просто взять у казначея, когда будете брать на всех служащих, или, если скопилось на эту сумму членск<их> взносов или платы за квартиры.

И не потому, что полагаю, что Алек<сей> Ив<анович> Свирский> откажет. Нет, наоборот: Алексей Иванов<ич>, когда я уезжал, так по-хорошему и чутко пришел мне на помощь. Но просто не хочется опять лезть к нему и напоминать о себе. Потому хочу миновать его, ибо это будет мне *очень* неприятно. Так вот, милый Георгий Михайл<ович>, если можно без этого обойтись — вышлите мне по возможности скорее, чтобы я до 30-го мог получить.

И не сердитесь, что беспокою Вас. А если никак без Алек<сея> Ив<ановича> не обойтись — то *не* надо.

Работаю вовсю. Очень не везет мне со всеми моими начинаниями. Веселенькая осень предстоит.

Жду от Вас весточки. Хотелось бы знать, как наши союзные дела.

Обнимаю Вас

Ваш А. Соболев

Адрес для перевода: Елене Александровне Эртель
ст. Графская Воронеж. губ.

(прибавлять «для А. Соболева» *не* надо во избежание волокиты).

Получив от Г. М. Новикова желанные деньги, Соболев писал ему 29 августа (там же):

Милый Георгий Михайлович, письмо с вложением 30 руб<лей> получил. Большое, большое спасибо. И не сердитесь, что обеспокоил Вас, но, право, очень трудно было.

Просит передать Вам свой горячий привет Елена Александровна.

Я эти дни последние очень измотался: одолели припадки. Так хорошо до того работал, а теперь снова выбит из колеи.

На днях я написал Свирскому, что необходимо выслать 15 руб<лей> Шепеленко на обратную дорогу. Напомните ему, милый Георгий Михайлович, ведь так было обещано Шепеленко, и нельзя же, чтоб еще к тому Шепеленко ездил на счет Ел<ены> Алек<сандровны>, — а послать лучше всего таким порядком, как послали мне: очень быстро дошло.

Я выеду не позднее 5—7-го, возможно, вместе с Юрием <Соболевым>. Написал отсюда в Правление, напомнив им и предлагая выдать нечто вроде «тантъемы» по делу датчан. Рад буду, если это хоть немного облегчит Ваши невеселые финансы.

Крепко жму Вашу руку.

До скорого свидания.

Ваш А. Соболев

№ 49

Хутор «Эртелево», 29 авг<уста>
ст<анция> Графская Ворон<ежской> губ<ернии>¹

Знаменитому итальянскому писателю привет. По-видимому, в Италии принято забывать старых друзей, особенно после того, как в одном писсуаре был с Пиранделлой.²

Ну, что ж, не надо! А ты все-таки свинтус. Не ответил, не пожелал узнать, жив ли я.

Ловлю тут карасей, ходил на охоту. Пищу, мучаюсь в припадках. Но тут чудесно!

Отзовись, д'Аннунцио!³

Андрей

1. Место, где отдыхал Соболев, превратилось в это время в своеобразный писательский дом отдыха, см., например, в дневнике Н. Ашукина (запись от 31 августа 1925 г.):

Сегодня получил письмо от Юрия Соболева, уехавшего отдыхать в имение Эртеля Воронежской губернии — ставшее домом отдыха Союза писателей (Николай Ашукин, “Заметки о виденном и слышанном” / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой, *Новое литературное обозрение*, 1999, № 33, с. 252).

2. Луиджи Пиранделло (1867—1936), итальянский прозаик, драматург; лауреат Нобелевской премии по литературе 1934 г.

3. Габриэле д'Аннунцио (наст. фам. Рапаньетта; 1863—1938), итальянский прозаик, поэт, драматург и политический деятель.

№ 50

23-го <октября 1925>¹

Володя милый, всего тебе хорошего. И только не упрекай меня, что я испортил Вам Ваш банкет.²

Тошно мне до чертиков. На банкете выпейте, друзья мои, за мое здравие. Володенька, трудно жить.

Обнимаю тебя.

Твой Андрей

Да, я оставил записку, что уполномочиваю следить за изданием моих книг Абрама <Эфроса> и Юрочку <Соболева>, и только теперь вспомнил, что тебя пропустил.

Так что мне хочется, чтоб делали вы трое: Абрам, Юрий и ты.

Будь счастлив.

1. Датируется по контексту. В 20-х числах октября, ровно через год после прошлогодней попытки суицида, Соболев в очередной раз готовился к смерти. 21 октября датировано его письмо к Ю. Соболеву (РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, ед. хр. 524, л. 26—7):

Юрочка, милый мой Юрочка, не огорчайся. Так надо. Друг ты подлинный, вот и пишу я тебе в очень жуткую минуту. Иначе поступить я не могу. Мне все надоело и опротивело, сил нет, и я так устал, Юрочка. Ведь так давно я места себе не нахожу. <...>

Ну, прощай, родной. Вот даже поговорить мы с тобой не могли в последнее время, только покричали друг на друга на днях.

Юрий, тебя и Абрама Эфроса я уполномочиваю последить за изданием моих книг, <ото>рые продал я Земле и Фабр<ике> (бумажка об этом у Абрама). Вам же обоим поручаю вообще все свои литературные дела. А тебе, Юрий, Бэба Марковна передаст мою пишущую машинку. *Прими ее от меня на память.*

Проследите, чтоб книжки вышли хорошо. И не надо никакой «по-смертной» рекламы. И пусть будут посвящения, о которых я пишу Абраму.

Прощай, Юрочка, прощай, милый. Я ухожу, потому что уже больше сил нет, потому что не нужен я жизни, потому что устал я чертовски и потому что очень уж криклива жизнь, а я кричать по-сегодняшнему не умею. <...>

Твой Андрей

Попытка самоубийства, однако, была отложена — то ли Соболев сам удержался от него, то ли помешали внешние причины. 4 ноября он продолжил это письмо, см. прим. 1 к след. письму.

2. Банкет должен был состояться по случаю торжественного открытия 1 ноября Дома Герцена, в котором разместился Всероссийский Союз писателей. К этому событию приурочивалась выставка, отражавшая, как говорилось в пригласительном извещении, «писательскую работу московских членов Союза за годы революции» (цит. по: Николай Ашукин, „Заметки о виденном и слышанном“ / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой, *Новое литературное обозрение*, 1998, № 33, с. 257). Из-за смерти М. В. Фрунзе банкет был отложен.

4 ноября <1925>¹

Володенька, вот я попробовал еще некоторое время продержаться. Не хотелось напоследок портить Союзу торжества, было еще несколько причин.

И хорошо, что я еще раз проверил себя. И теперь это уже ясно и просто, как апельсин. Жизни я нужен, как отросток слепой кишки. Она мне осточертела, и вот была без радости любовь, разлука будет без печали.² А вот вы, друзья мои любимые, постарайтесь, чтоб имя мое не трепали даром. И так на нас всех собак вешают. Пусть это сантименты, но у меня два сына, и я не хочу, чтоб они, став взрослыми, могли услышать отголоски того, что будет завтра, послезавтра.

Все зависит от вас, друзья мои. Ну, прощай, Володенька! Торжества я вам не испортил, напоследок угостил меня Буданцев синяком,³ а Клычков — матом с прибавлением нескольких комплиментов насчет моего иудейского происхождения.⁴ (Впрочем, он вчера приходил ко мне извиняться), вы все с петербуржцами теперь ведете высокие разговоры об идеологии, Дом Герцена открыт, — ну, а теперь и я могу уйти без всякой идеологии.

Ты меня неоднократно называл шестидесятницей, нет, милый — это вовсе не так плохо, — при всех своих мерзостях я все-таки всегда думал, что правда нужна. Оказывается, она так же нужна, как очки слепорожденному. Ну, ладно. А мне так худо и тошно, что уж больше сил нет.

Прощай, Володя

Передай мой привет Ашукину, Ширяеву⁵ и Никандрову.

1. Год определяется по контексту. В тот же день, что и это письмо Лидину, он дописал письмо Ю. Соболеву, начатое 21 октября, см. прим. 1 к предыд. письму (РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, ед. хр. 524, л. 27—27 об.):

Юрочка, родной. Смешно, но не хотелось омрачать торжества по поводу нашего дома. Вот и держался, вот и старался виду не показывать. Но уж больше сил нет, и сегодня окончательно и бесповоротно ухожу.

Милый, так надо. Будут про меня глупости говорить, что, мол, запутался я в денежных делах, потому ушел. Но это ложь. Эти мои невкусные денежные дела — только последняя крохотная капля. Ведро давным-давно полно, не хватает только ничтожной капли, чтоб полилось через край. Вот и она явилась. Юрочка, моя на вас, ближайших моих друзей, я взваливаю нелегкую задачу распутаться с моими денежными делами, но уж простите мне это последнее мое прегрешение.

Юрочка, вот какой чудесный сегодня солнечный день, а кругом и в самом себе такая темень.

Прощай, милый мой — и не давай трепать мое имя.

Обнимаю тебя крепко и любовно.

Твой Андрей

На эти предсмертные письма друзьям последовала их стремительная реакция: понимая, что Соболя можно удержать от смерти не уговорами, а какой-то «уважительной» причиной, в качестве таковой, судя по всему, была выдвинута тема торжественного банкета, который он «испортит» своей смертью. 5 ноября Соболев отвечал на это Соболеву (там же, л. 28):

Юрочка милый, как вы все невольно, не зная даже об этом, делаете мне больно: опять мне надо ждать, пока пройдет этот глупый банкет, нельзя не въехать своей штукой, а как тяжело ждать. Как мучителен каждый день.

Ну, слава богу, завтра уже конец всем торжествам — и можно заснуть.

В конце концов самоубийство Соболя удалось каким-то образом предотвратить, отодвинув его на несколько месяцев.

2. Из стихотворения Лермонтова *Договор* (1841).

3. Сергей Федорович Буданцев (1896—1940, погиб в лагере), прозаик. За несколько месяцев до этого Буданцев в кратком отзыве *Будни каторги* на книгу Соболя *На каторжном пути* (М.: ГИЗ, 1925) (отзыв подписан Сергей Б—ев) отмечал, что «трагические будни каторги» нарисованы «опытным пером беллетриста» и воспоминания А. Соболя будут прочитаны с интересом (Учительская газета, 1925, № 35 (48), 23 июля).

4. Сергей Антонович Клычков (деревенское прозвище семьи, которое он порой использовал в качестве псевдонима, — Лешенков; 1889—1937, расстрелян), поэт, прозаик, переводчик.

5. Имеется в виду писатель и переводчик Петр Алексеевич Ширяев (1888—1935).

№ 52

Москва, 13-го февр<аля 1926>¹

Володя милый, я уезжаю в таком диком состоянии и так измучен всеми передрыганиями, что даже не успел повидать тебя. Ты не сердись.²

И вот, Володя, оставляю тебе лицензию. Уж придется тебе ее переправлять. Через три недели я вернусь, и к тому времени она наверное и прибудет.

Затем, Володя, вот что: я оставляю тебе фельетон о Мугани.³ Когда Бродск<ий> пришлет деньги — пошли ему его, переписав его раньше (он был напечатан в провинции только), а деньги немедленно переведи мне (адрес пришлю из Ташкента), ибо, Володя, еду я почти, буквально *почти* без денег. Будь другом и выручи меня.

Обнимаю тебя крепко.

Твой Андрей

1. Датируется по контексту.

2. По поручению газеты *Известия* Соболев отправился в Среднюю Азию, куда выехала комиссия ВЦИК.

3. Речь идет об очерке Соболева *Столица Мугани — Ленино*, напечатанном в журнале *Новая Россия* (1926, № 3, стлб. 61—66).

№ 53

Сызрань, 14-го II <1926>¹

Дорогой Володя, я уехал в таком состоянии, что не было сил даже тебя повидать. Слишком много тяжелого свалилось на меня. Теперь только, немного прийдя в себя, я чувствую, как я устал и измучен.

Еду с такими грошами, что даже «смешно до сарказма» (по Зоричу²). Состояние — дикое, нелепое. Впереди — полная неизвестность. Если комиссию не догоню — то я совсем на бо-

бах. Но сейчас ни о чем не хочется думать — только спать, спать. Володя, слушай. Перед самым отъездом мне удалось получить у того нашего друга еще 5 черв<онцев>.³ Мне их пришлось немедленно, тут же отдать домкому, ибо 22-го с<его> м<есяца> будет разбираться мое дело в Губсуде — и надо было так поступить.⁴ Но не бойся, Володя, — ты своей половины *не* потеряешь. Через день, самое позднее, через 2 дня после того, как ты получишь это мое письмо, ты получишь от Лубовича (из *Зари Востока*) 25 руб<лей>. Бегать за ними тебе не придется, тебе (так мы условились) Лубович позвонит по телефону. Это гонорар за рассказ — я его не успел получить, и тебе его передадут.

У меня сейчас в кармане, кроме билета до Ташкента, 44 рубля, и ничего больше впереди, а до Ташкента еще трое суток пути, потом жизнь в Ташкенте, если я комиссию застаю — а если не застаю — надо нагонять ее. Представляешь себе, как все это весело?

Тебе передала мама мое письмо? Если ты от Бродского получишь деньги и за очерк о Мугани, пришлешь мне — ты меня этим буквально спасешь.

Затем — как только ты получишь те или иные сведения о том, что мама моя не сегодня-завтра от Черняка возвращается⁵ — протелеграфируй мне немедленно, и я тотчас же выеду, чтоб не долго задерживать маму в Москве. И, ради бога, пиши мне и уведоми о получении денег от Лубовича.

База моя будет — Ташкент. Туда, до востр<ебования> мне все и посылай.

Твой Андрей

Володенька, если бы ты знал, как мне худо.

1. Год определяется по контексту.

2. А. Зорич (наст. имя и фам. Василий Тимофеевич Локоть; 1899—1937, расстрелян), писатель, журналист.

3. Возможно, Соболь получил 100 рублей из кассы взаимопомощи Общества политкаторжан, куда он обратился 6 февраля (ГА РФ, ф. 533, оп. 3, ед. хр. 2762, л. 14):

Прошу товарищей не отказать мне в ссуде в размере 100 (ста) рублей. Очень тяжело просить, но сейчас у меня исключительно тяжелые материальные обстоятельства. Товарищи вполне могут быть уверены, что ссуда будет возвращена в течение ближайших трех месяцев, ибо я сейчас пишу большую повесть из каторжн<ого> быта, к<отор>ая мною будет предоставлена нашему издательству. Очень прошу товарищей не отказать мне, так <как> мне *очень* сейчас туго приходится, даже более, чем туго.

Москва, 6 фев<раля> 1926

А. Соболев

В письме к Б. А. Фаивуш от 16 февраля Соболев рассказывал, что в Москве перед отъездом его обворовали:

Я получаю деньги, бегу за билетом, и у меня вытаскивают бумажник со всем содержимым.

Можешь легко представить мое состояние.

Сутки в бешеных поисках денег. Удастся раздобыть только на билет и на самое необходимое до Ташкента.

И вот я в пути с 22 рублями в кармане. Что будет дальше — не знаю (ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. РЛ-72/81).

4. Суд был связан с задолженностью Соболева за квартиру и тянулся с декабря 1925 г. В письме к Б.А. Фаивуш от 11 декабря 1925 г. он писал:

Бетюша, родная, вчера был суд, я торчал там с 11 до 6 ч. веч<ера>. И крючкотворцы — мои адвокаты — к чему-то придрались, потребовали отложить, суд отложен до 19-го. Не знаю, лучше ли это или хуже, ибо хоть какой-ниб<удь> конец, но скорее. Родная, я не могу сейчас покинуть Москву ни на час. Я должен до 19 хоть какую-нибудь часть внести за квартиру, иначе 19-го результат будет ясный: меня выставят (ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. РЛ-72/52).

2 февраля 1926 г. он сообщал ей же:

В Народном суде я дело выиграл, теперь домком переносит в Губсуд — опять канитель, опять мотание и пр. (ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. РЛ-72/79).

5. По всей видимости, речь идет об историке литературы и общественного движения Якове Захаровиче Черняке (1898—1955), который в это время (с февраля 1922 до 1929 г.) являлся ответственным секретарем редакции журнала *Печать и революция* и одновременно заведующим отделом художественной литературы и истории русской литературы. О какой рукописи идет речь, установить не удалось (см. след. письмо).

17-го фев<раля> <1926>.¹ Возле Перовска

Володенька, это письмо передаст тебе Зернов — помнишь проводника саратовского? Сегодня днем столкнулся с ним в Казалинске. Бывают же такие встречи. С любовью поминает он тебя, Юрочку <Соболева>.²

Ты, конечно, получил мое заказное письмо? Я тебе там обо всем написал. Я понемногу начинаю приходить в себя. Но все еще гнетущее состояние. В письме заказном я тебе писал и повторяю снова: если близко будет к тому, чтоб прибыла рукопись от Черняка и надо будет для этого сократить свою поездку — я сокращу и выеду, как только ты мне протелеграфируешь. Приблизительно это будет недели через 3. Так вот к этому времени я тебе телеграфно же сообщу, где я, ибо, по всей вероятности, в Ташкент не вернусь, но поеду в Москву другим путем — через Красноводск. Так что жди уведомления.

Буду держать тебя в курсе моих передвижений.

Ради бога, сообщи, получил ли ты 25 руб<лей> от Лубовича, это меня очень волнует. Сообщи по адресу:

Полторацк (быв<ший> Асхабад), до востреб<ования>, мне.

Обнимаю тебя.

Твой Андрей

Прими Зернова поласковее!

1. Год определяется по контексту.

2. Аналогичный текст о Зернове содержит письмо Соболя, написанное в тот же день Ю. Соболеву и переданное через упомянутого проводника (РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, ед. хр. 524).

27 фев<раля> <1926> Краснодарск

Хаим, милый. Завтра в 6 ч<асов> утра мы уезжаем в пуст<ыню> к колодцам, туда, где воюют из-за колодцев и пастбищ эти самые йомуты и адайцы.¹

Верблюды уже готовы. На одном из них болтается мой дорожный мешок. А мы — на лошадах. Впереди 400 верст по степи. Хорошо! Купили суспензории,² подвяжем яйца.

Завтра «цивилизация» кончается — впереди юрты, ночевки в степи, пески и колодцы.

Всего тебе светлого. Не забывай меня. (О Черняке телеграфируй мне или в Полторацк или в Ташкент.)

Пришлось сегодня купить сапоги, туркменскую мохнатую шапку — в степи еще холодно.

Обнимаю тебя. Сюда я приехал в салон-вагоне бухара эмирского. Закон истории: он — в бегах, я — в его вагоне.³

Что в Москве? Ничего, ничего не знаю.

Будь здоров.

Твой Андрей

1. Древние среднеазиатские племена.

2. Специальная повязка, поддерживающая мошонку.

3. Аллюзия на собственную повесть *Салон-вагон* (1922), хозяева которого меняются согласно смене исторических обстоятельств.

Самарканд, 12 марта <1926>

Милый, только что приехал сюда. Вернувшись из поездки в степь — от тебя в Полторацке ничего не нашел. Чудесная была поездка в аулы — пели по-настоящему пески. Правда, также уйму верст сделать в степи было нелегко, но зато я понял, что такое пустыня.

Потом прошла Бухара — надменный кусок Востока, — городок солнца, глины, узеньких улочек, пестрых халатов, шелка. Самарканд менее занятен — внешне. Завтра утром на автодрезине едем в Ферганскую область — верст 500 отсюда, потом сюда — и снова в Бухару. Там выяснится, летим или не летим в Тамаус, и если не летим — то назад сюда и в Ташкент и в Москву, так числа 22—23 мы увидимся. (Ничего не знаю, что слышно насчет нашего романа, к<ото>рый мы с тобой затеяли, не знаю, что в Союзе, что с моей комнатой. От тебя телеграммы не было в Полторацке — значит, из редакции от Черн<яка> никакого пока ответа.) Сегодня месяц, как я уехал, а кажется, что больше году.

(Володенька), чудесная вещь — пустыня. От нее выздоравливаешь.

Крепко тебя обнимаю. Авось в Ташкенте что-ниб<удь> получу от тебя.

Твой Андрей¹

1. Возвращаясь из этой поездки Соболев писал своему приятелю, писателю С. Б. Борисову (Шерну), см. о нем. прим. 7 к п. № 47; написано на почтовой карточке, адресовано в редакцию журнала *Красная нива* (РГАЛИ, ф. 2885, оп. 1, ед. хр. 7):

19 марта <1926>

Привет ребе, милый Семен.

Вот снова вагон, буфеты, умыв<альник>, подушки и пр<очие> культурные штуки после степей, полей, ночевок на полу, а то и под небом открытым. Какое было горячее солнце в Ферганской долине и как легко дышалось на горных тропинках, когда и долины поднимались к отрогам.

Как-то Вы все живете, что поделяваете? Ничего не знаю о Сене, о Москве, о литературе, о политике — и, увы, придется все узнать.

Тебя крепко обнимаю.

Твой Андрей

№ 57

Володя,

Напоминаю тебе, что в четверг в 8 ч. <> не позднее, мы собираемся у Калиниченко по поводу Ашукина.¹ Так как Калиниченко живет напротив меня (Проточный пер<еулок> 4. кв. 2 (Новинский буль<вар><>), — то я предлагаю тебе придти ко мне, но не позднее 7 $\frac{3}{4}$. До 8—8 $\frac{1}{2}$ я жду тебя. Не придешь — значит, ты саботажник.

Где фельетон?

Андрей

Вторник 8-го (четверг — послезавтра, помни!)

1. Александр Иванович Калиниченко, друг молодости Н. Ашукина.

№ 58

Москва, 6-го июня <1926>¹

Володя, знаю, что очень огорчу тебя своим письмом, но ты постарайся перенести потерю денег более или менее спокойно. Вот я, например, гораздо больше теряю, чем ты — самого себя.

Объяснять нечего — ты сам все можешь понять. Я хотел одним ударом все распутать — и сорвалось. Но не думай, что я уйду из-за денег. Это — только маленькая капля, переполнившая огромное ведро с весьма застоявшейся водой.

Что касается того господина (с Б<ольшой> Дмитр<овки>) — то если он появится на сцене — ты все можешь взвалить на меня.

Ну, прощай, милый. И не упрекай меня, ты даже не можешь представить себе, как мне тяжело и горько.

Твой Андрей

1. Предсмертное письмо Соболя: под утро 7 июня он покончил жизнь самоубийством.